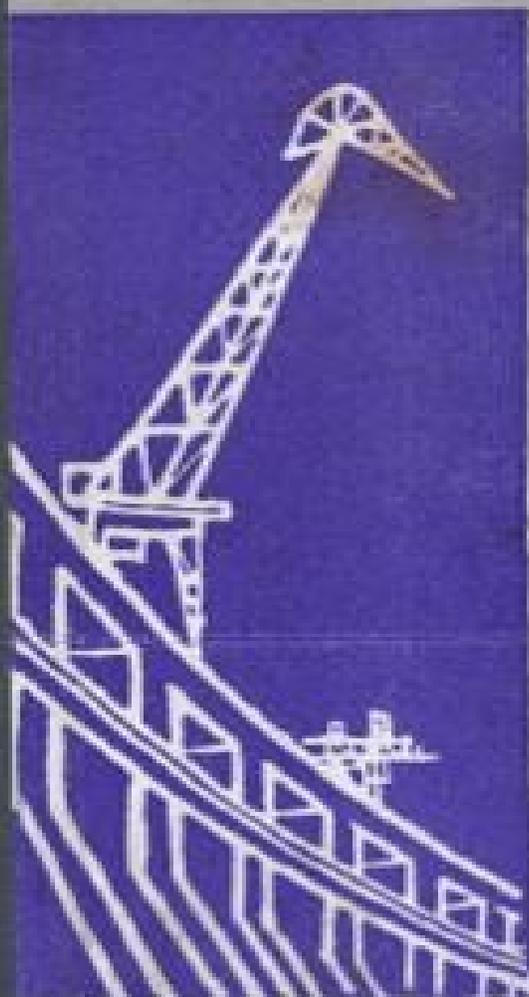

ПЕТРОВСКИЙ

*Ф. Тьема
В. Александров*

ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

Annotation

Биография Григория Ивановича Петровского (1878-1958), русского революционера, советского партийного и государственного деятеля.

- [Федот Федотович Бега](#)
 -
 - [От авторов](#)
 - [Пролог](#)
 - [Часть первая](#)
 - [I. Паренек из села Печенеги](#)
 - [II. В пролетарской семье](#)
 - [III. Первый учитель](#)
 - [IV. Жандармы идут по следу](#)
 - [V. Большевик](#)
 - [VI. «Кровавое воскресенье»](#)
 - [VII. С оружием на баррикадах](#)
 - [VIII. Первый екатеринославский совет рабочих депутатов](#)
 - [IX. Поражение](#)
 - [Часть вторая](#)
 - [I. Рабочий депутат](#)
 - [II. Социал-демократическая Франция](#)
 - [III. Первая сессия думы](#)
 - [IV. Краковское совещание. Встреча с Лениным](#)
 - [V. На каникулах](#)
 - [VI. Большевик на трибуне царской думы](#)
 - [VII. Поронинское совещание и раскол в социал-демократической фракции](#)
 - [VIII. Обострение борьбы в думе. Провокатор Малиновский](#)
 - [IX. Петровский — председатель большевистской фракции](#)
 - [X. Судилище над рабочими депутатами](#)
 - [XI. В ссылке. Большевики продолжают борьбу](#)
 - [XII. Февральская революция. Возвращение в Петроград](#)
 - [Часть третья](#)
 - [I. В Петрограде](#)
 - [II. На Украине](#)
 - [III. Народный комиссар Петровский](#)

- [IV. Снова на Украине](#)
 - [V. Всеукраинский староста](#)
 - [VI. Последние годы](#)
 - [Основные даты жизни и деятельности Г. И. Петровского](#)
 - [Краткая библиография](#)
 - [Иллюстрации](#)
 - [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
-

**Федот Федотович Бега
Владимир Григорьевич Александров
Петровский**

*Ж*ИЗНЬ
ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ
ЛЮДЕЙ

Серия биографий

ОСНОВАНА
В 1933 ГОДУ
М. ГОРЬКИМ

Ф. Бега, В. Александров

ПЕТРОВСКИЙ

ВЫПУСК 19

374

МОСКВА

1963

ИЗДАТЕЛЬСТВО
ЦК ВЛКСМ
«МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ»

От авторов

Одним из инициаторов создания книги о Григории Ивановиче Петровском был его старый друг Степан Наумович Власенко.

При создании книги о Г. И. Петровском большую помощь авторам оказали товарищи, близко знавшие Петровского и работавшие с ним в разное время. Своими воспоминаниями о Григории Ивановиче поделились старые большевики А. И. Буценко, И. А. Жолдак...

А. М. Петровская познакомила авторов с некоторыми материалами из семенного архива Петровского и рассказала о последних годах его жизни.

Ценные советы и консультацию получили мы от заместителя директора Музея Революции СССР М. С. Рутэса, заместителя директора Института марксизма-ленинизма Г. Д. Обичкина и научного работника ИМЛ Т. Н. Беловой. Члены Литературного объединения ветеранов революции Донбасса В. Е. Белогуров, А. А. Кузин, Н. Н. Чувпило помогли своими критическими замечаниями.

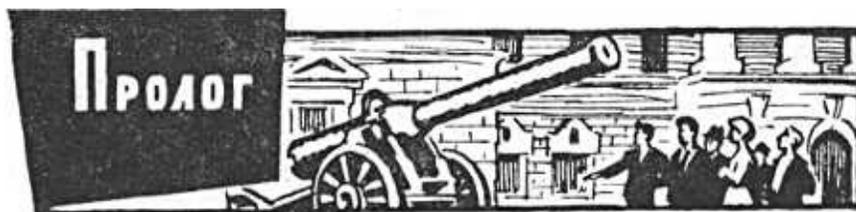
Всем этим товарищам авторы книги выражают искреннюю признательность и благодарность.

J. Kumpover

Пролог

Особняк на улице Горького

Есть в Москве на улице Горького, между площадью Пушкина и площадью Маяковского, старинный особняк. Он стоит за высокой оградой в глубине двора, фасадом к шумной столичной улице. На каменных столбах ограды — каменные львы.

Когда-то в этом доме располагался Английский клуб, куда съезжалась московская знать.

Теперь у старинного особняка особая судьба — быть хранилищем документов самой революционной истории.

На столбе у въездных ворот висит доска. На ней золотом по черному фону написано: «Музей Революции СССР».

А внутри двора на бетонном постаменте — шестидюймовое орудие с медной дощечкой на лафете, на которой написано: из этого орудия в октябре 1917 года революционные войска Лефортовского района громили белогвардейцев, укрывшихся за стенами Кремля.

Тут же, во дворе, перед фасадом дома стоит железный фонарный столб с зияющей сквозной дырой, пробитой артиллерийским снарядом в октябрьской схватке.

Это немые свидетели классовой битвы, потрясшей мир до основания и изменившей его лицо.

В дом на улице Горького приходит ежедневно множество людей. Здесь можно увидеть седых стариков и юных студентов, быстрые стайки ребятишек в пионерских галстуках и степенных рабочих с заводов.

Вы встретите тут и гостей из всех стран мира, людей различных рас и национальностей.

Новая история утверждает новые идеалы. Революцию, свободу, братство людей. Народы все сильнее тянутся к этим великим идеалам.

Вот почему так популярен в наши дни старый особняк на улице Горького.

В то утро Григорий Иванович Петровский увидел во дворе музея группу экскурсантов. Музей был еще закрыт, и ранние посетители в ожидании установленного часа прогуливались по двору, осматривая фасад старинного здания, разглядывали историческое оружие, громившее беляков в Кремле, вели негромкие разговоры, курили.

Григорий Иванович услышал, как рослый полный мужчина тихо сказал: «Смотрите, это, кажется, Петровский!» И все, кто стоял возле него, повернулись лицом к проходившему рядом Григорию Ивановичу. В глазах людей засветились удивление и любопытство. Некоторые поздоровались. Петровский ответил и, пока шел неторопливой старческой походкой через двор к служебному входу, чувствовал за своей спиной взгляды людей.

Он отворил дверь и стал подниматься по крутой лестнице, останавливаясь передохнуть на каждой площадке.

«Сердце опять, — подумал он. — Укатали сивку крутые горки. Ничего, надо тренировать сердце, а не потакать ему».

Сколько лет уже он ходит вот по этой лестнице. Давненько. Лет пятнадцать вроде. Каждая трещинка в каменных ступеньках известна.

На письменном столе уже лежала утренняя почта. Письма, газеты. Писем, как всегда, было много.

Зазвонил телефон. Сообщили, что пришла группа приезжих с Украины товарищей — секретари райкомов партии, они хотят побеседовать с Петровским. Украинцы собрались в первом зале, ждут.

...Григорий Иванович стоял в тесном кольце гостей и улыбался, оглядывая их через очки.

«Молодежь, все новые, — размышлял Григорий Иванович, рассматривая лица гостей и не узнавая ни одного. — Молодая смена. Поредела наша старая гвардия. Годы, годы, идут, стареем... Иных уж нет, а те далече».

Кто-то спросил о здоровье.

— Да что ж здоровье? — Петровский усмехнулся в совсем белые пушистые усы. — Скриплю, как видите. Такое наше стариковское дело. Теперь ваш черед поработать на революцию. Но и мы не сдаемся.

После недолгой беседы отправились осматривать музей. Петровский, неторопливый, простой, даже какой-то домашний, шел в тесном окружении гостей из зала в зал, как по своей квартире, и тихим голосом рассказывал, объяснял, показывал документы и экспонаты.

И у всех было странное ощущение необычайности, исключительности происходящего. Идет впереди обыкновенный по виду, крепкий седой

старик в просторной толстовке. Спокойный в разговоре и жестах, с крупными руками рабочего, похожий больше в этих очках на старого заводского мастера, чем на государственного деятеля. И этот человек знал Ленина! Эти тяжелые руки жали руки Ильича, эти острые молодые глаза видели живое лицо вождя. Он работал с Ильичей плечом к плечу.

По залам Музея Революции медленно шел обыкновенный человек, и он же — сама история.

Гости продвигались по анфиладе залов, и перед их глазами, как на экране, проходили чередой кадры революционной истории.

Вот пожелтевшие странички газеты «Искра» за 1902 год, оттиснутые в подпольной типографии. За эти листочки люди шли на каторгу. А рядом железные кандалы политзаключенных, ключи от тюремных камер. На стенах фотографии баррикадных боев на Красной Пресне и выцветшие листовки со словами: «Долой самодержавие! Да здравствует социализм!» Фотографии Г. В. Плеханова, П. Б. Аксельрода, В. И. Засулич. Фотография Ленина в окружении организаторов рабочего движения, искровцев. Среди них И. В. Бабушкин, В. А. Шелгунов, Г. И. Петровский, М. И. Калинин.

Под стеклом на стендах старые издания книг Маркса, Энгельса, Ленина, побывавшие в руках подпольщиков. И, как символы жестоких схваток, оружие восставших солдат и рабочих: винтовки, берданки, револьверы, самодельные бомбы и кинжалы.

Разодранный красный флаг с надписью «Да здравствует революция!».

В одном зале Петровский подвел гостей к старой фотографии на стене и, весело поблескивая глазами под стеклами очков, сказал:

— А вот и ваш покорный слуга. Тут запечатлено, как меня выдворяли из четвертой Государственной думы за крамольные речи.

И снова катилось по залам эхо отгремевших сражений. Фотография Ленина в Смольном среди красногвардейцев, охраняющих вход в штаб революции. Групповые фотографии матросов, солдат и рабочих на ступеньках взятого Зимнего дворца. Пистолеты командиров и матросов с «Авроры» и других кораблей Балтийского флота, примкнувших к восстанию. И легендарные тельняшки. И резкие, властные строки приказов революционным частям и судам — выступить в поддержку восставшего Питера. Правительственные манифесты, обращенные к гражданам свободной России, и прославленные на весь мир ленинские декреты о мире, земле, хлебе.

А потом тревожным звоном боевой трубы откликнулась гражданская война. Снова фотографии героев, знамена красноармейских полков и дивизий, пулеметы, гранаты, самодельные и охотничьи ружья сибирских

партизан. И с выгоревшего до желтизны листка — призывный клич: «На защиту Петрограда!» — и подпись под воззванием: «ЦК РКП(б). 21 мая 1919 года».

Украинские гости прошли в следующий зал. Прямо перед ними стояла тачанка — настоящая боевая тачанка с пулеметом «максим». Легендарная тачанка, о которой сложена прекрасная революционная песня!

А дальше опять суровой чередой шли реликвии гражданской войны: знамена, винтовки, первые советские ордена и медали и грамоты революционной республики, отличавшие героев.

Поодаль телеграммы на имя Ленина от Фрунзе и Орджоникидзе о победах над белыми.

Чем дальше шли по залам украинские гости с Петровским, тем все больше боевое оружие вытеснялось рабочим инструментом — лопатой, киркой, напильником, штукатурным мастерком. 1921–1925 годы. Страна восстанавливала разрушенное хозяйство. Поначалу еще попадалось на глаза, как эхо утихающей классовой битвы, оружие: то шашка командира частей особого назначения, то винтовка красноармейца. А на газетном листке темнел заголовок: «Борьба с бандитизмом». Революция не могла еще совсем обойтись без оружия. И потому бок о бок на одном стенде, под стеклом, лежала и шашка, подаренная ЦИК Хорезмской республики военному комиссару города Хорезма за успешную ликвидацию басмачества, и кетмень для обработки земли, который вручался дехканам и батракам вместе с актом на пользование землей во время проведения земельно-водной реформы в Узбекской ССР.

Посредине одного зала стоял настоящий колесный трактор, переданный коллективом Тракторного завода на Волге в подарок XVI съезду ВКП(б). Здесь, под низкими музейными сводами, трактор выглядел величаво. Гости с Украины рассматривали его с доброй снисходительной улыбкой, так же как смотрят взрослые люди на младенца, делающего первые шаги. Разве такие тракторы работают ныне на полях Украины!

В зале, отображающем годы Великой Отечественной войны с фашизмом, постояли молча — у каждого эти горькие годы оставили в душе много боли. Родина сохранила имена храбрейших своих сынов. Здесь фотографии, документы, личные вещи героев; скульптуры бесстрашных летчиков Николая Гастелло и Виктора Талалихина; пробитые пулями гвардейские знамена, с которыми советские солдаты пришли к стенам Берлина. И как укор человеческой совести — полосатые халаты заключенных из гитлеровских концлагерей. Модели самолетов, пушек и танков; советское и немецкое оружие, скрестившееся в смертном поединке.

После осмотра музея гости собрались в зале заседаний и, окружив Петровского, сфотографировались на память. Потом Григорий Иванович расспрашивал их о том, кто остался на Украине из старых партийных работников; оказалось, почти никого, все новые, молодые. Вспоминал заводы, шахты, колхозы, где бывал когда-то. И секретари подробно рассказывали Петровскому каждый о своем районе — что нового построили с довоенных пор, какие урожаи, как живут люди.

Петровский, взволнованный воспоминаниями и встречей с земляками, прощаясь с каждым за руку, сказал:

— Передайте поклон родной Украине. Поклонитесь от меня Киеву, Днепру. Всем людям, которые меня помнят.

Проводив гостей, Григорий Иванович поднялся наверх в свой рабочий кабинет и принялся разбирать утренние письма.

Часть первая
В годы первых революционных битв

I. Паренек из села Печенеги

Дороги — бесконечные, иссушенные зноем, пыльные дороги, уходящие за край земли. Дороги, что сливаются с небом у горизонта, зовут и манят и обещают что-то. Дороги старой России. Сколько людей топтало их — не перечесть и не рассказать. Сколько обездоленных искало счастья и правды на твоих просторах, Россия!

Древняя загадка дорог — какую избрать? Где таится счастье для простого люда?

О том же гадали две женщины, что шли жарким летним днем по степному шляху. Одна, молодая, рослая, красивая, шагала легко, впечатывая в толстый слой пыли ступни сильных ног. Вторая, старушка, тоже босая, семенила за молодой проворно и споро, как ходят привычные к полевой работе крестьянки.

Они шли уже который день, держа путь на юг, в украинские привольные степи. Там, сказывали, богато живут люди. В той богом дарованной благодати и надеялись найти крестьянки какую-нибудь работу да зажить, наконец, без нищеты и голодухи.

Под вечер, когда солнце, умаявшись греть степь, покатилося жарким колыбком на край земли, показалось вдали село. Широкий шлях вел прямо к нему.

Сумерки сгустились по-южному быстро, но путницы успели до темноты миновать околицу. Село ничем не отличалось от других таких же сел, которые остались позади. Те же беленые хаты под соломенной крышей, те же буйно зеленеющие сады повсюду, и крестьяне в расшитых рубахах и кофтах, и певучий ласковый говорок.

На улице встретили женщину, расспросили, что за село, далеко ли до Харькова и где тут пустят переночевать двух бездетных странниц. Крестьянка попалась добрая, разговорчивая. От нее узнали, что село зовется Печенеги, — в давнюю пору тут проходили из России на юг какие-то кочевники, которых звали печенегами; с тех пор, говорят, и пошли Печенеги. Женщина объяснила, что до Харькова отсюда немного верст, и сама вызвалась показать хату, где добрый хозяин и есть место переночевать.

— Він у нас вдовець, кравець. Зовут його Иваном, — пояснила на ходу провожатая.

В хате светился слабый огонек. На стук вышел крепкий черноволосый

мужик средних лет. Вглядываясь в темноту, потоптался на крыльце.

— Кто там? — спросил с хрипотцой.

— Та тут до тебе, Іване, дві жинки, просяться на ночівку, — затараторила сердобольная украинка.

— Ну, хай заходять, — промолвил мужик и, шагнув обратно за порог, оставил дверь настежь.

Странницы вошли в дом и, сложив свои пожитки в угол, смиренно сели на лавку.

— Чего робеете, присаживайтесь к столу, вечерять будем, — приветливо по-русски сказал хозяин.

Подкрутив фитиль, он прибавил света в лампе и спросил, поглядев на молодую:

— Как звать-то? Из каких мест будете?

— Звать-то? — встрепенулась девушка. — Меня — Марья, Марья Остахова. А это матушка моя. А идем издалека, из Курской губернии мы, Щигровский уезд. Может, слыхали?

— Слыхал, как не слыхать, — отозвался мужик, возясь с ухватом у печи.

— Бывшие крепостные мы — помещика Маркова, слыхали? — говорила Марья, оглядывая неприбранную хату.

На печи кто-то зашевелился, и показалась лохматая детская голова. Хозяин улыбнулся, перехватив взгляд молодой гостыи.

— Сын мой, Петр. Сирота. Вот уже третье лето как умерла мать, упокой, господи, душу ее, — хозяин перекрестился и прихмурился.

...Поутру, когда женщины собирались в путь, хозяин сказал:

— А куда вам идти? Оставайтесь, поживите у меня, места хватит. Все равно нигде лучше не будет, я походил в молодые годы, всякое повидал. Нашему брату, голышу, везде плохо. Оставайтесь, по хозяйству поможете да за парнишкой вон уход нужен, а то вовсе от рук отбился.

И остались мать с дочерью пожить у овдовевшего сельского портного Ивана Петровского. Потекли дни за днями в работе и общем согласии. Иван занимался своим ремеслом. Марья ходила за скотиной, обмывала мальчишку и нередко прирабатывала в богатых печенегских семьях стиркой. А старая хлопотала по дому.

Думали, поживут немного, подсобят доброму человеку да и пойдут себе дальше, искать своей доли. А вышло по-иному. Пришло время, и Иван однажды сказал старушке матери:

— Благословите нас, матушка! Решили мы с вашей дочкой жениться.

Старая всплакнула от радости и благословила молодых.

Обвенчались, как водится, по-христиански, и стала Марья Остахова, дочь бывших крепостных, законной женой портного Ивана Петровского. 4 февраля 1878 года родился у Петровских сын. Назвали его Григорием.

Спустя год решили Петровские попытать счастья в городе. Портняжной работы в селе было мало и стиркой тоже не разживешься. Да к тому же пора было старшего сына, Петра, пристроить к какому-то ремеслу, поучить, чтобы вышел в люди.

Продали хату, корову и переехали в Харьков. Случай помог Ивану Петровскому устроиться портным в мастерскую солидного магазина готового платья. У Ивана были искусные руки, заказчики шли к нему валом, и он работал с утра до позднего вечера. В семье появился достаток, нечего, казалось, уже было опасаться за завтрашний день.

Но беда не обходит рабочий люд, идет с ним всю жизнь рука об руку. Настигла беда и семью Петровских. От изнурительного труда в мастерской заболел чахоткой глава семьи и года через два умер. Тяжело переживала Марья потерю любимого человека, но горе горем, а детей кормить надо. Она поступила в прачечную и на свой грошовый заработок кое-как растила ребят.

Через год Марья вышла замуж. У мальчиков появился отчим, грубый, хмурый человек. Зарабатывал он немного, а в дом давал вовсе гроши, большую часть денег пропивал. Марья прилагала все силы, чтобы свести концы с концами, но нередко в семье не хватало самого необходимого для жизни.

Чтобы не быть обузой для семьи и помочь матери, Петр, хотя был еще подростком, попытался устроиться на работу, но в то время в Харькове для мальчишки трудно было найти подходящее место. Тогда Петр уехал в поисках работы в Екатеринослав, где были крупные заводы. А Гриша остался с матерью.

Он был трудолюбивым и любознательным пареньком, с охотой помогал матери по дому и любил посидеть за книжкой, читая по складам. Играя с детьми, Гриша не раз забегал вместе с другими ребятами на большой двор, где стояло здание семинарии. Проникали ребята в эту «запретную зону» обычно через проломы в дощатом заборе. Там живой и общительный Гриша подружился с одним семинаристом. Этот семинарист убедил Марью Кузьминичну отдать Гришу в открытую при семинарии начальную школу и пообещал помочь. За учебу полагалось платить, а денег в доме не всегда хватало даже на жизнь, но мать все-таки решилась и отдала сына в эту школу. Учился он хорошо, с увлечением и упорством, но через три года Грише пришлось оставить школу: матери нечем было

заплатить за его учение.

Для сына портного и прачки оставался один путь: выучиться какому-нибудь ремеслу.

После долгих поисков Грише Петровскому удалось, наконец, поступить учеником в слесарно-кузнечную мастерскую при железной дороге. За учебу там с учеников денег не брали, но и за выполненную работу ничего не платили.

Однако доучиться ремеслу так и не удалось. Его уволили только за то, что он посмел пожаловаться начальству на мастера, который издевательски обращался с учениками. Так подросток Петровский впервые испытал на себе несправедливость и самодурство людей, наделенных властью.

Больше года он не мог устроиться на работу. Семья бедствовала по-прежнему, и Гриша брался за всякую поденщину, лишь бы принести матери хоть несколько копеек.

Неизвестно, как бы сложилась дальнейшая судьба рабочего паренька, если бы от Петра, сводного брата Гриши, не пришло письмо. Петр предлагал брату приехать к нему, в Екатеринослав.

Гриша решил ехать. Как ни тяжело было матери отпускать неизвестно куда малолетнего сына, но другого выхода не было. Марья Кузьминична собрала в дорогу Грише узелок с бельем и едой и в слезах пошла проводить сына на станцию.

Так подросток Гриша Петровский отправился в самостоятельную трудовую жизнь.

II. В пролетарской семье

Денег у Гриши было очень мало. Чтобы сэкономить, он не стал брать билета до Екатеринослава. «Куплю до станции Лозовой, а там пешком пойду, — решил он. — А устану, опять сяду в поезд».

Он купил билет в вагон третьего класса и еще задолго до отправления поезда занял свое место на лавке, у окна. Гриша первый раз в жизни ехал по железной дороге и боялся, что поезд уйдет без него.

Мать стояла на перроне возле окна вагона, все смотрела на него и плакала, утирая слезы ладонью. Грише тоже хотелось заплакать. Он с трудом проглотил тяжелый тугой комок.

От грустных мыслей Гришу отвлек шум голосов и топот ног. В вагон один за другим входили пассажиры. И сразу вокруг стало тесно и весело.

Место напротив Гриши оставалось свободным. И только перед вторым ударом станционного колокола это место занял хорошо и чисто одетый мужчина с короткой черной бородкой.

Мужчина, как только сел, сразу развернул газету, закрывшись ею почти до пояса. Лица его не было видно. Когда поезд тронулся, мужчина перестал читать, неторопливо огляделся по сторонам, и вдруг — Гриша это ясно заметил — глаза его, устремленные куда-то за спину Гриши, сделались холодными и острыми. Мужчина опять закрылся газетой. Паренек с любопытством повернул голову назад и увидел на соседней лавке господина в светлой шляпе, с усиками. Он тоже читал газету.

Через несколько минут мужчина, сидевший напротив Гриши, встал и вышел в тамбур. Больше он не появлялся. Исчез и господин в шляпе. В этих двух молчаливых людях и в том, как они почти одновременно пропали куда-то, было что-то неуловимо-таинственное, загадочное. И Гриша, успевший уже начитать книжек о знаменитых ворах и ловких сыщиках, от похождений которых захватывало дух, стал строить всякие догадки. В его воображении проносились картины погони и драк, одна страшнее другой.

Мальчуган наверняка проехал бы станцию, если бы его вагон не остановился как раз против каменного здания с надписью «Лозовая». Гриша вскочил, словно уколотый, и бросился к двери.

Он отыскал крепкую палку, повесил на один ее конец свой узелок, положил палку на плечо и зашагал полевой виляющей тропкой, тянущейся чуть поодаль от железнодорожного полотна.

Гриша прошел с полверсты, когда мимо него прогромыхал, обдав густым дымом, поезд. И вдруг он увидел, как с подножки вагона спрыгнул на полном ходу человек и, пробежав несколько шагов, упал. Когда он поднялся, охлопывая костюм и стирая кровь с поцарапанных рук, Гриша узнал в нем того самого мужчину с газетой, который сел в вагон еще в Харькове, а потом куда-то пропал.

Мужчина, оправив костюм, не оглядываясь, зашагал по тропе вдоль путей. Гриша, потоптавшись, медленно пошел следом, не спуская глаз с идущего впереди человека.

Мужчина вдруг оглянулся и остановился. Сердце у Гриши запрыгало, и он тоже стал, не зная, что делать дальше.

Мужчина неожиданно рассмеялся и крикнул:

— Эй, хлопчик, иди-ка сюда! Да не бойся, не съем! Ты, видно, здешний. Не знаешь, сколько верст до следующей станции?

— Нет, дяденька, я не здешний, — ответил дрожащим голосом Гриша.

— Откуда же ты?

— Из Харькова.

— Постой, да это не ты ли сидел напротив меня в вагоне?

Гриша неопределенно пожал плечами.

— Я.

— То-то, я смотрю, знакомая личность.

Гриша совсем смутился и потупился.

— А куда идешь, хлопчик? Далече?

— Не знаю.... Может, до станции другой. А надо мне в Екатеринослав... к брату еду...

— Ну что ж, выходит, мы попутчики. Друзья по несчастью. Пошли, братец, вдвоем-то веселее, а?

Незнакомец оказался добродушным и разговорчивым. Всю дорогу он расспрашивал Гришу о доме, матери и брате. Постепенно мальчик освоился и тоже стал расспрашивать о всяких неизвестных ему вещах.

Дойдя до следующей станции, они распрощались. Гриша не слишком устал и решил пройти до вечера еще один перегон. А Павлу Васильевичу, как назвал себя незнакомец, нужно было ехать, и он остался ждать поезда на Екатеринослав.

Прощаясь, Павел Васильевич порылся в кармане пиджака, достал записную книжку, вырвал листок и написал на нем свой адрес.

— Вот возьми, Григорий, — сказал он, протягивая листок. — Приедешь в Екатеринослав, заходи ко мне, мы с тобой еще о многих интересных вещах поговорим. Непременно приходи. Обещаешь? Ну,

счастливой тебе дороги, братец! — И крепко, как мужчина мужчине, пожал Грише руку.

Всю дорогу до Екатеринослава мальчик думал об этом человеке, давшем ему свой адрес и пригласившем его, чужого мальчишку, к себе в гости.

...Петр обрадовался брату.

Он долго расспрашивал Гришу о доме, рассказывал о своем житье и заводских порядках. Работает кочегаром на водокачке, часов по двенадцать в сутки, очень устает, а платят гроши. Задумал построить домишко, да денег не хватает, в долги залез по уши, а дел еще много. Пока вот живет в землянке. После работы вместе с женой месят глину и обмазывают стены. Хорошо, если до зимы управятся, а не то помрешь в этой землянке — холодная, сырая.

— Завтра пойдем, Гришутка, поищем тебе какую-нибудь работу, — сказал Петр. — Сразу навряд отыщем. На заводе сейчас мест нет. Ну, да не унывай, что-нибудь придумаем.

Однако устроиться на работу оказалось не просто. По утрам у ворот Брянского завода, где работал Петр, толкались сотни людей в ожидании счастливого случая получить место. И хотя Грише очень хотелось стать слесарем или токарем на заводе: мечтой детских лет было «сделать самому паровоз», — на время с этой мечтой пришлось расстаться.

Грише удалось поступить покуда учеником в телеграфные мастерские при станции. Как и в Харькове, здесь ученикам в течение первых шести месяцев не платили ни копейки. Но все-таки была надежда через полгода получить заработок, и Гриша стал учиться, не прекращая искать с помощью брата другую работу, с оплатой.

В свободное время, обычно по вечерам, он помогал Петру с женой достраивать их новое жилище. Гриша копал и месил в яме глину, лепил кирпич-сырец, обмазывал стены. Гриша трудился с жаром, радуясь, что у Петра, наконец, будет своя хата.

Время от времени, когда Грише вспоминались родной дом, мать и весь путь от Харькова до Екатеринослава ради поисков работы, ему припоминался и тот человек, которого он сперва принял за бандита и с которым потом шел пешком от станции Лозовой. Бумажка с его адресом еще хранилась в Гришином кармане. Наконец однажды он отправился по этому адресу.

Дверь открыл пожилой усатый дядька в сапогах и белой рубахе. Спросил, кого нужно. Гриша смущенно объяснил и показал бумажку с

адресом. Усатый, внимательно поглядев на паренька, взял в руку бумажку, рассматривая.

— Да, это он писал, — пробормотал он. — А ты, что ж, брат, так долго не приходил? Нет Павла Васильевича Точисского. Полиция ему проходу не давала, пришлось Павлу Васильевичу уехать отсюда... Ты где живешь-то? У брата? А-а, знаю такого, на водокачке работает. А ты сам что подделываешь? Да-а, брат, это не то, надо тебе на наш Брянский завод определиться, поближе к рабочему люду. Мест, говоришь, нет? Ничего, поможем, ты приходи-ка ко мне в субботу, потолкуем, у меня и молодежь вроде тебя будет. Придешь? Ну вот и ладно! Братцу привет передавай, скажи — от Игнатова.

И усатый с доброй улыбкой пожал Грише руку.

В субботу Гриша, как обещал, опять пришел в дом к Игнатovu. Хозяин радушно принял его, познакомил с женой и несколькими гостями, сидевшими вокруг стола с закусками и самоваром. Это были друзья Игнатова, рабочие с того же Брянского завода и их жены. Среди гостей Гриша заметил двух пареньков, годами чуть постарше его.

Разговоры были самые разные — от обсуждения поднявшихся цен на рынке до стычек с заводским начальством. Многие в разговоре мужчин было непонятно Грише.

К концу вечера, когда Гриша стал прощаться, Игнатов, словно что-то вспомнив, сказал, удерживая его за руку:

— Да! Вот что. Там у вас в землянке-то тесно вчетвером и лечь небось негде. Ты перебирайся ко мне, места у нас, видишь, довольно. Не стеснишь. Так и передай брату, пусть отпустит.

Брат Петр, знавший Игнатова как непьющего, справедливого человека и уважавший его за самостоятельность, не стал перечить и разрешил Грише перебраться к нему на жительство. Вскоре благодаря хлопотам Игнатова и брата удалось определить Гришу в инструментальную мастерскую при мостовом цехе Брянского завода. Сначала жалованье положили небольшое — тридцать пять копеек в день. Но это был твердый заработок. К тому же здесь Гриша мог обучиться токарному ремеслу, о котором мечтал еще в Харькове.

Перед тем как получить разрешение выйти на работу, каждый вновь принятый на завод обязан был пройти медицинский осмотр. Рабочих заставляли широко раскрывать рот, щупали пальцами зубы, заглядывали в уши, глаза, горло. А если новичок был грамотный, предлагали прочесть несколько фраз. Через эти испытания прошел и Гриша.

На Брянском заводе работало несколько тысяч человек. Редко

проходил день, чтобы не было жертв или увечий среди рабочих. Своеволие и самодурство заводского начальства не знали границ. Рабочие роптали, жаловались на низкие заработки и несправедливые штрафы. Но никто не обращал внимания на их жалобы. Зачем? Когда у заводских ворот толпятся сотни нищих, готовых по первому зову начальства с радостью выполнять любое дело, за которое платят деньги.

Стараясь выслужиться и угодить управляющему, мастера и начальники цехов издевались над рабочими, в особенности над учениками-подростками, на каждом шагу подвергая их оскорблениям, даже побоям. Более независимо и безбедно жили только высококвалифицированные рабочие, умельцы, но таких среди рабочих Брянского завода насчитывалось немного.

Очутившись среди невиданных доселе станков и машин, умеющих в ловких руках людей изготавливать удивительные вещи из стали и чугуна, Гриша был оглушен, очарован и счастлив всем, что его теперь ежедневно окружало.

В девятнадцать лет Петровский стал уже квалифицированным токарем и самостоятельно изготавливал на станке сложные детали, которые обычно поручали, делать пожилым, с большим опытом рабочим. Теперь он зарабатывал по два с полтиной в день. Этого было достаточно, чтобы прокормиться и не отказывать себе в необходимых вещах.

Природная общительность вела его к людям, дружелюбие и искренность помогали найти хороших, верных товарищей.

Заводская молодежь обычно собиралась на вечеринки по субботам или в праздники у кого-нибудь на дому. Григорий любил в кругу девчат и парней повеселиться, спеть песню. Но у него были и другие интересы. Если некоторые из его приятелей увлекались только вечеринками и заботились о том, как бы получше одеться, купить новый галстук, шляпу, колючку, то Григорий больше тянулся к книгам. С годами чтение стало ежедневной потребностью. Он всегда находил время на чтение книг, хотя работал по двенадцать часов и очень уставал.

Жил Петровский по-прежнему на квартире Игнатова. В этой семье он стал родным человеком и даже потом, когда женился и снимал отдельную комнату, часто приходил к своим друзьям. А когда сам Игнатов был арестован, Григорий, кроме денег, что посылал каждый месяц матери, выделял и некоторую сумму, чтобы поддержать семью Игнатова.

С помощью Игнатова он впервые вошел в революционный кружок, где рабочие занимались изучением марксизма и самообразованием.

Такие кружки в Екатеринославе были созданы социал-демократами,

которых царское правительство сослало сюда на жительство из больших городов. Павел Васильевич Точисский — тот самый, с которым подросток Гриша Петровский шел пешком от станции Лозовой и который дал ему адрес рабочего Игнатова, — был выслан из Петербурга; А. Винокуров — из Москвы, Е. Мунблит — из Одессы. Они и были организаторами первых в Екатеринославе марксистских кружков.

Это было время больших экономических и политических сдвигов в жизни огромного самодержавного государства. Капитализм, укрепившись в странах Запада, широким фронтом наступал на Россию. Под его сокрушительным натиском трещали и рушились патриархальные порядки отсталой крестьянской страны. Старые экономические и общественные отношения изжили себя. Новый, сильный класс — буржуазия — властно требовал неограниченного простора для своей деятельности.

В 90-е годы прошлого века капитализм особенно бурно развивался на юге России: в Екатеринославе, Донбассе, Кривом Роге. Здесь были, очень выгодные условия — богатые природные ресурсы, уголь, руда и дешевая рабочая сила, притекающая в города из деревень. Промышленность росла на юге необычайно быстро.

Могучий иностранный капитал нашел здесь простор для своей деятельности. По всему югу строились заводы, фабрики, шахты. Хлебородные степи были посечены стальными рельсами железных дорог.

Эксплуатация рабочих на промышленных предприятиях юга была более хищнической, чем в Москве или Петербурге, и совершенно несравнимой по жестокости и произволу с эксплуатацией рабочего класса Европы. Даже те небольшие права, которых добился и которыми пользовался рабочий класс центральных губерний России, грубо нарушались иностранными промышленниками на Украине.

Кроме уходивших на заработки в города безземельных крестьян самой Украины, на юг тянулась гольтьба из других российских губерний. В Екатеринославе и Донбассе было много безработных. Наплыв почти даровой рабочей силы помогал заводчикам сильнее закручивать эксплуататорский пресс, выжимать пот из рабочих, а недовольных выбрасывать на улицу.

Ленин внимательно следил за тем, как развивается капитализм и рабочее движение в таком крупном промышленном центре, как Екатеринослав. Будущий вождь пролетарской революции придавал большое значение политическому просвещению рабочей массы юга России, в большей части отсталой, с сильным еще налетом крестьянской

психологии. В 1895 году Владимир Ильич устроил переезд из Петербурга в Екатеринослав одного из верных своих соратников — И. Х. Лалаянца, поручив ему наладить в городе подпольную революционную работу.

Это были годы, когда из созданного Лениным в Петербурге «Союза борьбы за освобождение рабочего класса» постепенно выкристаллизовывалась в борьбе революционная рабочая партия, когда идеи социализма соединялись с растущим движением пролетариата.

Однако в 1894–1898 годах социал-демократия практически делала свои первые шаги. По словам Ленина, это был еще период «детства, и отрочества». Но уже в эту пору ребенок обещал вырасти в бесстрашного воина-революционера.

Социал-демократическая революционная работа в Екатеринославе оживилась в конце 90-х годов с приездом из Петербурга одного из лучших марксистов-ленинцев Ивана Васильевича Бабушкина. С этого времени Петровский навсегда связал свою жизнь с борьбой русского пролетариата. То была, по словам Петровского, «золотая эпоха приобщения к научному социализму».

Примерно в то же время в жизни Григория произошло и другое большое событие. На вечеринке, устроенной в доме рабочего Федота Сивакова, двадцатилетний Григорий познакомился с дочерью хозяина Домной. Это была статная красивая девушка с пышными русыми волосами, задумчивая и голубоглазая. Ей суждено было стать женой Петровского. Домна Федотовна оказалась ему верной, мужественной подругой во всех испытаниях жизни.

III. Первый учитель

Он появился утром в цехе и сразу привлек внимание рабочих. Но не потому, что был новичком, и не потому, что по ухватке все приметили в нем мастера своего дела. Приходили и другие новенькие — умельцы высокого класса, которые работали не хуже и знали станки как свои пять пальцев. Но те ничем по обличью не выделялись из общей заводской массы — такие же усталые, затюканные жизнью бедолаги в засаленных спецовках. А этот был аккуратно причесан, в чистой рабочей блузе, подтянутый, точный.

Работал новичок быстро, легко, даже с каким-то удовольствием. Стружка, завиваясь, весело бежала с резца, сверкая на солнце, и светлоглазый человек с короткими подстриженными русыми усами тоже весело посматривал по сторонам, на рабочих у станков, которые, в свою очередь, между делом оглядывались на него с любопытством.

Так весной 1897 года появился в Екатеринославе Иван Васильевич Бабушкин, революционер, член созданного Лениным в Петербурге «Союза борьбы за освобождение рабочего класса». Жандармы, выследив Бабушкина, продержали его тринадцать месяцев в тюрьме, а затем решили выдворить из столицы куда-нибудь подальше.

Григорий Петровский работал в том же цехе, что и Бабушкин. Их токарные станки стояли неподалеку один от другого.

Бабушкин часто подходил к станку Петровского-то какой-нибудь совет по работе даст, то спросит что-либо о доме, о семье. Постепенно Григорий сблизился с Бабушкиным. Нередко они вместе возвращались с завода, толкуя о заводских порядках. Бабушкин исподволь знакомился со взглядами Петровского, с его интересами, подсказывал ему, какие книжки следовало бы прочесть.

С мастерами в цехе Бабушкин держался независимо, разговаривал смело, даже дерзко, часто спорил.

В глазах Петровского Бабушкин был настоящим героем.

Однажды Иван Васильевич пригласил Григория к себе домой в воскресенье.

Наутро, наспех позавтракав, Петровский отправился на Чечелевскую улицу к Бабушкину. Домна уговаривала мужа не ходить так рано: дескать, человек небось еще спит — благо день воскресный, — а ты к нему спозаранку в гости. Но Григорий, поколебавшись, все же пошел: уж очень тянуло взглянуть, как живет и какие читает книги этот удивительный

человек, который никого не боится.

Бабушкин был уже на ногах, бодрый, свежий, выбритый.

— Заходи, заходи, Гриша, ждал тебя, — крепко пожимая руку Григория, оживленно говорил он, ведя гостя в свою комнату и легонько подталкивая его в спину. — Вот моя холостяцкая келья, садись. Сейчас мы с тобой выберем, что почитать.

Иван Васильевич подставил гостю стул и прошел к этажерке с книгами. Григорий с любопытством оглядывал маленькую комнату, обставленную очень скромно. Столик, покрытый чистой белой скатертью, аккуратно убранная железная кровать, этажерка с книгами, цветы в горшках на подоконнике. Все было непритязательно, чисто и опрятно, как сам хозяин, одетый всегда просто, но тщательно.

Бабушкин в задумчивости разглядывал корешки книг, трогая двумя пальцами русский ус.

— Что же тебе дать для первого раза? Невелик тут у меня выбор... Почти все книги в Петербурге остались... Дам я, пожалуй, тебе вот что... Очень интересная и весьма полезная книга.

Иван Васильевич вытащил из книжного ряда толстый томик.

— Вот, прочти это. Автор — итальянский писатель Джованьоли. Тут рассказано о восстании рабов в древнем Риме и об их отважном вожде.

Григорий взял в руки книгу и прочел на обложке: «Спартак».

— Это имя вождя восставших рабов, — пояснил Иван Васильевич. — Прочтешь, дам еще.

«Спартак» Григорий прочел вместе со своим другом Павлом Мазановым, большим книголюбом. Читали после работы, дома у Петровского, вслух, напеременку. Третьим слушателем была Домна.

Книга произвела необыкновенное, ошеломляющее впечатление на молодых людей. С разрешения владельца книги «Спартак» пошел из рук в руки между друзьями Григория. Разговору и споров о книге хватило на много дней. А когда Григорий поинтересовался, какого мнения о «Спартаке» сам Бабушкин, тот сказал, что книга эта, кроме литературных достоинств, имеет еще одно, главное — она учит организованности в классовой борьбе и потому для рабочих особенно полезна.

Потом Бабушкин порекомендовал Григорию и его товарищам прочесть еще несколько книг. Так они узнали «Жерминаль» Э. Золя, «Овод» Э. Войнич, русских классиков. Кое-какие книги Иван Васильевич дал из своей библиотеки, а другие пришлось разыскивать по базару и книжным лавкам. Григорий с приятелями читали произведения русской и западной классики, указанные Бабушкиным, политические газеты и журналы. Молодежь так

увлеклась литературой, что на семейных уже начали ворчать жены: что это, мол, за напасть такая — книги; мужья сидят по вечерам дома, ни в компании повеселиться, ни погулять не идут, как все люди.

Как-то в субботу Григорий возвращался с работы вместе с Бабушкиным. Иван Васильевич предложил:

— Хорошо бы собрать хлопцев, потолковать о том, о сем. У тебя если? Как жена, не станет возражать? Ну вот и ладно! Давай собирай ребят своих, кто понадежней, понял? Ну, вечером встретимся. Как тебя найти-то?

Петровский назвал номер дома, где снимал с женой комнату. И они, пожав друг другу руки, разошлись.

Григорий, счастливый, гордый доверием, которое оказал ему Бабушкин, поспешил домой и рассказал жене, что нынче вечером у них будет замечательный человек, придут и другие товарищи, и наказал, чтобы она приготовилась хорошо встретить Бабушкина. А сам пошел пригласить наиболее надежных своих друзей.

Часам к восьми у Петровских собралось несколько молодых рабочих. Вскоре пришел и Бабушкин. Он приветливо поздоровался с каждым за руку, пытливо вглядываясь в лица.

Когда мужчины сели за стол, Домна, робея, спросила Бабушкина, можно ли и ей остаться.

— Конечно, Домна, конечно. Вам тоже полезно послушать нашу беседу, — серьезно сказал Иван Васильевич. — Садитесь вот рядом со мной.

Молодая хозяйка села и весь вечер потом, слушая Бабушкина, не сводила с него задумчивых голубых глаз.

Бабушкин рассказывал о рабочем движении в России и за границей, объясняя его цели и задачи. Он говорил, что пролетарии могут освободиться от эксплуатации только через революцию, свергнув царизм, что только организованной борьбой рабочие пробьют себе путь к социализму. И тут же пояснял, что такое социалистическое общество и чем оно отличается от капиталистического. Бабушкин рассказал о том, что на Западе рабочие организуют профсоюзы, растолковал, как и для чего они созданы, о силе профсоюзов и их участии в борьбе политических партий. А когда речь зашла о забастовках в Москве и Петербурге, Иван Васильевич рассказал, чем они были вызваны.

Обо всем этом Бабушкин говорил очень простыми, ясными словами. Григорий и другие открывали для себя совершенно новый мир знаний и жадно слушали, забыв обо всем остальном, эти ясные и мудреные, грозные, как тучи, и слепящие, как молнии, слова. А когда Бабушкин заговорил о

бесправном положении рабочих, произволе мастеров и администрации на Брянском заводе, парни наперебой сами стали рассказывать, припоминая случаи несправедливых наказаний, которые пришлось им претерпеть.

Беседа о жизни рабочих и их борьбе затянулась за полночь. Но никто не чувствовал усталости. Молодые люди были возбуждены и просидели бы так вот до света, если бы сам Бабушкин, взглянув на свои карманные часы, не сказал, присвистнув:

— Э-э, братцы мои, засиделись! Не пора ли гостям и честь знать? Хозяевам спать пора, да и нам тоже.

Григорий и Домна стали уверять, что им спать вовсе не хочется и они, как и все, готовы еще слушать, но Иван Васильевич, весело усмехнувшись, сказал:

— Будет, на сегодня будет! Учтите, дорогие хозяева, все еще впереди. Как бы вы нас потом метлой не гнали из дому!

Бабушкин с помощью Григория продолжал исподволь втягивать заводских парней в разговоры о политике, о бесправном положении рабочих и жестокой эксплуатации фабричной администрации, о российских порядках. Иван Васильевич, строго предупредив об осторожности, давал тоненькие политические брошюры и книги. То была особо опасная литература — работы Плеханова, Маркса, Энгельса: за нее полиция сажала в тюрьму — приходилось читать эти книжки тайно, прятать где-либо в надежном месте.

Эти книги поднимали у молодых заводских рабочих боевой, революционный дух, звали к борьбе с эксплуататорами народа. Бабушкин объяснял молодежи существо марксистских идей, учил, как нужно критически разбираться в мнимо-демократических писаниях буржуазных либералов, заполнявших страницы российских газет и журналов.

Умный организатор и опытный пропагандист, Бабушкин умел находить пути к уму и сердцу каждого рабочего. На фактах повседневной заводской жизни он пояснял молодежи азбуку научного социализма. Занятия обычно проводили на квартире Петровского, вели их сам Бабушкин или Петр Морозов, марксист-революционер, тоже сосланный в Екатеринослав. После некоторого отсева образовался устойчивый состав слушателей. Из них и был создан на Брянском заводе социал-демократический подпольный кружок. В него вошли ссыльные революционеры Бабушкин, Морозов, Филимонов, Меркулов, Томигас и екатеринославские рабочие Петровский, Мазанов, Числов, Лавренов, братья Овчинкины.

Иван Васильевич с большим уважением относился к Петру Морозову.

Как впоследствии вспоминал Петровский, Бабушкин не раз говорил товарищам, что в знании марксизма Морозов выше его. И действительно, беседы Морозова запомнились Петровскому на всю жизнь, он был исключительно интересным пропагандистом, именно он пробудил у рабочей молодежи интерес к марксистской теории, помог молодому токарю Григорию Петровскому преодолеть первые трудности в изучении этой теории.

На одном занятии кружка Бабушкин рассказывал о рабочем движении за границей и в России. В этот вечер Григорий и его товарищи впервые услышали о деятельности петербургского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса», которым руководил Владимир Ильич Ленин (Ульянов).

О самом Ленине, создателе и руководителе «Союза борьбы», Бабушкин рассказывал с любовью. Петровский и другие кружковцы чувствовали, что Бабушкин — давний близкий друг и единомышленник Ленина, что их крепко связывает одно большое общее дело. Ленин, по рассказам Ивана Васильевича, рисовался молодым екатеринославским рабочим как простой и в то же время необыкновенный человек — человек огромного ума, воли и редкостной доброты к людям. Энергию он удивительно соединял с мягкостью души, темперамент бойца с мечтательностью поэта, смелость со скромностью.

Так состоялось заочное знакомство Григория Петровского с человеком, который возглавил русскую пролетарскую революцию и с которым потом Петровский работал рука об руку многие годы.

Создав социал-демократический кружок на Брянском заводе, Бабушкин занялся организацией таких же подпольных революционных кружков на других заводах Екатеринослава, а также Нижнеднепровска, Каменского. Потом он объединил все кружки с «центральной» социал-демократической группой города Екатеринослава, которой руководил И. Лалаянц. В результате образовалась единая подпольная организация, построенная по типу петербургского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса».

А в 1898 году Бабушкин создал Екатеринославский комитет РСДРП. В него вошел и Григорий Петровский — его Бабушкин называл своим главным помощником.

Бабушкин горел чистым огнем революционной веры, и это притягивало к нему тех, кто искал правду в беспросветной жизни, подобно тому как в холодную, сырую ночь сходятся к случайному жаркому костру сбившиеся с дороги люди.

Это был революционер большой культуры и несгибаемой воли.

На екатеринославских рабочих, особенно на молодежь, неотразимо действовала та независимость, с которой Бабушкин держался при столкновениях с заводской администрацией. Рабочие видели в нем своего человека, такого же пролетария, как они сами, но только более умного, знающего и бесстрашного.

Авторитет Бабушкина в рабочей среде рос необычайно быстро.

Склад нелегальной литературы и типографского оборудования был устроен на квартире Петровского.

Бабушкин считал устройство типографии делом исключительно важным, сам подбирал людей и требовал от своих помощников строгой конспирации.

Все необходимое для будущей подпольной типографии доставали тайком. Шрифт и краски раздобыли у печатников. Болванку для оттисков, валики для краски поручили изготовить Григорию Петровскому в цехе. Эти детали Григорий вытачивал на своем токарном станке, когда поблизости не было мастера и других лиц из администрации. Все оборудование переносили по частям на квартиру Петровских поздно вечером или ночью.

Наконец типографский станок был собран. Все с волнением ждали ночи, в особенности хозяева квартиры. Молодые супруги ясно сознавали, на что идут, понимали, что им грозит в случае, если полиция обнаружит типографию. Григорий Петровский был уверен, что его жена не побоится пойти той опасной дорогой, которую он избрал: ведь сколько между ними переговорено об этом, сколько раз клялись они друг другу никогда, как бы ни было тяжело, не отступать от борьбы за дело рабочих. А Бабушкин и другие подпольщики видели в Домне Петровской верного товарища.

После того как Домна плотно завесила окна, все молча сгрудились у станка и немного постояли, разглядывая четкую сетку шрифта, похожую на пчелиные соты, и блестящие под лампой детали.

— Что ж, начнем на страх царизму! — улыбнувшись, весело сказал Бабушкин, подмигнув напряженно блестящим глазом и оглядел строгие, серьезные лица товарищей. — Ну-ка, Домна, организуй охрану!

Молодая женщина тотчас вышла из комнаты. На крыльце Домна глубоко вдохнула холодный ночной воздух и огляделась. Нет, кажется, возле дома ни души. В поселке тихо, люди спят, даже огней не видно. Домна присела на ступеньку, повела плечами, кутаясь в шерстяную шаль. Она знала, что придется подежурить тут долго — листовки будут печатать, может быть, до рассвета.

А в доме уже вовсю шла работа. Петровский растирал краску и смазывал ею шрифт, Бабушкин туго прокатывал валик и снимал оттиски

прокламации, а двое других — Морозов и Бычков — раскладывали листовки для просушки и затем, свернув их треугольником, укладывали в пачки. Работали молча, быстро, иногда перекидываясь лишь деловыми замечаниями.

Так прошла ночь. Домна выносила несколько раз во двор пачки листовок и передавала их людям в рабочих блузах, и те бесследно исчезали в белой дымке предутреннего тумана.

Днем на заводах Екатеринослава только и говорили что о политических листовках, невесть как попавших в цехи. В обеденный перерыв на заводских дворах толпились возбужденные группы рабочих, и, чтобы пресечь смуту и опасные разговоры, администрация вызвала наряд полиции. Весь город потом целую неделю жил слухами об «ужасных» прокламациях, подбивающих рабочих на бунт против властей и самого царя.

Поднятая на ноги екатеринославская полиция устроила обыски и облавы па заводах и в рабочих кварталах города, но обнаружить типографию не удалось. Некоторое время спустя, когда служебный пыл полицейских чиновников поутих, но в цехах и на улицах все еще шныряли рьяные шпики, подпольщики снова принялись за работу.

На очередном заседании комитета РСДРП Иван Васильевич Бабушкин предложил высказаться товарищам, о чем, по их мнению, следует писать в листовках в первую очередь, какие вопросы жизни особенно волнуют рабочих. После обсуждения решили, что лучше всего будет, если члены комитета напишут разные тексты прокламаций — для каждого завода отдельно, с учетом их особых нужд и условий работы. Одному комитетчику было поручено написать листовку для рабочих Екатерининской железной дороги, другим товарищам — для завода земледельческих орудий, гвоздильного, Каменского и Заднепровского заводов. Григорию Петровскому поручили, конечно, завод, где он сам работал, — Брянский.

Большинство рабочих-подпольщиков никогда в жизни не писали политических прокламаций. И, конечно, многие листовки пришлось поправлять и дописывать Бабушкину и Морозову. Редактировали, а затем и печатали прокламации в комнате Петровских.

Воздействие листовок было огромным. Они будили в рабочих веру в свои силы, сплачивали людей. На многих екатеринославских заводах администрации пришлось пойти на уступки, удовлетворить некоторые требования рабочих.

Распространять такие «крамольные» воззвания было делом сложным и

опасным. Но молодые екатеринославские подпольщики успешно справлялись с поручениями комитета, хотя не раз сталкивались лицом к лицу с полицией. Выручали юношеская дерзость и находчивость.

Однажды поздним вечером Григорий Петровский, захватив из дому пачку отиснутых прокламаций, отправился разбросать их в рабочих кварталах. В помощь он взял паренька-подростка Юркина. Листовок было много — больше двух сотен. Большую часть их Петровский распихал под рубаху, крепко стянув ее ремнем. Остальное запрятал под одежду Юркин.

Когда они проходили мимо Брянского завода, у Петровского каким-то образом расстегнулся ремень, и листовки посыпались из-под рубахи. Хотя уже стемнело, но белые листки на земле были хорошо видны. В первую минуту Григорий растерялся. А его ученик, тихо охнув, быстро огляделся по сторонам и готов был уже с перепугу задать стрелкача, но Григорий, уже справившись с собой, удержал Юркина.

— Тихо! Не бойся... Помоги быстро собрать.

— Бегим, дядя Григорий! Поймают!

— Не бойся, чудак. Темно, видишь, никого нету. Помогай, помогай, ну!

Мальчишка потоптался немного, сопя от волнения, и принялся торопливо подбирать прокламации. А когда все листовки были собраны и спрятаны, Григорий молча похлопал юного подпольщика по плечу. И паренек с радостью ощутил в этой мужской ласке благодарность и похвалу.

Но едва они сделали десяток шагов, как из темноты перед ними возникли фигуры двух полицейских. Это был патруль. После первого случая с прокламациями, нашумевшего на весь город, полиция по ночам делала обходы в рабочих кварталах.

— Кто такие? — громко окликнул один из полицейских.

Не только у паренька душа ушла в пятки, даже Петровский оробел от такой внезапной встречи. И все-таки он сумел спокойно ответить:

— Рабочие. Идем на смену, в завод.

— Где работаете?

— В прокатном цехе, — ответил Григорий.

Минуты две тянулось нестерпимое молчание.

— Ладно, идите, — сказал, наконец, полицейский.

Подпольщики быстро зашагали прочь, и тьма поглотила их. Они дважды, путая след, повернули в переулки. Теперь, что бы ни взбрело в голову полицейским, они уже не найдут их.

— А если бы нас обыскали, дядя Григорий? — охрипшим голосом спросил Юркин.

— Ну! Мы бы не дались, так припустили бы, только фараоны нас и видели! — пошутил Григорий. Потом, помолчав, сказал серьезно: — Если бы обыскали, посадили бы нас с тобой в тюрьму. За это дело не помилуют. А ты не бойся. Настоящий революционер ни тюрем, ни каторги не боится. Вон Бабушкин Иван Васильевич. Смелый мужик?

Юркий кивнул головой и посмотрел в серьезное лицо Петровского.

— Вот с него и пример бери, если хочешь драться за рабочее дело.

В эту ночь Петровский с Юркиным разбросали прокламации на улицах возле Трубного и Брянского заводов и до рассвета вернулись домой.

Оба, и Петровский и его юный помощник, с трудом подавляли улыбки, когда наутро, придя в цех, выслушивали разные небылицы о том, как в заводском поселке появились прокламации. Кто-то даже утверждал, что видел ночью нескольких студентов, которые ходили от дома к дому и клали на крылечки эти листки.

Полиция опять всполошилась. По ночам по всему Екатеринославу и особенно на рабочих окраинах города разъезжали патрули конной жандармерии. Тогда подпольщики изменили тактику. Листовки стали распространять в предрассветные часы, а на заводах — днем, в обеденный перерыв. Прокламации оставляли в уборных, незаметно подкладывали в ящики верстаков и сумки, в которых рабочие приносили с собой из дома еду. А надежным людям давали листки и просто в руки, отозвав куда-нибудь в укромное место. На прокламациях было написано: «Прочти и передай другим». Рабочие читали и в цехе и дома, в семье. Потом листовку передавали соседям. Читали, конечно, тайком от посторонних глаз, прятали за пазухой, а дома — под матрацы или под половицы, засовывали за иконы.

Позднее многие рабочие Брянского завода узнали тех, кто распространяет прокламации, и помогали подпольщикам. Григория Петровского в других цехах принимали, как своего.

В мае 1898 года на Брянском заводе произошли драматические события. Все случилось внезапно, бурно, в несколько часов — так, как выходит из берегов река в половодье.

Рабочие взбунтовались. Обида, гнев, жажда справедливости, человеческая гордость — все чувства, которые испытывают рабы, вечно угнетаемые господами, вдруг разом выплеснулись наружу, сломав в душах плотину терпения. Страсти так взбурлили, что остановить, образумить эту слепую стихию уже было невозможно.

Все началось с убийства рабочего. Охрану Брянского завода несли черкесы. Администрация специально нанимала этих темных, не знающих русского языка горцев, чтобы иметь под рукой безропотных стражей. К

тому же черкесам хорошо платили. А деньги и национальная ненависть к русским, иноверцам, делали горцев послушным орудием в руках заводчиков.

Как-то вечером, после гудка, один молодой рабочий, выйдя из проходной, отломил для какой-то надобности кусок доски от заводского забора. Это заметили охранники. Они нагнали рабочего и набросились на него. Завязалась драка. Парень ударил и сбил с ног одного охранника. Тот, взбешенный, вскочил, выхватил из ножен кинжал и пырнул рабочего в живот.

Это видели скопившиеся у заводской проходной люди. Тотчас же толпа кинулась на стражников. Они были жестоко избиты. А когда рабочие увидели, что товарищ их мертв, они уже не смогли сдержать гнева.

Разъяренная, ревущая толпа хлынула к заводу. По пути разбила в щепы сторожевую будку, разломала забор. Вмиг рабочие окружили контору. Откуда-то притащили керосин, вспыхнул огонь. Через минуту здание конторы уже было объято пламенем. Люди кинулись громить заводские продуктовые лавки.

Перепуганное начальство срочно вызвало войска. Завод и рабочий поселок быстро оцепили жандармы. Начались стычки. Рабочие пустили в ход камни и дрекольё. Но вооруженная сила взяла верх. Рабочих загнали в дома. А тех, кто сопротивлялся, хватали, скручивали веревками руки и отвозили прямо в тюрьму. Было арестовано, а затем выслано из города около пятисот участников бунта.

Волна стихийного возмущения захватила и Григория Петровского. Ввязавшись в драку с жандармами, он едва не угодил им в лапы. Когда об этом узнал Бабушкин, он резко отчитал своего помощника за то, что он, Григорий, поддался чувству и, вместо того чтобы, как подобает сознательному революционеру, вести за собой массу, оказался сам на поводу у безрассудной толпы.

Вместе они сели писать текст прокламации. Нужно было разъяснить рабочим Екатеринослава бесплодность таких бунтов и призвать к организованной, последовательной борьбе с царизмом и буржуазией. Случившееся кровавое столкновение и поражение рабочих было горьким, но полезным уроком. Это способствовало политическому возмужанию рабочих.

Над участниками бунта состоялся суд. Было привлечено более тысячи рабочих Брянского завода в качестве обвиняемых и свидетелей.

Подсудимые, привезенные в зал заседания прямо из тюремных камер, выступали со страстными революционными речами. Их прерывали,

лишали слова. Но на смену одним вставали другие и смело говорили все, что они думают об этой дикой полицейской расправе. На суде вскрылась картина жестокой эксплуатации, произвола и беззакония, творившихся на Брянском заводе. И рабочие заявляли, что теперь они ясно поняли, какой избрать путь: не бунты, а организованные политические стачки и демонстрации отныне станут средством борьбы пролетариев с заводской администрацией и царским самодержавием.

Эти события показали, что стихийность рабочих выступлений, их беспомощность перед властями объясняются двумя главными причинами: низким уровнем политического развития рабочих, большая часть которых еще недавно была крестьянами, и слабой еще работой социал-демократической организации в массах — ее влиянием была охвачена лишь небольшая группа передовых пролетариев.

Так оценивали руководители русской социал-демократии события в Екатеринославе. Эмигрантский центр в Женеве издал в 1900–1901 годах в связи с этим две брошюры: «Суд над брянскими рабочими» и «Движение в Екатеринославе». Брошюры были тайно переправлены через границу и читались подпольщиками по всей России.

Надежды екатеринославских властей на усмирение с помощью крутых мер не оправдались. Борьба не утихла. На Брянском заводе администрация под угрозой забастовки вынуждена была сделать рабочим некоторые уступки: уволила ненавистного всем мастера Миляка, соглядатая и хозяйского холуя, и исправила мошеннически исчисленные заработки в расчетных книжках рабочих. А осенью вспыхнула забастовка на трубном заводе Шодуара. Там рабочие сумели добиться повышения заработной платы.

Не ослаблял своей деятельности и Екатеринославский комитет РСДРП. Перед рабочей маевкой 1899 года в подпольной типографии на квартире Петровского была отпечатана листовка. Написанная членом комитета Петром Морозовым, эта листовка с очень острым политическим содержанием нарасхват читалась на заводах и напугала полицию. В городе начались повальные аресты и обыски. В руки жандармов попал и П. А. Морозов. Больного, давно уже сжигаемого огнем чахотки, его специально держали в сырой тюремной камере, а когда Морозову стало еще хуже, его отправили по этапу на родину, в Смоленскую губернию. Человек, которого не могли сломить ни тюрьмы, ни ссылка, умер там вскоре от чахотки.

Екатеринославские подпольщики потеряли многих товарищей. На полицейские репрессии они ответили усилением политической пропаганды, более глубокой конспирацией. Петровский вместе с

товарищами вырыли под домом подвал и перенесли туда печатный станок. Комитет РСДРП приступил к изданию нелегальной газеты «Южный рабочий».

Но вскоре подпольщики Екатеринослава понесли самую большую потерю: в лапы жандармов попал признанный и любимый всеми вожак рабочих — Иван Васильевич Бабушкин. Через некоторое время Петровский узнал, что он совершил успешный побег из екатеринославской тюрьмы и скрылся. Лишь в 1903 году, когда и Петровский очутился в тюрьме, ему стала известна дальнейшая судьба И. В. Бабушкина. Оказалось, что Бабушкин, преодолев трудный и долгий путь через границы Польши, Австрии и Германии, нелегально, под чужим именем, выкрасив усы и волосы, в 1902 году добрался до Лондона, где в это время жили Ленин и Крупская. Некоторое время он пожил в их «коммуне» и уже в октябре с паспортом на чужое имя по поручению Ленина выехал в Питер для объединения Петербургского комитета РСДРП на платформе «Искры», что было очень важно перед II съездом РСДРП. Но едва Бабушкин успел выполнить это серьезное поручение Владимира Ильича, как был арестован, а затем сослан на пять лет в Восточную Сибирь. Позднее стало известно, что, как только началась первая русская революция в 1905 году, И. В. Бабушкин возглавил Читинский комитет РСДРП. Потом он пропал безвестно где. И только в 1910 году выяснилось, что И. В. Бабушкин и пять других товарищей, которые вели поезд с оружием для восставшего Иркутска, были схвачены и расстреляны карательной экспедицией Меллер-Закомельского на станции Мысовка. Когда Владимир Ильич Ленин узнал о том, как и когда погиб его лучший ученик и помощник, он написал некролог.

«Без таких людей русский народ остался бы навсегда народом рабов, народом холопов. С такими людьми русский народ завоюет себе полное освобождение от всякой эксплуатации», — писал Владимир Ильич.

IV. Жандармы идут по следу

Ему было только двадцать лет, а он уже считался опасным бунтовщиком, зачинщиком беспорядков на Брянском заводе. Мастера и начальник цеха постоянно к нему придирались. И не раз, возвращаясь домой с работы или шагая куда-либо по делу, он ловил взглядом позади себя такую знакомую фигуру человека в штатском. Эти люди были одеты в добротные и разные пальто и костюмы, но все — походка, жесты, ухватки и то, как однообразно-казенно сидела на них одежда, — все в них с головой выдавало сыщиков. К шпикам в рабочей колонии привыкли; они примелькались здесь, как голодные, бездомные собаки, снующие из двора во двор в поисках пищи.

У Григория Петровского уже вырабатывалось чутье подпольщика, глаз стал зорким. Григорий ходил на завод, читал запрещенные книги, печатал листовки, выполнял другие задания комитета партии, спорил в тесном кругу таких же, как сам, молодых рабочих парней о политике и марксизме или же, сидя вместе с женой Домной за столом на веселой товарищеской вечеринке, пел песни, но всегда он старался быть собранным, осторожным. Этому учил молодых подпольщиков Бабушкин. К этому призывали горькие уроки конспиративной работы: аресты товарищей и провалы явок за последнее время стали очень часты.

Григорий был еще на свободе, хотя за ним уже началась коварная и жадная охота, как за дорогим красным зверем. Ловчие шли по его следу. Петровский, конечно, точно не знал, что взят на учет охранкой как политически неблагонадежный, но чувствовал, как все туже и туже смыкается вокруг него незримая петля.

В донесении Екатеринославского жандармского управления от 27 сентября 1900 года сообщалось по начальству в Петербург в департамент полиции: «Г. И. Петровский ведет с 1898 года систематическую пропаганду среди рабочей молодежи в селе Кайдаках, снабжая их нелегальными изданиями...» В Кайдаках жила семья самого Петровского и семьи многих рабочих Брянского завода.

Осенью 1899 года Григория Петровского призвали на военную службу. Ему предписывалось прибыть туда, где он родился, — в село Печенеги Харьковской губернии. Петровский взял расчет на заводе, собрал котомку, расцеловался с женой и поехал. Жизнь его, казалось, круто, со всего бега, как горная бурная река, повернула свое течение. Но, к счастью, казарменная

муштра миновала его: по состоянию здоровья он получил отсрочку от военной службы на один год.

Товарищи не советовали Петровскому возвращаться в Екатеринослав, опасаясь, что его там сразу же арестуют. Сам Григорий также был уверен, что полиция не будет с ним церемониться. И он решил, что разумнее пока устроиться временно на какой-нибудь завод в Харькове.

Петровский поступил работать на Харьковский паровозостроительный завод. Условия труда здесь были такими же тяжелыми, как и на заводах Екатеринослава.

Григорий присматривался к здешним рабочим. Слушал их разговоры, когда в обеденный перерыв они собирались небольшими группами, расспрашивал о жите-бытье, заводских порядках, об отношениях с мастерами и администрацией, осторожно переводил беседу на политические темы. Как и в Екатеринославе, харьковские рабочие возмущались низкими заработками, грубостью начальства, незаконными штрафами и увольнениями. Обо всем этом говорили вполголоса, с оглядкой по сторонам.

Петровский видел, как темны, забиты эти рабочие люди. Они еще не сознавали своей великой классовой силы и не подозревали даже, как трепещут сильные мира сего, из которых наиболее проникательные уже поняли, какого могучего врага пестуют сами они на заводах России. И все же, как ни горестно было Петровскому видеть униженность и рабскую покорность здешних рабочих, он с удовлетворением отмечал, что недовольство людей растет, а это значит, что подспудно вызревает буря.

На Харьковском паровозостроительном Петровский проработал недолго, а затем вынужден был переехать в город Николаев. Полиция опять начала слежку за ним, и Петровский надеялся сменой мест спутать ей все карты. К тому же в Харькове оказалось трудно подыскать недорогую комнату для семьи, и жена Григория Ивановича с грудным сыном-первенцем Петром по-прежнему жила в Екатеринославе.

Друг юности и товарищ по партии Павел Мазанов, которому тоже пришлось уехать из Екатеринослава, снял для семьи Петровских скромную квартирку в Николаеве. Сам Мазанов работал здесь на судостроительном заводе, Петровский устроился туда же. Спустя несколько дней Григорий уже встречал на вокзале молодую жену с маленьким сыном.

Николаев был в ту пору провинциальным городом, значительно меньшим, чем Харьков или Екатеринослав. Но промышленность развивалась здесь быстро, и рабочие были настроены по-боевому.

Петровский нашел на судостроительном заводе кое-кого из старых

знакомых, тоже переехавших сюда из Екатеринослава. Вместе с ними и с высланными из разных российских губерний членами РСДРП — их было несколько человек — Петровский создал городской подпольный партийный комитет и пропагандистские кружки для рабочих. Кроме этого, был организован еще один, «центральный» кружок, где члены партии — наиболее развитые и грамотные рабочие — изучали вопросы теории социализма и политической экономии.

В «центральном» кружке рабочие готовили себя к деятельности партийных пропагандистов и агитаторов, которым предстояло нести революционные идеи на заводы и фабрики. Многие вечера и ночи просиживали члены кружка над «Капиталом» Маркса — грызли такие крепкие теоретические орешки, как фетишизм товара, двойкий характер труда, прибавочная стоимость и т. д. При изучении трудов Маркса и Энгельса кружковцы сталкивались с именами Сен-Симона, Прудона, Шекспира, Байрона, Гёте, Бальзака. Это заставляло рабочих обращаться к книгам классиков литературы, изучать историю.

Григорий Петровский, несмотря на молодость — ему в ту пору шел двадцать второй год, считался уже опытным революционером; он был хорошим конспиратором, умел ясно и просто объяснить сложный теоретический вопрос, показать, как писать прокламации и печатать их. Искренность, чистосердечие в отношениях с товарищами привлекали к нему людей. Все, чему научился и что знал, пройдя школу Бабушкина и Морозова, Григорий передавал другим. Молодые рабочие в шутку называли его своим «крестным отцом» в подпольных делах.

Петровскому удалось установить постоянную деловую связь Николаевского комитета с Екатеринославским комитетом РСДРП. Это было важно для получения информации и согласованных действий обеих организаций.

Так екатеринославские рабочие предупредили Николаевский комитет, что ими точно установлено: за Петровским ведется постоянная полицейская слежка и нужно, чтобы он некоторое время не занимался сам распространением листовок и агитацией среди рабочих. Тогда, возможно, удастся обмануть бдительность властей.

Однако предупреждение екатеринославских друзей не подействовало на Петровского. Да и как было ему, молодому революционеру, удержаться, когда летом 1900 года по всему Николаеву загудели фабричные гудки, сзывая рабочих на забастовку. Конечно, Григорий тотчас ринулся в это клокотавшее гневом людское море и повел за собой толпу. И, как следовало ожидать, его сразу же арестовали на улице.

Забастовка была подавлена, а Петровского и еще трех арестованных с ним рабочих привели к градоначальнику.

Николаевскому градоначальнику уже подробно доложили, что это за птицы, и он долго не церемонился. После короткого разговора он приказал всем четверым стоявшим перед ним рабочим выехать в двадцать четыре часа из города в любом удобном направлении. В противном случае, сказал градоначальник, он посадит их в тюрьму.

Оставалось подчиниться. Глупо было менять насильственную высылку — и все-таки это была свобода! — на тюремную камеру.

Григорий Петровский сказал, что поедет в Полтаву, а про себя решил опять вернуться в Екатеринослав, хотя это и могло обернуться для него той же тюрьмой. Но он не желал выходить из борьбы, бросать товарищей и дело, которому поклялся отдать всего себя.

Однако эта первая в жизни Петровского репрессия все же прервала на короткое время его революционную деятельность. Нужно было найти работу на каком-нибудь екатеринославском заводе, затем подыскать жилье и после первой полочки перевезти семью.

Петровский опять был среди своих екатеринославских друзей, с которыми вместе читал первые в своей жизни революционные книжки, разбрасывал первые листовки. Правда, многих единомышленников уже не было — кто-то сидел в тюрьме, кто-то был сослан в Сибирь. Но старых товарищей заменили новые. Подпольные организации окрепли и численно выросли. Екатеринославский комитет РСДРП вел пропагандистскую работу на заводах города и в губернии. Комитет имел свой хозяйственный орган — Красный Крест, который при забастовках оказывал нуждающимся рабочим помощь.

Как и в прежние годы, Петровский был введен в состав нового комитета РСДРП. По всей губернии насчитывались уже десятки пропагандистских и общеобразовательных кружков для рабочих. Их нужно было политически направлять. Это дело комитет поручил Григорию Петровскому.

Рубеж нового века — 1900 год — Россия перешагнула устало и тяжело. Огромную страну поразила экономический кризис. Сильнее других страдали рабочие. Заводчики выбрасывали их на улицы сотнями и тысячами. Семьи голодали. А те счастливы, что еще стояли; у станков, получали грошовую оплату. Недовольство перерастало в массовые волнения. Рабочие в поисках ответа на мучавшие их вопросы потянулись более чем когда-либо к политике — прокламациям, митингам, маевкам, стачкам.

На заводах Екатеринослава, как и по всей России, сильно повеяло мятежным духом. Листовки, революционные брошюры, номера газеты «Южный рабочий» переходили из рук в руки.

Екатеринославский комитет РСДРП вел агитацию широко и планомерно. Ряды подпольщиков росли очень быстро. Однако стражи самодержавия тоже не дремали. Пришло время, и полиция, заранее наметив себе жертвы с помощью провокаторов и сыска, обрушилась на социал-демократию. Были арестованы почти все рабочие вожаки. В руки охранки попали руководители Екатеринославского комитета РСДРП Григорий Петровский, Миха Цхакая, А. Ткаченко. Как выяснилось позже, их выдал провокатор.

При обыске на квартире Петровского полиция обнаружила рукописные черновики прокламаций, призывающих рабочих объединиться и сообща выступить против самодержавия. На допросе Петровский категорически отрицал свою принадлежность к революционной социал-демократической партии. А когда следователь, указывая на листки прокламаций, заранее уверенный в неоспоримости такой улики, с ехидцей спросил, для чего же подсудимый держал на квартире вот эти антиправительственные воззвания, Григорий Петровский с невозмутимым лицом ответил, что эти листовки написаны им ради упражнения в письме. Насмешка была столь явной и хлесткой, что взбешенный следователь вскочил и, потрясая кулаками, пригрозил сгноить наглеца на каторге. Петровского увели и более на допросы не вызывали!

За решетками екатеринославской тюрьмы оказались рабочие с разных заводов. Некоторые из них хорошо знали Григория Петровского по совместной подпольной работе, другие много слышали о нем, и теперь, в этой каменной неволе, судьба свела их.

Всех политических за неимением свободной камеры посадили к уголовникам. Рабочие, спаянные привычной дисциплиной подпольщиков, держались группой, дружно, один за одного, и навели в камере свои порядки.

Политические ни в грош не ставили тюремное начальство, на окрики надзирателей не обращали ни малейшего внимания. Когда вместо положенных по тюремным правилам ежедневных молитв политические громким хором запевали «Марсельезу» и «Варшавянку» или же «Дубинушку», заключенные-уголовники, бормоча хвалебные слова творцу, поглядывали на рабочих с удивлением. В глазах воров и убийц в эти минуты светились незатаенная зависть и уважение к этим неунывающим гордым людям.

Вскоре тюремное начальство заметило, что рабочие плохо влияют на уголовников: те начали дерзить надзирателям, нарушать установленные порядки и даже в часы молитв напевать революционные песни. Чиновники не на шутку встревожились, поспешно перетасовали все камеры и в одну из освобожденных перевели политических заключенных. Стоит ли говорить, как обрадовались такому обороту дела Петровский и его товарищи! Ведь теперь они были вместе, как одна семья, и ни одно чужое ухо не могло более услышать, о чем они говорят.

По делу арестованных рабочих продолжалось судебное следствие. Их поочередно допрашивали, а они, сговорившись, твердили одно и то же: на каких основаниях их держат в тюрьме? Пусть предъявят доказательства в их виновности. А если нет таких — пусть немедленно освободят.

Пока следователи и полиция сочиняли мало-мальски убедительное обвинение, арестованные не теряли времени. В своей камере они обсуждали дальнейшие дела, которые им предстояли по выходе на свободу; рассказывали о том, как организована пропаганда марксизма на их заводах, обменивались опытом распространения прокламаций и кружковой работы.

Администрация екатеринославской тюрьмы, наконец, поняла, что содержать в одной камере такую сплоченную группу опасных преступников неблагоприятно. Из группы политических отобрали десять человек, наиболее влиятельных, по сведениям полиции, вожаков, в том числе и Григория Петровского, и отправили всех в полтавскую тюрьму. Здесь их рассадили по одиночным камерам.

Камера, куда попал Петровский, представляла собой узкую каменную келью с цементированным полом и голыми стенами. Вход в камеру запирали обитая железом тяжелая дверь с «глазком» для надзирателя. Под потолком тускло тлела лампочка; она едва освещала углы этой мрачной кельи. Окно под потолком, пересеченное накрест толстыми железными прутьями, закрывалось наполовину деревянным щитом, так что узник мог видеть лишь клочок гдлу-бого неба величиной с ладонь. Днем в камере было полутемно. Солнечный свет появлялся только на несколько минут, скользил веселым дразнящим пятном по стене и потом исчезал на сутки.

Товарищи Петровского сидели точно в таких же камерах.

Григорий Петровский впервые в жизни попал в тюремную камеру-одиночку, и поначалу ему казалось, что нет никакой возможности установить связь с товарищами-заключенными и с теми, кто остался на воле. Тоску по жене и сыну он переносил стойко. Тяготили безделье, отсутствие книг, одиночество. Нужно было что-то придумать, связаться с екатеринославцами из других камер, узнать их настроение.

Петровский старался припомнить все, что слышал о тюремных нравах от Бабушкина и других, прошедших школу неволи. Он перебирал в уме все известные ему по рассказам способы, какими пользуются арестанты для установления связи друг с другом. И, наконец, Григорию пришла в голову счастливая мысль.

Она сверкнула в голове его неожиданно, когда он, сидя на деревянном топчане, опершись локтями о колени, рассеянно наблюдал, как молодой парень, заключенный-уголовник, прибирается в его камере. Он приходил каждый день, приносил скудный тюремный обед, убирал пустую посуду и подметал пол. Это заставлял его делать надзиратель. Как узнал из разговора с парнем Петровский, другие одиночные камеры также обслуживали уголовники.

«А ну, попробую, авось получится!» — подумал Григорий и оглянулся на растворенную настежь дверь камеры. Надзирателя не было. Слышались только размеренные шаги сапог в гулком длинном коридоре.

Оторвать клочок от курительной бумаги, черкнуть карандашом несколько слов и скатать записку было делом минуты.

— Браток, слышь, передай по одиночкам, — быстро шепнул Григорий, сунув записку уголовнику.

Ровные, размеренные, как падающая капель с крыши, шаги приближались к двери.

— Брось в чайник! — шепнул Григорий.

Парень ухмыльнулся, подмигнул и кинул бумажку в пустой чайник, в котором всегда приносил кипяток. Потом с невозмутимым лицом, собрав посуду, он вышел, едва не столкнувшись с надзирателем. Дверь камеры захлопнулась, звякнул запор. Послышались удаляющиеся по коридору шаги и звон ключей в руках надзирателя.

«Передаст или побоится?» — с беспокойством думал Петровский. Однако на другой день парень принес ему вместе с обедом записочку от товарищей.

Так и пошло. Уголовники тайком переносили из одиночки в одиночку записки, а политические в благодарность за это делились с ними табаком и папиросами, которые уголовникам, по тюремным правилам, не выдавались.

Екатеринославцы преодолели преграды из каменных стен и решеток. И хотя не видели друг друга, они опять были едины. Началась борьба. Первое, что они потребовали, убрать с окон камер щиты, заслоняющие дневной свет. Тюремное начальство отказало. Тогда политические объявили голодовку. Щиты с окон пришлось снять. Окрыленные победой, уверовав в свою силу, екатеринославцы выдвинули новое условие: либо каждому из

политических выдадут чернила и бумагу и будут приносить книги, какие им нужны, либо они опять перестанут принимать еду из рук надзирателей.

На этот раз им ничего не ответили. Просто отменили ежедневные прогулки по двору, а надзиратели стали злы, как цепные псы.

Петровский предложил добавить к прежнему условию требование: пусть им, кроме беллетристики, выдают также и книги по социальным вопросам. На это согласились все политические. Обменявшись записками на клочках курительной бумаги, решили: голодать до победного конца.

И опять начался неравный бой между властями и сидящими за решеткой людьми, у которых было только одно оружие — воля и сила коллективного духа.

В тюрьме поднялся переполох. Уговаривать политических приходил комендант, затем инспектор полтавских тюрем. Потом явился прокурор города. И, наконец, вице-губернатор во всем величии и достоинстве своего сана. Они упрашивали, убеждали, орали и грозили каторгой. Ничто не действовало на екатеринославцев.

Их оставили в покое. Начались одиннадцатые сутки с тех пор, как узники перестали есть. До Петровского дошло известие, что двое товарищей от истощения слегли и не встают. Третий серьезно заболел, как удостоверил тюремный врач. Силы были на исходе. А власти молчали, выжидали, как охотник, стерегущий зверя.

Петровский старался не вставать, дабы сберечь остаток сил. Он понимал, что их испытывают на крепость, что именно сейчас проверяется стойкость духа революционера: кто не выдержит, покинет ряды бойцов. Но он также понимал, что всему есть предел — и терпению и героизму. Испугаются городские власти общественного скандала, быть может, забастовки, которые возможны в случае их смерти, или же они пойдут на все, лишь бы сохранить престиж? Что раньше сдаст: скрученная пружина их воли или нервы насильников? Страх или бесстрашие — что возьмет верх?

Голова туманилась от дум, и Петровский засыпал. А утро приносило облегчение; колебания и тревога за товарищей отступали: уголовники передавали изустно (большинство голодающих уже не могло писать), что рабочие не сдаются, настроение у всех боевое.

На двенадцатые сутки голодовки политических нервы полтавских властей не выдержали. В камеры екатеринославцев вместе с горячим мясным супом сами надзиратели принесли бумагу, чернила, перья и карандаши. Вежливо они попросили составить список нужной литературы.

Заклученные поздравляли друг друга с первым успехом. По рукам из

камеры в камеру ходила чья-то записка: «Ну, чем мы, братцы, хуже святых угодников, ей-бо! Вовсе без пищи можем жить...»

Через два дня, когда политические окрепли и могли уже ходить, надзиратели принесли книги. Среди них были и работы Маркса.

Тюремные решетки более не мешали узникам следить за политической борьбой в России: напуганный голодовкой заключенных, полтавский вице-губернатор махнул на все рукой и повелел выдавать «этим яростным сумасшедшим», как он выразился, газеты и книги, какие те пожелают.

Это может показаться невероятным, но от фактов никуда не денешься: да, екатеринославские революционеры добились того, что получили возможность читать в застенках самую что ни на есть «крамольную» литературу! В полтавской тюрьме под руководством Петровского образовался этакий своеобразный «кружок» по изучению марксизма.

На екатеринославцев, как на диковину, специально приезжали взглянуть прокурор харьковской судебной палаты и полтавский городской голова. Чиновники ходили по камерам, пристально всматривались в лица узников, листали книги, которые те читали, задавали вопросы и удивлялись, что не видят в этих странных людях ничего сверхъестественного. Обличьем своим они ничем не отличались от обыкновенных рабочих, которых прокурор и городской голова не раз видели на заводах и фабриках. И все же профессиональное чутье подсказывало, что перед ними новая, очень крепкая революционная поросль рабочего класса, что эти люди грамотны, твердо знают, чего хотят, и потому особенно опасны.

Петровский пробыл в полтавской тюрьме один год. Из группы екатеринославцев его освободили последним. Не исключено, что Петровского продержали бы за решеткой гораздо дольше, если бы он, простудившись, не заболел туберкулезным воспалением желез. Но, вынужденные освободить Петровского, власти потребовали залог в сто рублей. Таких денег ни у Петровского, ни у его жены, конечно, не было. Домна Федотовна обратилась за советом к друзьям мужа. Выход был найден. На заводах рабочие по копейкам собрали требуемую сумму и вызволили своего товарища из тюрьмы.

В назначенный час, когда Петровского должны были выпустить на свободу, у кованых тюремных ворот его ожидали жена и двое товарищей. Рядом стояла извозчичья пролетка, на которой они приехали. Домна наняла извозчика на последние гроши. Она знала, что болезнь сильно подточила здоровье мужа и ему трудно будет идти в больницу пешком.

Домна надела сегодня лучшее свое платье, тщательно расчесала и

заплела русые, с золотом, косы. Юная, голубоглазая, с огнем волос, в белом платье, она была красива. Молодой безусый стражник с винтовкой, стоявший у тюремной будки, поглядывал на нее с восхищением, подмигивал, отпускал шуточки. Домна, борясь в душе с волнением и нетерпением, пыталась держаться непринужденно, а сама напряженно поглядывала на дверь в тяжёлых воротах, чутко ловила звуки шагов по ту сторону высокой стены.

Она хотела всем своим видом приободрить, обрадовать больного мужа, передать ему, обессиленному, часть своей силы, энергии, радости.

И солнце, и высокое чистое небо, и щебет птиц словно бы сговорились помочь в этом молодой женщине. Домна ждала, нет, она вся тянулась, летела к нему, взволнованная, любящая. А он медленно шел сейчас по гулким темным коридорам, спускался по каменным холодным лестницам, снимал арестантскую одежду, получал вещи, одевался... И вот он уже во дворе. Идет... Вот он выходит, вот сейчас она кинется ему на шею...

Звякнула щеколда, открылась в воротах дверь. И он вышел, поддерживаемый под руки двумя стражниками. Он едва стоял. Он сразу узнал и ее и товарищей, улыбнулся.

Домна кинулась к нему, обхватила за шею, целовала бледный, с холодной испариной лоб, сухие губы, глаза, что-то говорила ему. Товарищи уже поддерживали его под руки, вели к коляске. Усадили на мягкое сиденье. Домна села рядом, обняв его сильной рукой за плечи, прижалась к нему. Он улыбался, пытался шутить и гладил ее нежную, белую, в веснушках руку.

Извозчик тронул лошадь, и пролетка, плавно колыхаясь, покатила прочь от тюрьмы. Молодой безусый стражник хмуро глядел вслед коляске, опершись на винтовку, и думал о чем-то тяжело, ненастно...

Болезнь оказалась очень серьезной, запущенной. Петровского положили в полтавскую земскую больницу. Ему пришлось пролежать там два месяца.

Он еще был слаб после болезни, не работал, когда ему прислали повестку о вторичном призыве на военную службу. На этот раз вся комиссия в один голос признала его совершенно непригодным к службе. Двадцатитрехлетний Григорий на всю жизнь стал белобилетником.

В мае 1901 года Петровский опять переехал в Екатеринослав. Домна занималась домашними делами, а Григорий ходил по городу в поисках работы по специальности. Но токари нигде не требовались.

Наконец Григорию повезло: его приняли в мастерские Екатерининской железной дороги. Правда, не токарем, а электриком, благо он разобрался и

в этом деле, но это все-таки был заработок, кусок хлеба для семьи.

В железнодорожных мастерских Петровский познакомился с еще одним видным русским рабочим-революционером, В. А. Шелгуновым. До создания РСДРП он был членом ленинского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса». Петровский и Шелгунов быстро сблизились. Кроме личных симпатий, их дружба скреплялась общностью взглядов на задачи и методы партийной борьбы.

Квартира Петровского снова, как и при Бабушкине, стала местом, где собирались члены Екатеринославского комитета РСДРП. Это было время острых партийных дискуссий — время, которое Ленин назвал «периодом разброда, распада и шатаний» в рядах российской социал-демократии. Газета «Искра» под руководством Ленина вела ожесточенную борьбу против русского и международного оппортунизма и ревизионизма.

Несокрушимая логика и трезвый политический реализм статей Ленина лишь укрепляли Петровского в его собственных мыслях. Конечно, тут играли роль и личные симпатии к человеку, о котором Бабушкин — учитель юного Петровского — несколько лет назад рассказывал с такой теплотой и сердечностью. Но не это было главным. Никакая вера в истинность идей даже гениального человека невозможна, если эти идеи чужды опыту твоей собственной жизни.

Как и в других промышленных городах, где имелись партийные комитеты, в Екатеринославе также среди социал-демократов шли горячие споры между сторонниками Ленина и экономистами.

Екатеринославский комитет РСДРП раскололся. Среди комитетчиков исчезло прежнее единодушие. Позицию Ленина и газеты «Искра» отстаивали Петровский, Шелгунов, Драханов, Краснощеков, а линию экономистов до хрипоты защищали Костюшко, Епифанов, Шура. Понятно, что при такой обстановке комитет не мог стать боевым организатором до тех пор, пока не выработает единую политическую линию.

Разобраться в этих разногласиях очень помогала рабочим «Искра», созданная Лениным еще в декабре 1900 года. Со страниц газеты оппортунисты получили сокрушительный отпор. Тем самым ленинская «Искра» идейно подготовила создание большевистской партии. Правда, процесс этот был трудным и долгим, он расколол российскую социал-демократию на две враждующие группы. Однако, как показала история, весь ход русской революции, правда и правота оказались на стороне большевиков, ленинцев.

И все-таки, несмотря на «разброд и шатания», екатеринославские социал-демократы действовали. Печатали листовки, устраивали стачки на

заводах, демонстрации с политическими лозунгами, маевки. Одна из них состоялась 1 мая 1902 года в Монастырском лесу, недалеко от города. В маевке приняли участие Петровский и другие члены комитета РСДРП. В конце митинга нагрянула конная полиция, но пустить в ход нагайки или оружие против толпы рабочих жандармы не решились. Маевщики тесным кольцом окружили активистов. Дело обошлось без арестов. Но за Петровским с того дня опять началась усиленная слежка: шпики ходили за ним по улицам, караулили возле дома и даже провожали до ворот мастерских, когда он шел на работу. Опять запахло арестом. Могли пострадать подпольные явки и типография.

Товарищи в комитете посоветовали Петровскому на время покинуть Екатеринослав. И в мае 1902 года Петровский уехал в Донбасс.

V. Большевик

Новый, XX век готовил старой России встряски, подобные землетрясению. Как известно, к началу XX века Российское государство стало узлом международных империалистических противоречий. В самой стране народ, придавленный чудовищным гнетом, волновался, роптал, требуя хлеба и воли. Крестьяне бунтовали против помещиков. Рабочие — против заводчиков и фабрикантов. И все вместе, таким образом, стихийно раскачивали уже дряхлый, ставший нелепым в XX веке трон российского царя.

Рабочий класс, множась, набирал силу. У него уже была своя партия, своя политическая программа, свои социальные идеалы, свои мыслители и свои полководцы.

Промышленный кризис 1901–1904 годов и последовавший за ним неурожай создали в стране тяжелое экономическое положение. Тысячи рабочих оказались на улице, за воротами заводов, без каких-либо средств к существованию и надежд на скорое улучшение. Так, в Екатеринославе насчитывалось десять тысяч безработных, в Харькове — шестнадцать. Из-за неурожая в 1904 году на украинские деревни обрушились голод и мор.

Губернаторы слали в Петербург тревожные депеши, прося помощи и указаний.

Пытались как-то очистить города от озлобленной массы безработных. Людей гнали в деревни. А навстречу им тянулись по трактам цепочки крестьян с котомками за плечами, покинувших семьи и родные хаты в надежде сыскать какую-нибудь работенку в городе и подкормить детишек. Чем могло встретить обнищавшее украинское село голодный рабочий люд, чем накормить? И, конечно, рабочие, потолкавшись по селам, вновь возвращались в города.

Но ни правительство, ни местные власти не способны были найти разумный выход. Тогда доведенный до отчаяния заводской и хлебопашный люд взял слово.

В 1902 году по Украине прокатились крестьянские восстания против помещиков. Но царские каратели быстро усмирили «бунтовщиков», не имевших ни оружия, ни ясной цели, ни организованности.

Рабочие же вышли на борьбу с более четкими классовыми требованиями. После выступлений петербургского пролетариата в мае 1901 года политические демонстрации под лозунгом «Долой самодержавие»

прошли в Екатеринославе, Харькове, Киеве и других городах юга России. В феврале — апреле 1902 года улицы Екатеринослава опять бурлили демонстрантами. А после того как стало известно о крупных стачках в Баку и Ростове-на-Дону, Екатеринославский комитет РСДРП выбросил в заводские массы серию острых политических листовок-воззваний. Еще более сильная волна забастовок затопила города Украины и Закавказья в 1903 году.

Революционное движение пыталась использовать в своих интересах украинская буржуазия. Она, прикидываясь другом народа, создавала такие националистические партии и организации, как «Громада», «Тарасьевцы», «Руп» и т. д.

При помощи этих организаций украинская буржуазия стремилась использовать борьбу народа против царизма, чтобы добиться отделения Украины от России. И хотя этим националистическим партиям не удалось повести за собой сколько-нибудь значительной части не только рабочих, но и крестьян, все же они наносили вред народному движению. Демагогическими лозунгами «о независимой и вольной» Украине националисты сбивали с истинно революционного пути отсталые слои рабочих и крестьян, сеяли рознь и вражду между украинцами и русскими, украинцами и евреями.

Эти особенности в революционном движении на Украине были свойственны и для ее передовой, промышленно развитой Екатеринославской губернии. И все же подорвать идейное, революционное влияние РСДРП на рабочий класс — хотя эта партия действовала нелегально, а значит, с большими трудностями для себя — никакие силы реакции уже не могли. Не удалось задуть мощное стачечное движение и местным властям, которые вызвали даже специальные «летучие» карательные отряды из самого Петербурга. Правда, работа подпольного Екатеринославского комитета РСДРП была сильно ослаблена многочисленными арестами. Охранка схватила и упрятала в тюрьму лучших руководителей комитета.

В августе 1903 года весь промышленный юг России охватила забастовка.

Созданная в Екатеринославе единая стачечная комиссия призвала в листовках рабочих города и губернии присоединиться к забастовке других южных заводов и шахт. 7 августа толпы рабочих вышли на демонстрацию. Полиция открыла стрельбу. Мостовые города опятнались кровью убитых и раненых.

Выступление екатеринославского пролетариата всколыхнуло крестьян,

живущих в соседних селах. Крестьяне устраивали сходки, принимали резолюции солидарности с рабочими города. Однако властям удалось быстро расправиться со «смутой». Забастовка в Екатеринославе была подавлена, многие вожаки стачек предстали перед судом. Они держали себя мужественно, с гордостью заявляли, что принадлежат к партии социал-демократов — единственной надежде угнетенных, а некоторые подсудимые заканчивали свое последнее слово возгласом: «Долой самодержавие!»

Так складывалась политическая обстановка в России и, в частности, на юге. Еще в мае 1902 года Григорий Петровский, преследуемый полицией, вынужден был покинуть Екатеринослав и перебраться в Донбасс.

Петровский поступил слесарем на Щербиновский рудник. На шахтах Донбасса вести революционную пропагандистскую работу было гораздо труднее, нежели в Екатеринославе, поскольку основную массу горняков составляли бывшие крестьяне. Политически они были мало развиты, большинство не умело ни писать, ни читать.

Петровский, осмотревшись на новом месте, понял, что здесь есть с кем работать. Жизнь шахтеров была тяжелой. Изнурительный труд под землей, ничтожные заработки, убогие жилища, штрафы и плохое питание — все настраивало людей против начальства, вызывало недовольство. Плохо было на шахтах и с водой. Колодцы часто высыхали, водопроводов в поселках не было. Воду для умывания и стирки белья нередко брали из луж и сточных канав. Среди шахтеров и их семей было много заболеваний.

Однажды рабочие послали к администрации Щербиновского рудника делегатов с просьбой открыть школу для детей. Управляющий отказал. «Если мы будем учить всех грамоте, — заявил он, — то кто же станет гонять лошадей с вагонетками в шахте и возить уголь?»

Вскоре на Щербиновский рудник приехал высланный из России Петр Моисеенко — организатор и руководитель Морозовской стачки. Он был под надзором полиции. Петровский, наслышанный о Моисеенко, вечером пошел к нему домой. Они просидели вдвоем допоздна, обсуждая, как лучше наладить марксистскую пропаганду среди шахтеров. Поразмыслив, оба пришли к выводу, что начинать надо с того, что в Екатеринославе было уже пройденным этапом, — с подпольных кружков, но, помимо нелегальных методов, целесообразно использовать для просвещения полуграмотной массы шахтеров и все легальные возможности.

На Щербиновском руднике при школе была создана хорошая библиотека, где, кстати, можно было получить и некоторые революционные издания; организован театральный кружок; в школе ставились спектакли, читались лекции, устраивались литературные вечера с чтением стихов и

отрывков из книг выдающихся писателей. Шахтеры приходили сюда целыми семьями, сидели тихо, ловили каждое новое слово. Когда устраивались литературные вечера или спектакли, народу в школе всегда было битком. В библиотечную комнату прямо с работы приходили и выстраивались в очередь машинисты, слесари, рудокопы. Люди потянулись к книгам, стали учиться, думать.

Петровский довольно скоро завоевал уважение шахтеров. Он никогда не лгал: если было тяжело работать — говорил, тяжело; если кто-то или сам он неудачно, неумело выполнял партийное задание — говорил прямо, что думал, в глаза человеку, мягко, но определенно. Шахтеры сердцем чувствовали в нем своего, пролетария до мозга костей. И сила его была в том, что он забывал о себе, а думал о бедах и болях других.

Вокруг Петровского всегда был народ, даже на улице. Отходили, переговарив, одни, подходили другие. Советовались, жаловались, слушали, получали задание. А когда собирались где-нибудь на квартире или в степной балке, подальше от поселка, какой-нибудь новичок с удивлением наблюдал, как уважительно и внимательно слушают этого двадцатипятилетнего рабочего парня с веселыми карими глазами и степенные семейные мужики, годившиеся ему в отцы, и совсем еще зеленые паренки, которым гонять бы еще в рудничном поселке лапту или играть в «бабки».

Его слушали, потому что он обладал даром убеждать и знал то, чего еще не знали другие рабочие. У него был уже опыт подполья — значит, он мог лучше других показать, научить, как и что сделать, как обмануть бдительность охранки. За его плечами уже была тюрьма — значит, он не испугался, если, выйдя оттуда, опять занялся тем же: опять призывал свергнуть царя и всех богатых. А это внушало уважение. Шахтеры, потомки тех, кто шел в толпе крестьянских бунтарей громить и жечь помещичьи усадьбы, чувствовали в этом молодом «крамольнике» своего вожака.

Петровскому удалось установить постоянную связь с социал-демократическим кружком на Березовском руднике, созданном в 1902 году опытным революционером Артемом, а также с подпольщиками Вознесенского рудника. Они обменивались нелегальной литературой, переправляли прокламации на другие шахты, устраивали совместные совещания.

Григорий Петровский поддерживал связи и с екатеринославскими социал-демократами, получал от них нужную литературу. Нередко книги и брошюры привозила жена, приезжая навестить Петровского. Она же сообщала ему о новостях, передавала информацию от екатеринославских

комитетчиков. Григорий, конечно, очень волновался в ожидании очередного приезда жены: ведь она подвергала себя большой опасности в случае ареста и обыска. Но Домне все сходило с рук. Должно быть, шпики, держащие под наблюдением Петровского, не могли даже представить себе, чтобы такая милая, с кроткими голубыми глазами молодая женщина, мать двоих малых детей, очевидно любящая своего мужа, занималась бы чем-либо преступным вроде перевозки запрещенной литературы и тем самым накликала бы еще раз беду на голову мужа.

Больше года занимался Григорий Петровский революционной работой на шахтах Донбасса. В августе 1903 года его опять арестовали и посадили в тюрьму.

Царская охранка бросила все силы на то, чтобы обезглавить пролетарские массы. Как стало известно позднее, начальник особого отдела департамента полиции Зубатов приказал разыскать и арестовать всех членов Екатеринославского комитета РСДРП, а также партийных активистов.

Аресты сильно подорвали революционную деятельность социал-демократов на шахтах и заводах.

Григорий Петровский сидел в бахмутской (ныне Артемьевск), а потом луганской тюрьмах. Выпустили его оттуда спустя шесть месяцев после ареста, так что известие о II съезде РСДРП и расколе в партии застало его в тюремной камере. Об этом ему сообщил там же Моргенштейн, член партии, который попал за решетку позднее Петровского и знал подробности о съездовской дискуссии. Стало известно, что против Ленина, защищая мартовскую формулировку первого параграфа устава партии, выступал и Троцкий. Он призывал делегатов съезда отказаться от ленинской идеи диктатуры пролетариата, как от якобы нереального, неосуществимого дела.

Естественно, столь тревожные и опасные для судьбы партии события, весть о которых проникла за стены луганской тюрьмы, взволновали заключенных социал-демократов. Завязался спор. Петровский с горячностью убеждал тех, кто склонялся на сторону Мартова, что без твердых ленинских организационных и идейных принципов партия будет бессильна в схватке с такими грозными врагами, как царизм и буржуазия.

Среди политзаключенных не оказалось единства в этом вопросе. Кто-то принял сторону мартовцев, тем самым зачислив себя в лагерь меньшевиков.

Большая часть политических заключенных, в том числе и Петровский, поддержала идеи Ленина.

Так, еще сидя в тюрьме и пока лишенный возможности агитировать или голосовать открыто за большевизм, Григорий Петровский фактически стал большевиком-ленинцем.

Из луганской тюрьмы Петровский был освобожден как раз под рождество, в канун 1904 года. И опять трудно было найти работу. Моргенштейн, также выпущенный в эти дни на свободу, свел его с подпольщиками Луганска, познакомил с К. Е. Ворошиловым. Товарищи пытались устроить Петровского на какой-нибудь завод в Луганске или Юзовке, но его, как политически неблагонадежного, нигде не брали. Выручили опять екатеринославцы, с которыми переписывался Петровский. С большим, правда, трудом им все же удалось устроить его на трубный завод Шодуара фрезеровщиком. Здесь Григорий Иванович работал до мая 1905 года, а затем перешел опять на Брянский завод, где когда-то, как ему казалось, уже очень давно, а на самом деле всего несколько лет назад, он впервые познал, что такое рабочий класс и что такое борьба за народ.

Придя после долгого отсутствия на очередное заседание подпольного комитета РСДРП, Петровский не увидел среди знакомых людей многих товарищей. Они были арестованы и высланы кто куда. Тех, с кем он начинал, можно было сосчитать на пальцах одной руки. Комитет сильно поредел, были новенькие, к которым еще следовало присмотреться.

И все-таки, несмотря на арест наиболее опытных подпольщиков, екатеринославский партийный центр продолжал работать. Петровскому рассказали о том, как ведется агитация на заводах, какие созданы новые пропагандистские кружки, кто возглавляет подпольные группы. Комитет при активном участии Петровского сделал еще одно важное дело: сразу после объявления войны с Японией выпустил в феврале и мае 1904 года две листовки с обращением к рабочим. Листовки разоблачали истинные цели царизма в войне и призывали рабочих покончить с этой захватнической войной путем всеобщего вооруженного восстания. Таким образом, Екатеринославский комитет РСДРП показал себя в эти дни политически зрелым и зорким, держащим ленинскую партийную линию.

Начавшаяся война между Россией и Японией развязала руки реакции. Буржуазные и либеральные газеты вели яростную шовинистическую пропаганду, призывая народ к единению и миру с властями; схватка царизма с японским империализмом выдавалась как патриотическая война русского народа. С этой лживой пропагандой, обманом масс боролись только большевики во главе с Лениным. Но большевикам все труднее и труднее было заниматься нелегальной работой: жестокие законы военного времени карали беспощадно даже за единое слово, сказанное против

правительственной политики.

По всей стране шли массовые аресты. Екатеринославская организация РСДРП понесла большой урон. Оставшиеся на свободе члены комитета, собравшись и обсудив положение, решили перестроить работу подполья. Для лучшей конспирации и сбережения партийных сил в случае возможных провалов в городе было создано три подпольных центра — городской, заводской и Амурский. Связь между ними осуществлялась через Екатеринославский комитет РСДРП, который и руководил всей работой.

На востоке — на полях Маньчжурии и Кореи — шла неправая война, гибли люди, а в центре России уже вскипал народный гнев, которому суждено было вскоре разлиться широко и мятежно.

VI. «Кровавое воскресенье»

9 января 1905 года Петербург испуганно слушал винтовочные залпы у Зимнего дворца. Едва утихли выстрелы, город мгновенно облетела страшная весть: «Войска стреляли в рабочих, много убитых, есть женщины и дети...»

На другое утро все газеты мира уже кричали о кровавой человеческой бойне в российской столице. Постепенно прояснялись подробности этого ужасного дела, учиненного в морозный воскресный день самодержцем России Николаем II. Это была жестокая, но поучительная драма. Народ как бы проснулся, стряхнул с себя рабскую покорность, отбросил патриархальные иллюзии.

День 9 января запечатлелся в народной памяти, как «кровавое воскресенье».

Трагические события в Петербурге дали могучий толчок всему российскому революционному движению. Забастовки и демонстрации прокатились по стране — Польша, Прибалтика, центральные районы, Киев, Одесса, Екатеринослав, Луганск, другие губернии и города были захлестнуты ими. В некоторых местах демонстранты вступали в рукопашную схватку с полицией и войсками.

Начались волнения в деревне. Революционное брожение захватило некоторую часть армии.

Как только весть о кровавом злодеянии в столице достигла Екатеринослава, на квартире Григория Петровского собралась группа агитаторов — человек пятнадцать. Обсудили положение и решили: наутро, в час смены, собрать у ворот Трубногo, Брянского заводов и железнодорожных мастерских летучие митинги и призвать рабочих к забастовке. Однако первая попытка не удалась. Понадобилось несколько дней для подготовки стачки.

Первыми 17 января объявили забастовку рабочие Брянского завода. В тот же день к ним присоединились рабочие железнодорожных мастерских, типографий и большинства других заводов Екатеринослава. А на следующий день — рабочие городского хозяйства. Студенты горного училища и других учебных заведений объявили траур по «жертвам 9 января» и перестали ходить на лекции. Рабочие Днепровского завода приняли на митинге обращение к рабочим Петербурга. «Мы приветствуем вас, петербургские рабочие, — говорилось в обращении, — и

присоединяем наш голос к вашему могучему голосу... Да здравствует народная революция! Да здравствует демократическая республика! Да здравствует российская социал-демократическая партия! Мы призываем вас: стойте дружно за наше родное рабочее дело, не поддавайтесь сладким песням либеральных сирен, будьте уверены, что вся рабочая Россия поддержит вас в нашей общей великой борьбе».

Хотя забастовка в Екатеринославе и захватила большую часть городского пролетариата, она все же не выросла в боевое политическое событие и закончилась сравнительно быстро: стачка длилась семь дней, с 17 по 24 января. Это объясняется тем, что в ту пору в Екатеринославской комитете РСДРП меньшевики численно преобладали над большевиками и имели сильное влияние на рабочих. Значительная часть их еще верила слову меньшевиков, а они вели линию против боевых революционных выступлений, ограничивали забастовки экономическими требованиями, а главные политические лозунги заглушевывали, включая в свои требования только один политический пункт — о свободе слова и профсоюзов.

Группа комитетчиков-большевиков во главе с Петровским, очень маленькая — всего несколько человек, начала вести агитационную работу самостоятельно, не считаясь с меньшевистскими руководителями. Группа Петровского пыталась изменить характер забастовки, повернуть ее на революционный путь. Однако сделать этого не удалось. Но все-таки большевики шаг за шагом, постепенно завоевывали авторитет и влияние среди все более широкой массы рабочих. Еще до начала стачки, 14 января, начальник екатеринославской охраны письменно докладывал губернатору: «Хотя забастовка и предполагается исключительно на экономической почве, но ближайшими инициаторами ее и руководителями являются противоправительственные деятели, усиленно ведущие в этом направлении пропаганду среди рабочих...» — и просил разрешения арестовать пятнадцать активистов-большевиков.

Январская забастовка показала, что влияние меньшевиков и остатки веры в царя-батюшку еще сильны среди екатеринославских рабочих. Это было губительно для дела революции, требовало от большевиков новых усилий в идейной и организаторской работе. Компромисс с меньшевиками был невозможен, так как способы борьбы у двух расколовшихся групп социал-демократии были совершенно разными. Большевикам оставалось одно: вести пропаганду и агитацию в массах по-своему, под революционными лозунгами.

Дальнейшие события подтвердили правильность этой меры. В феврале в Екатеринославской губернии снова прошла полоса стачек. Первыми

начали забастовку луганчане под руководством К. Е. Ворошилова. К ним тотчас же присоединились рабочие Екатеринослава и шахтеры Донбасса. Царская охранка ответила на волнения арестами руководителей стачек. Хватали и бросали в тюрьмы главным образом большевиков. Полиция не трогала меньшевистских руководителей, так как они продолжали свою соглашательскую, «умиротворяющую», а по сути, разлагающую, предательскую деятельность.

Соглашательской политикой меньшевиков и объясняется тот факт, что февральская забастовка в Екатеринославе, так же как и январская, не переросла в боевую политическую демонстрацию. Весной большевики во главе с Петровским открыто заявили о разрыве с меньшевиками. 18 мая 1905 года в большевистской газете «Вперед» было напечатано заявление: «Возмущенные оппортунизмом меньшинства (меньшевиков), сорвавшего январскую стачку, вполне сознаем, что оставление Екатеринослава — этого крупного заводского центра в руках меньшинства, этих дезорганизаторов нашей партии, было бы, с нашей стороны, непростительной ошибкой, непартийным поступком, и мы решили начать самостоятельную работу, выступивши как Комитет большинства РСДРП».

Много пришлось поработать Петровскому и другим екатеринославским большевикам, чтобы подготовить рабочих к первомайским забастовкам, демонстрации и митингам. Однако когда демонстранты 1 Мая вышли на улицы, полиция и жандармерия выставили на главных улицах города сильные вооруженные заслоны, и отдельные колонны не могли пройти и соединиться на площади. Колонна, в которой был Петровский, попыталась пройти через заслон к театру, но конные отряды полиции и жандармерии разогнали ее, открыв стрельбу. Несколько человек было ранено. Тогда Петровский и другие большевики организовали митинги и загородные маевки. Там раздавались их пламенные речи с призывом к борьбе с царским самодержавием и капиталистами. Рабочие внимательно прислушивались к речам большевиков.

В мае 1905 года Григорий Иванович Петровский, которому к этому времени удалось перейти опять на родной для него Брянский завод, был избран механическим цехом в делегатское собрание, а затем — в состав первого заводского рабочего комитета, которому суждено было сыграть большую роль в развитии революционного движения в Екатеринославе.

С этого момента Брянский завод становится зачинателем революционных выступлений рабочих Екатеринослава, а Петровский их признанным вожаком.

Екатеринославские подпольщики вели пропаганду и среди крестьян. В селах, расположенных вокруг города, полиция находила «бунтарские» прокламации. Авторами листовок были члены большевистского комитета РСДРП.

Летом по всей стране опять начались стачки и демонстрации. Начались они в Екатеринославской губернии.

Еще 19 июня поздним вечером, как только было получено известие об одесских событиях — восстании матросов на броненосце «Потемкин» и забастовке одесских рабочих, большевики устроили экстренное совещание на Чечелевке в доме одного активиста. Собралось около шестидесяти человек. Но едва только успели принять решение об объявлении забастовки в знак солидарности с восставшими моряками и одесскими рабочими, как нагрянула конная жандармерия. В наступившей темноте почти всем удалось скрыться. Григорий Иванович Петровский с несколькими товарищами тоже благополучно ускользнул от рук жандармов, пройдя степными балками к себе домой, на Шляховку.

На другой день на улицах города появились колонны железнодорожников, рабочих Брянского и других заводов, демонстрировавших свою пролетарскую солидарность с восставшими моряками и бастующими одесскими рабочими.

Власти бросили казачьи отряды на демонстрацию рабочих. У вокзала произошла перестрелка. Казаки отступили — забастовка продолжалась. А когда стало известно об отправке из Екатеринослава карательных войск в Одессу, большевики разбросали по заводам листовки: «...Отсюда, из Екатеринослава, отправляются войска для убийств и избиений одесских рабочих. Неужели мы своим молчанием поможем правительству раздавить одесское движение?..» В другой листовке, озаглавленной «Готовьтесь к вооруженному восстанию», писалось: «На нас напали — мы даем отпор... Лишний раз пролившейся кровью наших товарищей подтвердилась необходимость вооружаться, лихорадочно готовиться к вооруженному восстанию...»

Встревоженный начальник екатеринославской полиции доносил 7 июля 1905 года в рапорте петербургскому департаменту полиции о возросшем влиянии большевиков, о том, что происходит быстрый процесс революционного воспитания и приучения рабочей массы «...к совместным и единомудушным действиям».

Наиболее умные жандармские чиновники верно улавливали приметы надвигающейся бури.

Революция вызревала с каждым днем, с каждым месяцем. Ясно

сознавая близость открытой схватки, ленинское большинство ЦК РСДРП выступило с требованием — немедленно созвать третий партийный съезд.

Решения III съезда РСДРП и труд Ленина «Две тактики социал-демократии в демократической революции» помогли местным партийным организациям правильно разбираться в обстановке, более уверенно направлять рабочее революционное движение.

Летние забастовки и крестьянские бунты не прекращались. Россия клокотала, как закипевший котел. Во многих губерниях стачки рабочих перерастали в вооруженные столкновения с войсками. А в городе Лодзь поднялось восстание.

В большинстве промышленных центров страны рабочие бастовали с краткими перерывами по несколько раз. В Екатеринославской губернии стачечное движение шло с большим размахом. По массовости оно уступало только Петербургской губернии.

Самодержец и его свита спешили. Они прибегли к разным уловкам и компромиссам, чтобы раздробить, разобщить, внести разлад в ряды бастующего пролетариата. При попустительстве полиции черносотенцы и хулиганы начали еврейские погромы.

Чтобы развязать себе руки для подавления народных волнений, царское правительство поспешило заключить с Японией унижительный Портсмутский мир, признав свое военное поражение.

Несколько раньше, надеясь обмануть подданных видимостью демократизма, Николай II издал манифест об учреждении и созыве Государственной думы, которая вошла в историю под названием булыгинской (по имени автора этого манифеста министра Булыгина). Этот акт, конечно, был пародией на демократию, издевательством над народом, поскольку ни рабочие, ни крестьяне не получили избирательных прав.

Манифест вызвал негодование в стране. Большевики выступили с призывом бойкотировать булыгинскую думу, не принимать участия в этих обманных выборах. Екатеринославский комитет РСДРП распространил листовку с разъяснением сути царского манифеста: дума — это ширма, за которой буржуазия, заключившая союз с царем, вынашивает планы удушения революции. На заводских митингах большевистские агитаторы призывали массы вооружаться, готовиться к восстанию. Руководил этой работой Григорий Иванович Петровский.

Такова была политическая обстановка, когда в сентябре 1905 года началась стачка московских рабочих-печатников. Ее подхватили железнодорожники: прекратилось движение поездов на всех дорогах. Вспыхнув в одном месте, это пламя потекло по России.

Набат всенародной политической забастовки загудел, по всем губерниям. Такого еще никто не видывал с тех пор, как образовалась Российская империя. Бастовали миллионы рабочих. Замерли заводы и фабрики, шахты и рудники. Железнодорожники согласились перевозить только демобилизованных солдат, отпущенных по домам после окончания русско-японской войны. В городах не бастовали лишь рабочие, обслуживающие жизненно необходимые для населения отрасли хозяйства, — работали магазины, транспорт, водопровод, связь и т. д.

Народные массы требовали созыва Учредительного собрания и установления демократической республики.

Царь и правящая клика, напуганные размахом волнений, дабы предупредить вооруженное восстание, вынуждены были пойти на уступки. 17 октября 1905 года Николай II обнародовал новый манифест.

Этот момент В. И. Ленин назвал моментом некоторого равновесия сил, когда пролетариат в союзе с крестьянством еще не в силах был свалить царизм, а царизм уже не в состоянии был управлять только прежними средствами.

VII. С оружием на баррикадах

В Екатеринославе политическую стачку первыми начали рабочие Брянского завода. Они остановили станки 10 октября. За ними сразу же выступили рабочие заводов Гантке, Эзау, Нижнеднепровского, железнодорожных мастерских. Бастующие вышли на улицы Екатеринослава с красными флагами и революционным песнями. Петровский и другие большевики выступали на летучих митингах. Это была мирная демонстрация. Но на пути рабочих колонн встали заслоны полиции и казаков. Жандармы приказали всем разойтись по домам, очистить улицы. Демонстранты отказались подчиниться. Тогда жандармы и полиция открыли огонь. Казаки с ходу врезались в шеренги, давя людей копытами коней, избивая нагайками. Безоружная толпа дрогнула, развалилась и потекла быстрыми ручейками по переулкам и дворам, спасаясь от озверевших казаков.

Наиболее смелые, сбившись в тесные группы, пытались сдержать жандармов и казаков, вступили с ними в рукопашную схватку. Ненавистных казаков и жандармов били, чем придется, что попадало под руку — булыжниками, вывороченными из мостовой, прутьями от железных оград, палками.

В это время появилась рота солдат и, развернувшись в цепь, начала стрелять по демонстрантам. Были убитые и раненые. Тогда Петровский и другие большевики призвали рабочих строить баррикады.

Наиболее стойко дрались защитники баррикад на Чечелевке, где жили в основном рабочие. В эти именно дни здесь создалась известная по истории первой российской революции «Чечелевская республика».

На улицах шел настоящий бой. В разных концах города слышалась то утихающая, то усиливающаяся пальба. Обыватели попрятались, затаились, наглухо затворив окна и двери. Только две ненавистные друг другу силы схлестнулись насмерть — вооруженная реакция и пролетариат.

Конные казаки, солдаты и жандармы вели непрерывные атаки на баррикады. Навстречу им летели булыжники, куски рельсов, палки. Малочисленные боевые дружины рабочих, имевшие револьверы, отвечали на огонь карателей редкими выстрелами. Кое-где восставшие установили пулеметы на крышах домов и поливали солдат свинцовым дождем.

Но силы были явно неравны. Оружия у рабочих не хватало, не было и опыта вооруженной борьбы. Дружные залпы солдат вырывали из рядов

защитников новые и новые жертвы. На мостовых валялись убитые и раненые, тускло блестели лужицы крови. Рабочие, оставляя баррикады, постепенно отступали или разбегались по ближайшим дворам и переулкам. Не успевших уйти жандармы хватали, избивали нагайками, прикладами винтовок и увозили в тюрьму. Бой в городе затихал. Только со стороны рабочей Чечелевки доносилась ожесточенная пальба.

Петровский был с первых минут боя на Пушкинском проспекте, он помогал строить баррикаду, отбивать атаки солдат. Когда пала эта баррикада, он вместе с несколькими товарищами бросился на Чечелевку, где еще продолжалась схватка. Оружие, имевшееся кое у кого из них, могло хорошо пригодиться защитникам Чечелевского бастиона.

Петровский со своей группой с трудом пробрался в район двух баррикад, воздвигнутых на Чечелевской улице. Путь преграждали то колючая проволока, натянутая от фонаря к фонарю, то вооруженные патрули рабочих.

Самая большая баррикада перегораживала Первую Чечелевскую улицу и Брянскую площадь. Она была очень хорошо укреплена. По обеим сторонам ее были сделаны довольно глубокие рвы, впереди, с фронта, — проволочные заграждения, а сама баррикада строилась из опрокинутых телег, извозчичьих колясок, столбов, рельсов, и все это было засыпано толстым слоем земли. Вал казался неприступным, но в минуты затишья, после очередного отбитого штурма, рабочие продолжали укреплять его. Эту самую большую в городе баррикаду защищало несколько сот человек, имевших немного винтовок и револьверов.

Петровский, разыскав членов комитета, сообщил им о разгроме баррикад в городе и договорился о дальнейших действиях, а сам с двумя товарищами побежал дальше, ко второй баррикаде, находившейся в конце Чечелевской улицы, неподалеку от Брянского завода.

Место для баррикад, как выяснилось вскоре, было выбрано неудачно. Защитники их попали как бы в тиски: из центра города на баррикады наступали казаки и полиция, а с тыла их блокировали солдаты, охранявшие завод. Но изменить что-либо было уже невозможно.

Григорий догадывался, что жена его где-то здесь. Он был убежден, что она, конечно, не усидит дома, пойдет помогать строить баррикады, как это сделали жены и других рабочих. И действительно, он нашел ее; Домна вместе с женой их соседа подносила землю и выбитые из мостовой булыжники. Здесь же ссыпали с носилок землю еще несколько женщин и молодых парней. Вокруг стояли суতোлка, шум, слышались лязганье лопат, гулкие удары ломов о мостовую, крики и быстрые команды. Люди спешили

получше укрепить баррикаду, над которой плескались красные флаги.

Домна не замечала мужа. Она работала без пальто, в темном, стареньком платье. Осеннего холода она не чувствовала. Разгоряченная, с вишневым румянцем на щеках, с плотно сжатыми губами, она продолжала таскать на носилках тяжелые булыжники и землю. Она очень устала, шла с носилками, чуть пошатываясь на ногах. Но, гордая и терпеливая, не просила подругу остановиться передохнуть.

Григорий быстро подошел сзади к Домне, которая в этот момент, ссыпав носилки, стояла, устало утирая платочком пот с лица.

— Это кто такой? — с веселой шутливостью сказал Григорий. — Зачем здесь, а? Марш домой!

Домна резко повернула голову, увидела лицо мужа, попыталась вырваться из его стиснутых рук, не смогла и счастливо, тихо засмеялась. В этом особенном, затаенном смехе были и радость любящей женщины, и облегчение после тревоги за мужа, который вдруг появился рядом, живой, невредимый, бодрый, и гордость за них обоих.

Они с минуту постояли друг против друга, держась за руки и улыбаясь. Люди понимали их и тоже мягко и светло улыбались или озорно перемигивались и молча проходили мимо. А Домна все глядела на родное, чуть бледное лицо Григория, видела свое крошечное отражение в его теплых темно-карих глазах, и ей казалось, что нет и не может быть на свете лица прекрасней, чем это. Потом она, как бы очнувшись, оглянулась по сторонам, смутилась и быстрым движением застегнула распахнутый ворот косоворотки мужа.

— Что это у тебя? — вдруг с испугом спросила она, заметив кровавую ссадину на скуле Григория.

— А, пустяки, зацепило, — отмахнулся он.

Домна вынула платочек и аккуратно стерла с его лица запекшуюся с кровью грязь.

Они отошли в сторону, и Григорий спросил, как дома и куда она отвела детей. Они еще немного торопливо поговорили и разошлись, каждый по своим делам: Домна опять взялась за носилки, а Григорий отправился разыскивать членов заводского комитета, руководивших защитой баррикады.

Женщин отослали по домам незадолго до штурма баррикады. Солдаты и казаки сначала бросились в атаку без единого выстрела, но, встреченные дождем тяжелых булыжников, поспешно отступили. Тогда они дали залп по защитникам баррикады и снова начали штурм. В это время с крыш соседних домов были брошены одна за другой две бомбы. Взрывы

напугали солдат, и они отступили. Но потом защитникам баррикады пришлось туго: огонь стал настолько плотным, что нельзя было на секунду выглянуть из-за укрытия.

Защитники баррикады держались стойко. Но противник, хотя тоже нес потери, был сильнее. Солдаты отвечали шквальным огнем на редкие выстрелы с баррикад. Среди рабочих было уже много убитых и раненых. Посоветовавшись с руководителями обороны, Петровский и другие члены комитета решили оставить баррикаду. Подобрав раненых и убитых товарищей, восставшие под прикрытием боевой группы стали отходить. Григорий Петровский покинул баррикаду одним из последних.

Дольше других продержались защитники самой большой баррикады на Чечелевской улице и Брянской площади. Она пала под натиском войск только к вечеру. Там было особенно много жертв.

На следующее утро екатеринославский губернатор послал срочную депешу в Петербург с описанием кровавых событий. По словам губернатора, это была грандиозная демонстрация, объединившая весь пролетариат города, которая затем переросла в вооруженное восстание.

13 октября рабочие Екатеринослава хоронили товарищей, погибших в схватке с царскими карателями. Похороны превратились в грандиозную политическую демонстрацию. Толпы людей затопили улицы. Вслед за гробами и траурными венками, на лентах одного из которых было написано: «Борцам за свободу — от комитета РСДРП», рабочие несли красные флаги с революционными лозунгами. Во время шествия на улицах, площадях, а потом на кладбище вспыхивали, как пламя, летучие митинги. Петровский и другие ораторы страстно призывали рабочий люд к боевой сплоченности в борьбе с самодержавием, к общей забастовке, к отмищению.

Губернатор и полиция в молчании наблюдали эту грозную траурную лавину и не посмели помешать ее движению: власти понимали, что связываться сейчас с накаленной до предела толпой — это все равно что влезть с горящим факелом в пороховой склад.

После похорон жертв баррикадных боев стачка не только не прекратилась, а, напротив, стала шириться, охватывая рабочие поселки и другие промышленные города Екатеринославской губернии.

В самом Екатеринославе главной революционной цитаделью стал Брянский завод. В эти дни заводской комитет, который возглавлял Петровский, был чуть ли не вторым хозяином на заводе: администрации приходилось считаться со всеми его требованиями.

Рабочие кварталы — Чечелевка, Кайдаки, Шляховка — превратились в неприступные «рабочие республики», как их тогда называли. Полиция и

жандармы не решались применять там грубую силу. Перепуганные иностранцы, хозяева предприятий, запросили защиты у царского правительства. По высочайшему повелению и приказу министра внутренних дел Дурново губернские власти послали дополнительные воинские части на охрану «заграничной собственности». Мера эта, вызванная лишь страхом, была совершенно не нужна, так как рабочие вовсе не собирались громить заводы, на которых они трудились и которые давали хлеб их семьям.

Революция всколыхнула и националистические настроения. Начала открытую пропаганду партия «руповцев» — украинских эсеров. Хотя им и не удалось увлечь за собой сколько-нибудь значительной части екатеринославского пролетариата и крестьян губернии, все же своей демагогией они мутили головы людям, отвлекали их от главной революционной задачи.

После баррикадных боев Петровский собрал на своей квартире товарищей и, вместе с ними подвел первые итоги стачечной борьбы. Все были единодушны в том, что революционный дух рабочих позволял захватить в городе власть, но меньшевики помешали это сделать. Поэтому в городе удержалась старая власть, хотя на окраинах фактическими хозяевами стали рабочие. Все были согласны, что надо не складывать оружия, объявить рабочий район «Чечелевской республикой», продолжать вооружать людей, создавать боевые дружины, патрули. Кроме того, надо срочно созвать собрание представителей всех заводских комитетов Екатеринослава и поставить вопрос о создании Совета рабочих депутатов.

Небывалый размах забастовочного движения требовал еще большей сплоченности масс и единого руководства. Сама борьба породила новую форму революционной организации: в Петербурге и Иваново-Вознесенске возникли первые Советы рабочих депутатов. Екатеринославские большевики подхватили этот почин.

VIII. Первый екатеринославский совет рабочих депутатов

18 октября 1905 года в рабочем клубе, созданном в ту пору при Брянском заводе, было устроено собрание, в котором участвовали делегаты от всех других заводских комитетов. Здесь был образован первый Екатеринославский Совет рабочих депутатов.

Председателем Совета избрали меньшевика Бассовского, его заместителем большевика Артема (Бородатого), а Петровского — секретарем. Этот состав руководства в Совете отражал в то время соотношение сил — коалицию всех социал-демократов, большевики пошли на это, дабы не раздроблять силы в стачечной борьбе.

Однако первое же заседание Совета рабочих депутатов, на котором выступал Петровский и говорил о задачах Совета и его структуре, показало, что у большевиков и меньшевиков совершенно разные политические взгляды на Совет рабочих депутатов. Большевики видели в Совете рабочих депутатов новую боевую форму организации пролетарских масс, орган восстания, зародыш революционной власти, а меньшевики прилагали все усилия к тому, чтобы сделать из Совета временный орган местного самоуправления, нечто вроде городской или земской думы.

Между большевиками и меньшевиками началась упорная борьба за политическое влияние на беспартийных рабочих, членов Совета, а через них на пролетариат. И хотя эта борьба и отвлекала у большевиков много сил, но зато Совет рабочих депутатов постепенно начал превращаться в боевой орган, способный руководить стачечным движением и подготовкой к вооруженному восстанию.

В начале своей деятельности, несмотря на разногласия с меньшевиками, Совет принял такие предложения Петровского и Захаренко, как введение восьмичасового рабочего дня, организация профсоюзов, создание Комитета по сбору средств для помощи бастующим в Петербурге рабочим и для приобретения оружия, организация боевых дружин. На митингах рабочие одобряли создание Совета рабочих депутатов, а царский манифест от 17 октября не находил сколько-нибудь значительной поддержки, хотя меньшевики всячески расхваливали его.

Может быть, именно поэтому местные власти, выполняя указания высшего начальства, принялись за организацию ура-патриотических манифестаций в поддержку манифеста. В Екатеринославе такой

демонстрации предшествовала агитация попов и черносотенцев. Они устроили в соборе специальный молебен. Потом, неся портреты царя, иконы и хоругви, с пением «Спаси, господи, люди твоя» вывели верующих на главный проспект города. Сразу же несколько банд начали громить и грабить магазины, квартиры и зверски избивать евреев. Эти банды состояли из дворников, кучеров, уголовных элементов, переодетых жандармов и полицейских. При попустительстве и поощрении полиции они врываются в дома еврейской бедноты (дома богатых евреев охраняла полиция), разбивали мебель, убивали стариков, женщин и даже детей. Одним словом, в городе 21 октября 1905 года был учинен дикий безнаказанный еврейский погром.

Погромщики не были допущены только в рабочие районы — на Чечелевку, Амур и другие, где навстречу бандитам вышли вооруженные рабочие дружины.

Совет рабочих депутатов направил делегацию во главе с Петровским в городскую думу, требуя от имени восьмидесятитысячного рабочего населения, чтобы она заявила решительный протест против бездействия властей и поощрения погромщиков. Совет призвал также рабочих к отказу от уплаты городских сборов и налогов, от выполнения постановлений городской думы и к бойкоту ее гласных, как не представляющих рабочее население города.

В эти кровавые дни трудящиеся Екатеринослава убедились, как необходимы боевые дружины, способные дать отпор и полиции и бандам погромщиков.

После погрома наступило затишье. Октябрьская забастовка прекратилась 26 октября. Но Совет рабочих депутатов продолжал действовать, вооружать рабочие дружины и создавать новые. Ленину удалось вернуться из эмиграции только в ноябре. Поселившись в Финляндии, он сразу же созвал в Таммерфорсе конференцию большевиков, на которой выступил с предложениями об организации вооруженного восстания. Он говорил о необходимости вооружаться, о руководстве восстанием, о тактике уличного боя и т. д. Это выступление Ленина показало, что Петровский и все большевики Екатеринославского Совета рабочих депутатов правильно проводят партийную линию, понимая, что оружие в руках рабочих лучший аргумент в споре с царскими властями, когда они бросают против народа войска.

После баррикадных боев и первого еврейского погрома напуганные либеральные гласные городской думы потребовали от губернатора запрещения всяких митингов, разоружения рабочих и введения в

Екатеринославе военного положения. Тогда в ответ на это Совет рабочих депутатов обратился 28 октября к городской думе со встречным требованием: немедленно разоружить полицию, передать охрану порядка в городе дружинам рабочей самообороны, а самой думе сложить полномочия, передав их Совету рабочих депутатов. Хотя меньшевики и были против такого требования к думе, но Петровскому и другим большевикам все же удалось убедить членов Совета и добиться его утверждения.

Эта дерзкая бумага вызвала в думе настоящий переполох. В Петербург полетела депеша с просьбой прислать в Екатеринослав сенатскую ревизию для разбора октябрьских беспорядков. Тогда по предложению большевиков Совет рабочих депутатов постановил осуществить в городе программу-минимум РСДРП и обратился с призывом к пролетариату Екатеринослава бойкотировать городскую думу, предающую интересы революции.

Екатеринославский Совет рабочих депутатов создал профсоюзы на тех предприятиях, где их не было, добился введения на заводах восьмичасового рабочего дня, организовал сбор денежных средств для помощи бастовавшим питерским рабочим. Совет назначил исполнительную комиссию (из четырех большевиков во главе с Петровским и трех меньшевиков), которая руководила вспыхнувшей забастовкой почтово-телеграфных служащих. Много времени отдавали депутаты Совета агитационно-пропагандистской работе в окрестных селах. В агитколлегию входили Петровский, Парижер, Стасюк и другие, а возглавлял ее большевик Артем (Бородатый).

Агитколлегия устраивала в селах митинги, распространяла листовки. Однако связь екатеринославских большевиков с крестьянскими массами была еще не столь широка и крепка, как того требовали задачи революционной борьбы. И это, конечно, ослабляло ударную силу пролетариата.

В самом Екатеринославе Совет рабочих депутатов имел уже такую силу и влияние, что с ним приходилось считаться и губернским властям. Это видно из такого факта. Охранка и полиция тайно задумали подбить черносотенный сброд на очередной еврейский погром в городе. Об этом узнали рабочие. Совет немедленно послал делегацию к губернатору. Делегаты заявили: если власти вновь допустят резню и беззаконие, то рабочим не останется ничего другого, как превратить по примеру обуховских рабочих заводы в военные мастерские, изготовить оружие и самим бить погромщиков.

Это предупреждение, по-видимому, подействовало на губернатора, и

охранка не решилась на провокацию. Тем более что ее замысел стал достоянием всего города: на улицах были расклеены листовки, в которых говорилось, что в случае возникновения в городе погрома Совет объявит всеобщую политическую забастовку и всеми способами, какие есть в его распоряжении, и с оружием в руках будет оборонять граждан от нападения хулиганов, казаков и полиции.

Листовка была написана и отпечатана по инициативе группы большевиков, в которую входил Григорий Иванович Петровский.

Еще до начала декабрьского восстания в Екатеринослав доходили вести о том, что правительство не прекращает репрессий против пролетариата Петербурга и Москвы, что рабочих арестовывают, сажают за решетку, высылают из городов, а рабочие массы волнуются, вся страна бурлит, как море в штормовую погоду. Стало известно, что в Кронштадте, а затем в Севастополе подняли восстание матросы. Отдельные армейские части также были охвачены революционным брожением. Теперь уже на борьбу поднимался не только рабочий класс, но и крестьяне и солдаты.

Екатеринославские большевики сознавали, что настает решающий момент в революции, и делали все возможное, чтобы их Совет рабочих депутатов стал подлинно боевым штабом. Этому яростно сопротивлялись меньшевики. Как раз в тот момент, когда большевики взялись за энергичную подготовку рабочих к восстанию, они навязали дискуссию о том, кто должен практически руководить стачкой — Совет рабочих депутатов или же непосредственно комитет РСДРП. Большевики в противовес своим противникам настаивали на том, чтобы руководящим центром стал Совет. Для этого необходимо создать боевой стачечный комитет, который бы исполнял волю Совета рабочих депутатов.

Как бы закончилась эта дискуссия в Совете между большевиками, руководимыми Петровским, и меньшевиками во главе с Бассовским, неизвестно, если бы ее не прервало телеграфное известие о том, что в Москве началось вооруженное восстание.

Диспут был, конечно, сразу прекращен. Тотчас были подняты на ноги все большевики — члены СРД и комитета РСДРП. Состоялось экстренное совещание, которое вел Петровский. Было решено поддержать московских рабочих немедленной забастовкой в городе.

На другой день по призыву Совета весь рабочий Екатеринослав и железнодорожники начали политическую забастовку. Совет решил не прекращать работу только на жизненно необходимых предприятиях — на доменных печах (чтоб не потушить их), электростанциях, водокачках, в пекарнях и продовольственных лавках. Совет тотчас же наложил запрет на

все банковские операции, приступил к организации общественных столовых для бастующих.

Совет решил создать боевые группы самообороны. Были созданы боевой стачечный комитет и военная комиссия. Состав боевого стачечного комитета был коалиционным, для того чтобы не допустить дробления революционных сил. В него вошли семь представителей от городской организации РСДРП, по два человека от «Бунда», эсеров и железнодорожного союза и три — от провинциальных организаций РСДРП. Несмотря на перевес голосов в пользу меньшевиков, большевики сумели так направить деятельность боевого стачечного комитета, что он в известной мере стал прообразом диктатуры пролетариата в Екатеринославе.

Исключительно велика была в этом роль Григория Ивановича Петровского. Он имел сильное влияние на своих товарищей, знавших его преданность революции, сумел сплотить не только большевистскую часть Совета рабочих депутатов и стачечного комитета в единое целое, но и значительную часть беспартийных депутатов вырвать из-под влияния меньшевиков. При решении важных вопросов он часто перетягивал на свою сторону даже депутатов-меньшевиков.

Стачечный комитет Совета рабочих депутатов действовал в городе как революционная власть. По его приказу рабочие-дружинники взяли под контроль типографии; были закрыты буржуазные газеты. На вокзале и в управлении Екатерининской железной дороги распоряжались рабочие. Боевой стачечный комитет стал выпускать свой «Бюллетень», призвал население города не платить хозяевам квартирной платы, а властям — налогов. Были закрыты все винные лавки и кабаки, было запрещено поднимать цены на продукты питания. По предложению Петровского деньги, накопившиеся в кассе Брянского завода за счет штрафов рабочих, были изъяты и потрачены на приобретение оружия для боевых дружин.

К сбору средств Петровский сумел привлечь не только рабочих и их жен, но и кое-кого из передовой интеллигенции города. Среди своих коллег деньги для бастующих собирали профессор горного училища А. М. Терпигорев (известный в советское время академик), врач Купянский, инженер Брянского завода Федоренко и другие.

Нуждающимся рабочим выдавалось пособие: одиноким по 20 копеек в день, семейным — по 15 копеек на взрослого и 10 копеек на ребенка. Тем, кто питался в общественных столовых, денег не выдавали.

В эти дни Григория Петровского можно было часто видеть в рабочих столовых. Он проверял правильность выдачи пищи, выяснял, сколько и

каких нужно продуктов, и посылал дружинников за провизией в ближние села. Ему и другим членам боевого стачечного комитета приходилось заниматься самыми различными делами — от обсуждения классовых революционных задач до разбора жалоб, возникавших по поводу мелких семейных ссор. В комитет и Совет депутатов рабочие шли со всякими предложениями, обидами, просьбами. И отказать в разборе дела было нельзя, каким бы незначительным, личным оно ни выглядело: рабочий люд шел к своим вожакам, избранникам, которым полностью доверился в трудный час испытания. Да и как могли тот же Петровский или его товарищи не помочь, не выслушать человека, если сами они были такими же, плоть от плоти, кровь от крови этой борющейся за свободу трудящейся массы людей!

И все же при всей удивительной организаторской работе, которую вели Петровский и другие большевики в Совете и стачечном комитете, решение таких важных вопросов, как разоружение полиции, привлечение на свою сторону солдат гарнизона и захват власти в городе и губернии, оттягивалось, хотя было известно, что солдаты гарнизона заявляли своим офицерам, что не будут выступать против Совета и стрелять в рабочих.

9 декабря начальник местной охраны с тревогой доносил губернатору, что наступил критический момент, поскольку стачечный комитет готовит рабочих к вооруженному восстанию, свержению законной власти в Екатеринославе и губернии.

Но среди руководителей забастовки, как уже говорилось, не было единства. Если большевики во главе с Петровским требовали решительных действий, то меньшевистская часть Совета и БСК, в том числе бундовцы, либо топтались на месте, ничего не предпринимая, либо призывали к осторожности и мирному сговору с губернатором. Они демагогически предлагали якобы во избежание напрасных жертв не завязывать столкновений, не опережать событий, а подождать развязки событий в Москве. На эту удочку попадались и передовые рабочие из числа депутатов Совета и членов стачечного комитета. В результате такой двойственной политики рабочие районы, так называемая «Чечелевская республика», фактически не соприкасались с остальными районами города, в которых по-прежнему распоряжались полицейские чиновники.

В городе фактически образовались две власти, два враждующих лагеря, которые, однако, странным образом уживались друг с другом и которые до поры до времени не делали попыток напасть один на другой. В центре Екатеринослава хозяевами положения были губернские власти, полиция и жандармерия, что же касается рабочих окраин, то там

безраздельно распоряжался боевой стачечный комитет. Эти районы города патрулировались рабочими дружинами, и ни один шпик, полицейский или государственный чиновник не смел проникнуть за эту черту. Более того, даже консулы иностранных держав и представители местной власти вынуждены были обращаться в стачечный комитет за разрешением, когда им нужно было проехать по железной дороге: рабочие-железнодорожники поддерживали бастующих и подчинялись лишь приказам стачечного комитета.

Таким образом, в эти решающие дни и часы, когда требовались боевые действия, соглашатели-меньшевики утопили предложения большевиков о взятии власти в нескончаемых спорах в Совете и стачечном комитете. Наступило какое-то молчаливое выжидание. Бездействовали Совет и стачечный комитет. Выжидала и реакция, не переходя в наступление. Очевидно, власти опасались ненадежности солдат гарнизона, и губернатор ждал прибытия вызванного им Симферопольского полка с артиллерией.

Время — спасительное для революции время — было упущено. Ошеломление и растерянность при дворе российского самодержца сменились жестокой энергией.

Царь двинул против народа войска.

IX. Поражение

Десятого декабря 1905 года в Екатеринославе было объявлено военное положение. Войска заняли железнодорожную станцию. В город прибыл Симферопольский полк с артиллерией. Офицеры намеренно подпаивали солдат, надеясь таким способом предохранить их от влияния агитаторов-рабочих.

Железнодорожники Екатеринослава в ответ на действия губернатора полностью прекратили движение поездов. Таким образом, подвоз новых армейских частей был исключен, однако с приходом Симферопольского полка перевес сил в городе склонился в пользу властей. И с этим приходилось считаться: пушки могли безнаказанно обстрелять с дальних дистанций рабочие кварталы и в два счета разнести в щепы любую баррикаду.

В течение нескольких дней оба враждующих лагеря выжидали, не предпринимая никаких действий. Все взоры были устремлены к Москве, где шли ожесточенные баррикадные бои, исхода которых с нетерпением ждала вся огромная взбудораженная Россия.

И вот телеграф принес тяжелую весть: декабрьское вооруженное восстание в Москве подавлено, затоплено в крови рабочих.

Но даже и после того, как пришло известие о полном разгроме пролетарских боевых дружин на Красной Пресне в Москве, губернатор Екатеринослава, по-видимому боясь повторения у себя московских событий, так и не решился отдать приказ войскам о штурме «Чечелевской республики».

Однако на екатеринославских рабочих поражение москвичей произвело гнетущее впечатление. Видя это и не желая бессмысленного кровопролития, Екатеринославский Совет рабочих депутатов, его стачечный комитет и военная комиссия после бурного совместного заседания приняли решение прекратить политическую стачку в городе. В этом решении, которое сразу же было доведено до всех рабочих, Совет предупреждал, что в случае преследования со стороны правительства и его приспешников за стачку рабочие будут бороться с помощью новой забастовки, также всеми другими имеющимися в их руках средствами. Резолюция была напечатана в газете.

Губернатор, по-видимому, только и ждал такого поворота событий. Заявление о добровольном прекращении стачки приободрило жандармов.

Губернатор не медлил. 27 декабря он отдал приказ войскам занять рабочую Чечелевку. В том же приказе предписывалось: дома, из которых будет сделан хоть один выстрел, подвергнуть артиллерийскому обстрелу. А на следующий день был отдан приказ об аресте главных агитаторов.

В рабочих поселках начались повальные обыски, облавы, аресты. Сначала, правда, деликатно, с опаской. Но потом разгул полицейского произвола достиг небывалого дотоле размаха и свирепости. Людей хватили десятками, иногда целыми семьями и гнали в тюрьму. Но это позднее. В первые же дни после подавления стачки жандармы действовали робко, опасаясь нового стихийного взрыва. Поэтому многим активистам-революционерам, которым в случае ареста грозила жестокая расправа, удалось спрятаться или вовсе уйти из города. Надеяться на милость победителей не приходилось: все уже знали, какое жуткое побоище устроили казаки и полиция в Москве. Пуля, петля, каторга и тюрьма стали судьбой сотен лучших пролетариев. Военно-полевые суды и кровавые «стольпинские галстуки», как в те дни называли виселицы, стали символом России.

Большевики уходили в подполье, меняли паспорта, клички, покидали города. Екатеринославцы тоже уезжали. Не всем, конечно, удавалось скрыться благополучно, некоторых вылавливали на вокзалах, в поездах и отправляли прямо в тюрьму.

Григорий Иванович Петровский некоторое время прятался у друзей-рабочих, переходя по ночам из квартиры в квартиру. Но недели через две и он покинул город и исчез в неизвестном направлении. Только спустя несколько дней его ближайшим друзьям и жене стало известно, что он в Харькове.

Вспоминая впоследствии об этих революционных событиях в октябре — декабре 1905 года в Екатеринославе, Петровский рассказывал, что большинство екатеринославских рабочих было в то время настроено революционно и передовая их часть была готова на героические дела и жертвы. Но многие находились еще под влиянием меньшевиков. Большевики же как руководители масс были тогда еще малоопытны. Конечно, главным тормозом в принятии Советом рабочих депутатов и стачечным комитетом своевременных, решительных мер для организации вооруженного восстания и захвата власти было разлагающее влияние меньшевиков. Но и в действиях большевиков было немало ошибок.

В числе этих ошибок Петровский считал наиболее существенными следующие. Не было достаточно хорошей связи с партийными центрами, а главное — с Лениным. Екатеринославский большевикам приходилось

решать все дела самостоятельно, часто без учета того, что делается в стране. Не было должной связи и информации между Екатеринославом как губернским центром с городами и крупными рабочими поселками, особенно с Донбассом. В Екатеринославе в большинстве случаев не знали, что делается на местах, а там не знали, что делается в губернском центре.

Вместо того чтобы использовать находившуюся под контролем бастующих Екатерининскую железную дорогу для связи и помощи бастующим, в губернии было приостановлено всякое движение; паровозы и вагоны выводились из строя, обрывалась телеграфная и телефонная связь. В результате такие события в губернии, как вооруженное столкновение рабочих Александровских железнодорожных мастерских с жандармами и казаками или как настоящее сражение четырех тысяч вооруженных горнорабочих Горловки и Никитовки, которое они героически вели с царскими карательными частями, совершались сами по себе, разрозненно, не объединенные общим руководством. О них в Екатеринославе стало известно слишком поздно, да и, кроме того, не было единодушия — посылать туда людей на помощь или не надо. Такая разобщенность в среде бастующих была на руку царским властям, и, пользуясь этой слабостью, они потопили в крови вооруженное сопротивление рабочих, разгромили стачечное движение по частям.

После подавления декабрьского восстания революционное движение во многих промышленных районах страны хотя и с перерывами, но еще продолжалось, а в иных местах даже вспыхивали новые забастовки. И все же после разгрома московских баррикад революция под ожесточенными ударами реакции отступала, все более и более затихая.

Русское самодержавие торжествовало.

Но, несмотря на поражение, всероссийская стачка и вооруженное восстание в Москве имели, по словам Ленина, величайшее значение для всей дальнейшей борьбы рабочего класса. «Декабрь, — писал Ленин, — подтвердил наглядно еще одно глубокое и забытое оппортунистами положение Маркса, который писал, что восстание есть искусство и что главное правило этого искусства — отчаянно-смелое, бесповоротно-решительное наступление».

Самодержавие, подавив восстание, учинило расправу прежде всего над передовым, наиболее опасным для себя отрядом пролетариата — большевиками. Многие прекрасные бойцы были физически уничтожены. Неисчислимо количество сознательных рабочих и интеллигентно-революционеров было загнано в сибирские ссылки, заточено в тюремные

казематы. Правительство громило не только большевистские партийные организации, но и разгоняло, закрывало организации рабочего класса — профсоюзы, страховые кассы и т. д.

Реакция ликовала.

«...Царизм победил, — писал позднее В. И. Ленин. — Все революционные и оппозиционные партии разбиты. Упадок, деморализация, расколы, разброд, ренегатство, порнография на место политики. Усиление тяги к философскому идеализму; мистицизм, как облачение контрреволюционных настроений. Но в то же время именно великое поражение дает революционным партиям и революционному классу настоящий и полезнейший урок, урок исторической диалектики, урок понимания, умения и искусства вести политическую борьбу. Друзья познаются в несчастье. Разбитые армии хорошо учатся».

Перед падением последних баррикад на Пресне штаб рабочих боевых дружин отдал приказ, в котором есть слова необычайного мужества и исторической прозорливости: «Мы начали. Мы кончаем... Кровь, насилие и смерть будут следовать по пятам нашим. Но это ничего. Будущее — за рабочим классом. Поколение за поколением во всех странах на опыте Пресни будут учиться упорству...»

Именно в эти дни тяжелого поражения, казней и преследований открылось подлинное лицо тех, кто на деле были рыцарями революции, и тех, кто лишь только играли эту роль, как в пьесе.

Только одна партия осталась верна рабочему классу и идеалам борьбы — РСДРП большевиков. Но и в ней еще не было единства. Теперь еще более усилились споры и разногласия о путях революции, демократизации России, методах борьбы.

Меньшевики изменили революции еще до поражения декабрьского восстания. Если и раньше они были ярыми противниками решительных действий, то теперь, напуганные разгулом реакции, поверившие в царский манифест, обещавший созыв законодательной думы и конституцию, — теперь меньшевики еще больше усилили свою раскольническую деятельность. Они убеждали рабочих, что революция окончательно побеждена и поэтому нужно ликвидировать подпольные партийные организации, приспособиться к легальной борьбе только за экономические требования.

Обывательскому страху меньшевиков противостояло мужество большевистской части РСДРП. Большевики во главе с Лениным были убеждены, что поражение революции временное, что впереди неизбежны новые бои, и раз так, то необходимо не сворачивать подпольную работу, а,

наоборот, усиливать ее, расширять, сочетая с непременным использованием легальных путей борьбы (работа в думе, профсоюзах, страховых кассах).

Такую работу после поражения первой русской революции и повели большевики — самоотверженно, не жалея сил. Полностью поддерживал эту ленинскую линию и старался проводить ее в жизнь и скрывавшийся от глаз полиции Григорий Иванович Петровский.

Появившись в Харькове, он сразу же связался с подпольем, которое возглавлял видный партиец-большевик Сергеев, по кличке Артем. Петровский был с ним знаком лично. Артем обрадовался гостю, крепко обнял, расцеловал его. Потом он рассказал Петровскому о харьковских делах, о непрерывных стычках и спорах с меньшевиками.

Петровский пробыл в Харькове немногим более месяца. Подходящей работы по специальности найти ему не удалось, и он уехал в Донбасс под чужой фамилией, с фиктивным паспортом, чтобы сбить со своего следа полицейских шпииков, которые, как он знал, кружат вокруг него, как псы. Его могли схватить в любой момент, стоило ему лишь обнаружить себя публично. И хотя Петровский понимал, что донести на него может и кто-нибудь даже из тех же меньшевиков, он все-таки не удержался и, пока жил в Харькове, несколько раз выступал на дискуссии, завязавшейся между харьковскими большевиками и их противниками. Он зло высмеивал трусливую, предательскую тактику меньшевиков по отношению к пролетариату и рассказывал о той работе, которую вели среди бастующих екатеринославцы-большевики в недавние дни революции. Таков он был, этот двадцативосьмилетний заводской парень, которого товарищи звали просто Григорием, — горячий, открытый для дружбы и схватки с врагом, уже известный, несмотря на молодость, в среде подпольщиков как опытный, смелый вожак екатеринославских большевиков. Не мог он ради собственной безопасности уклониться от спора, когда при нем пытались замутить головы рабочим, повести их по ложному пути.

На этот раз, к счастью, все обошлось благополучно. В Донбассе Петровский устроился токарем на Никитовский рудник. Казалось, шпиики совсем потеряли его из виду. Но через несколько дней он узнал от одного служащего рудничной конторы, что полиция пронюхала о нем.

Петровский в ту же ночь скрылся. На Краматорском металлургическом заводе он объявился уже под своим именем. Фиктивный паспорт был бесполезен теперь. Петровский, надеясь, что хоть на некоторое время сбил шпииков со следа, рискнул поступить на работу под своей фамилией.

В 1906 году в Донбассе то там, то здесь еще вспыхивали отдельные забастовки. Боевой дух революции жил, будил сердца рабочих. На забастовки поднимались заводы Луганска, Краматорской, Константиновки, Дружковки и других мест.

Петровский прибыл в Краматорскую незадолго до заводской стачки. Когда она началась, некоторые передовые рабочие уже знали о екатеринославском подпольщике. Они сразу же ввели Петровского в стачечный комитет как опытного в таких делах человека. Его избрали также и в состав рабочей делегации для переговоров с администрацией о повышении заработной платы.

Это были трудные дни для членов стачечного комитета, а для Петровского вдвойне опасные. Приходилось быть постоянно настороже, так как полиция буквально охотилась за вожаками забастовки. Днем жандармы опасались делать обыски и аресты в рабочих кварталах, но по ночам, в самые глухие часы, когда все спали, они устраивали облавы и осмотры квартир. Члены комитета поэтому вынуждены были по ночам прятаться от полиции на огородах, в высоких зарослях подсолнуха и кукурузы.

Угроза ареста усилилась после того, как местные власти вызвали дополнительные жандармские части для подавления забастовки. Завод был оцеплен. И днем и ночью по улицам рабочего поселка ходили патрули, шныряли шпики. Петровскому пришлось уйти из поселка в ближнюю деревню. Но и там вскоре появились конные жандармы.

Стало ясно, что если Петровский пробудет здесь еще некоторое время, то арест и ссылка неминуемы. Многие из видных революционеров-большевиков в это время покидали Россию: партия отступила, но стремилась сохранить свои кадры.

В июне 1906 года Петровский вместе с екатеринославскими рабочими Войцеховичем и Марковым тоже решил эмигрировать за границу. Они тайно, пешком пересекли русскую границу, а дальше поехали поездом до немецкого города Саарбрюкена. Там они поступили на металлургический завод фирмы «Мальштадт и Бульбах».

В Германии Петровский прожил совсем немного — около трех месяцев. Его одолевала тоска по родине, семье, милым сердцу друзьям и товарищам по борьбе. Немецкого языка он не знал. Тихая, безмятежная, в рамках дозволенного законом деятельность местной социал-демократической организации вызывала у Петровского досаду. «Размеренная, нудная реформистская жизнь местной социал-демократической организации была мне противна», — говорил

Петровский, вспоминая свое пребывание в Германии. Работать в такой партийной организации не было никакого желания. Его властно тянула к себе Россия — окровавленная, расстрелянная, но гордая и в поражении.

Не было больше ни сил, ни желания противиться этому. Россия звала, Россия ждала. Там, на родине, он был нужен, а здесь, в Германии, до него никому не было дело. И он решил, несмотря ни на что, идя на очевидный риск ареста и ссылки, вернуться обратно в Россию. В августе он покинул чужую немецкую землю.

Петровский хорошо знал, что в Екатеринослав, где у него оставалась семья, ехать ему нельзя. Стоит появиться в городе, как его непременно выследят и арестуют. Нужно было выбирать такое место, где бы о нем не знали.

Посоветовавшись с товарищами, он отправился в Мариуполь и устроился на трубный завод. Вскоре туда же переехала и семья — жена с сыновьями. Домна с сияющим от счастья лицом всплакнула, обняв сильными мягкими руками голову, мужа и крепко целуя его. А шестилетний Петька, обхватив ногу отца и задрав русую головку, пронзительно кричал: «Батя приехал!» Ему шепеляво вторил, вцепившись в другую брючину отца, Ленька, четырехлетний толстый карапуз. Вечер провели семьей, никого не пригласив, даже друзей. Григорий был заботлив, как никогда, а Домна все смотрела на него, наливая детям и мужу чай, и то звонко смеялась, то плакала.

Спустя год Петровский перешел работать на крупнейший в ту пору в Мариуполе завод «Провиданс».

В Мариуполь приехал уже зрелый Петровский, закаленный революционер, отлично знающий подпольную работу, много переживший и передумавший за последние годы. И не удивительно, что он сразу же стал общепризнанным вожаком, с мнением и советами которого считались все активисты-большевики, наслышанные о его боевой деятельности в дни революционных схваток 1905 года.

Дела на новом месте Петровский начал потихоньку, осмотрительно. Познакомившись с передовыми рабочими, на которых можно было понадеяться, он приглашал их к себе домой, а радушная Домна ставила на стол самовар, и за чаепитием мужчины вели разговоры о заводских делах и заботах. Всегда кто-нибудь, обычно Домна, дежурил на улице, чтобы проверить, нет ли вблизи подозрительных субъектов.

Из бесед Петровского с рабочими выяснилось, что в городе немало меньшевиков, есть они и на мариупольских заводах. Меньшевики высказывались против восстановления подпольных организаций,

распавшихся в связи с наступлением реакции.

Петровский понял, что начинать надо прежде всего с создания хотя бы и небольшой, но крепкой подпольной большевистской группы, раздобыть революционную литературу и заняться ее распространением, а также наладить кружки для самообразования и изучения основ марксизма. Так и было сделано.

Первую подпольную группу Петровский сколотил на заводе «Провиданс», где работал сам. Она сначала собиралась на квартире А. З. Заворуева, а потом — Олейникова и Зеленского. Товарищи из Екатеринославского комитета РСДРП пересылали Петровскому, хотя это было очень нелегко сделать в то время, газеты и запрещенные цензурой книги и брошюры. Все это было, конечно, строго законспирировано, и знали об этом лишь несколько человек из подпольной группы — те, кому было поручено заниматься перевозкой этой литературы.

Вокруг Петровского всегда были люди. Они приходили к нему за советом, помощью или поручением ежедневно. Рабочие беседовали с ним и в цехе, во время перерыва, и на квартире Петровского, где каждый был желанным гостем. Петровскому верили, и потому не раз, по просьбе рабочих, он как их представитель ходил на переговоры с заводской администрацией по разным спорным вопросам, и его участие обычно способствовало разрешению конфликта в пользу рабочих.

Авторитет Петровского среди мариупольцев рос очень быстро. Знали его рабочие и в других городах губернии. И когда начались выборы губернского правления профсоюза металлистов, не удивительно, что в его состав вместе с большевиками И. Меренковым, М. Миллером, И. Захаренко избрали и Григория Ивановича Петровского. Этот профсоюз существовал тогда как легальная организация. Она давала возможность большевикам расширить свою пропагандистскую работу в заводских массах, так как подпольными методами осуществить это было гораздо труднее. При помощи профсоюза легче было приобретать нелегальную литературу и более успешно распространять ее. В Мариуполе появились и легальные большевистские газеты, сначала «Звезда», а с 1912 года — «Правда». Все это способствовало разоблачению соглашательской, предательской политики меньшевиков, отрекавшихся после поражения первой революции от революционного знамени РСДРП.

Работа Петровского и других большевиков в правлении профсоюза металлистов была полезна, поскольку помогала партии следить и направлять деятельность профсоюза так, как того требовали интересы будущей революции. Она была полезна и в том смысле, что публичная

деятельность Петровского была по форме вполне законной и полиция не вправе была ее запретить и без суда покарать за нее. Это подтверждается и таким примером из его публичной деятельности: в 1907 году екатеринославские жандармы не удержались от искушения донести по начальству о том, что «... Петровский ездил в Петербург в качестве делегата от рабочих Брянского завода хлопотать перед членами II Государственной думы об открытии Брянского завода, каковой ввиду убийства начальника прокатных мастерских инженера Мылова не функционировал в течение трех месяцев...» Тайно они доносили, а привлечь к ответственности формально не имели права.

Царской охранке, несомненно, очень хотелось упрятать в тюрьму Петровского, но законного повода у нее не было.

А время в стране было мрачное, и партии большевиков, загнанной душителями революции в подполье, приходилось очень и очень круто.

Репрессии продолжались. Царское правительство, арестовав в ночь на 3 июля 1907 года депутатов социал-демократов, распустило II Государственную думу, хотя срок ее полномочий не истек. Те малые гражданские права, которые под напором революции были «дарованы» народу царским манифестом 17 октября 1905 года, были отменены. Над социал-демократами, депутатами II думы, был устроен суд по обвинению в измене отечеству, и они, чья вина состояла лишь в прогрессивности взглядов, в желании добиться облегчения жизни народа, были сосланы этапом в Сибирь.

Аресты, тюрьмы и ссылки стали нормой российской жизни. Двуглавый царский орел простер крылья мести над подвластным ему народом.

Все это, конечно, не могло не сказаться на силе партии. Связи подпольных социал-демократических организаций с центром, с ЦК сильно ослабли или вовсе оборвались. В результате очередные партконференции и съезд не могли собраться долгое время — почти четыре года.

Четыре года молчала, затихнув, и вся рабочая Россия. Последним всплеском мятежной волны была забастовка 22 ноября 1907 года — протест против разгона II думы и ссылки депутатов социал-демократов.

Владимир Ильич Ленин был вынужден покинуть Россию. Находясь за границей, он внимательно следил за всем, что творится на родине, и готовил партию к неизбежному подъему новой революции. По энергичному настоянию Ленина в январе 1912 года была созвана после большого перерыва VI Всероссийская конференция РСДРП. Конференция

состоялась в Праге.

Пражская конференция убедительно показала, что хотя пролетариат и был разбит в революции 1905–1907 годов, но он не побежден, что наступит время, когда рабочий класс вновь выпрямится и, поднимая на борьбу широкие массы забитого, измученного крестьянства, нанесет еще более тяжелые удары по царской монархии.

На Пражской конференции были приняты решения исключительной важности. Конференция изгнала из партии ликвидаторов-меньшевиков и тем самым как бы вновь возродила самостоятельную революционную партию — Российскую социал-демократическую рабочую партию большевиков — РСДРП (б).

Решения Пражской конференции вскоре положительно сказались на усилении подпольной работы, подготовке партии и рабочих масс к новым решительным боям против царского самодержавия, за осуществление программы-минимум РСДРП. Этими важными партийными решениями и руководствовался в своей дальнейшей революционной деятельности Григорий Иванович Петровский.

Часть вторая
Большевик на трибуне царской думы

I. Рабочий депутат

Апрельский ветер 1912 года донес из Сибири до Петербурга страшную весть о новом злодеянии царизма: на Ленских приисках солдаты расстреляли несколько сот не повинных ни в чем рабочих. Россия ответила на это зверство гневными митингами и забастовками. Все чаще стали звучать на сходках речи о низвержении самодержавия. Народ требовал свободы и хлеба. А жандармы давили и карали за это без всякой пощады. Волнения захватили часть армии, в Севастополе разыгралась новая трагедия: военный суд жестоко расправился с матросами Черноморского флота, обвинив большую группу моряков в подготовке восстания. Семнадцать человек были приговорены к смертной казни, более ста — отправлены на каторгу.

Сытый по горло самодурством царских чиновников, полунищий народ не хотел более терпеть угнетения. Забастовки и демонстрации часто оканчивались кровавыми столкновениями с полицией. В эти дни, как бы призывая в свидетели павших бойцов революции 1905 года, большевистская газета «Звезда» справедливо писала: «...мы живы, красная кровь наша кипит огнем даром не растраченных сил...»

Такой, взбаламученной, грозной, как море перед штормом, была Россия в 1912 году, накануне выборной кампании в очередную IV Государственную думу.

Задолго до выборов оживилась борьба различных политических партий за депутатские места в думе. Каждая партия выставила своих кандидатов и прилагала усилия для привлечения избирателей на свою сторону.

Большевистская партия столкнулась в предвыборной борьбе с большими трудностями, поскольку она находилась на подпольном положении. Над членами партии постоянно висела угроза ареста, тюрьмы, ссылки. А тайные типографии могли ждать в любой час провала, вторжения жандармов и конфискации печатных станков, шрифтов и оттиснутых прокламаций. Другие же политические партии, которые не были закованы в кандалы нелегальности и могли свободно агитировать за свою программу и своих кандидатов на страницах газет и на открытых собраниях избирателей, имели огромное преимущество перед большевиками. Но большевики не пали духом.

Программа предвыборной борьбы была разработана большевиками в

январе 1912 года на VI Всероссийской конференции РСДРП, состоявшейся в Праге.

Конференция подробно изложила в резолюции политические цели и задачи, которые ставит партия в избирательной кампании в IV Государственную думу. Впоследствии, когда началась предвыборная борьба, а затем и борьба представителей различных партий уже в самой думе, эта четкая, ясная программа сослужила большевикам неоценимую службу.

Вот что, в частности, было записано в резолюции Пражской конференции по думскому вопросу:

«Конференция признает безусловно необходимым участие РСДРП в предстоящей избирательной кампании в IV Думу, выставление самостоятельных кандидатов нашей партии и образование в IV Думе социал-демократической фракции, подчиненной, как часть, нашей партии в целом.

Главной задачей партии на выборах, а равно и будущей с.-д. фракции в самой Думе — задачей, которой должны быть подчинены все остальные, — является социалистическая классовая пропаганда и организация рабочего класса.

Главными избирательными лозунгами нашей партии на предстоящих выборах должны явиться:

- 1) демократическая республика
- 2) 8-часовой рабочий день
- 3) конфискация всей помещичьей земли».

Таким образом большевистская партия заранее четко определила, чего она хочет добиться средствами парламентской борьбы в думе.

Там же, на Пражской конференции, было принято решение создать вместо газеты «Звезда», выходившей один раз в неделю, новую ежедневную массовую газету для рабочих — газету, которая вышла в конце апреля 1912 года под названием «Правда». В период предвыборной борьбы это был единственный легальный печатный орган партии, в котором большевики могли открыто вести агитацию за свою программу и своих кандидатов в думу. Идейным руководителем и практическим организатором «Правды» был Ленин. Он сам писал многие статьи для газеты, правил рукописи товарищей, давал советы, по каким наиболее важным вопросам жизни рабочего класса и его борьбы следует вести огонь оружием правдивого печатного слова. Большевики, имея в отличие от других партий лишь одну легальную газету, сумели хорошо использовать «Правду» для привлечения пролетарских масс на свою сторону.

По отношению к имущим слоям и классам избирательный закон остался таким же, каким был при выборах в I, II и III думы. Как и раньше, выборы оставались сложными, многостепенными. Но на сей раз царские министры позаботились, чтобы в IV думу попало как можно меньше депутатов от рабочих. На то были поставлены всяческие рогатки.

Новый закон устанавливал для рабочих такой порядок: сначала на общих собраниях рабочих должны быть избраны уполномоченные; потом собрание уполномоченных избирало так называемых выборщиков — небольшое количество от огромной массы рабочих; а затем уже эти выборщики от рабочих участвовали в общегубернском собрании, где выборщики от помещиков, буржуазии и кулачества составляли подавляющее большинство. Вот на этих-то губернских собраниях и завершался последний акт выборной комедии. От всех курий — помещичьих, купеческих и прочих — избирались по несколько депутатов в думу. И только один депутат мог быть проведен от рабочей курии. Не говоря уже о грубом надувательстве народа, которое создавали такие «выборы», когда за спиной рабочего депутата были десятки и сотни тысяч избирательных голосов, а за помещичьим или буржуазным депутатом стояли всего лишь сотни толстосумов от соответствующих курий, — такие выборы имели для пролетариата и партии РСДРП и другие сложности.

Рабочие могли выставить лишь два процента выборщиков, тогда как помещики — ничтожная по количеству избирателей, но самая реакционная, черносотенная курия — получили право избрать почти пятьдесят процентов, то есть около половины всех выборщиков в стране. И это не считая голосов отнюдь не революционной русской буржуазии. Не нужно было обладать большой политической проницательностью, чтобы понять, какова будет эта новая дума.

Вторая сложность предвиделась на заключительной стадии голосования — на губернских собраниях. Тут важно было добиться такого сплочения, чтобы все выборщики от рабочей курии дружно стояли друг за друга и избирали своих кандидатов, рабочих. А ведь совсем могло быть не исключено, что кто-то из выборщиков от рабочей курии, которому задурманят мозги или попросту подкупят, вдруг перевернется на сторону какой-либо другой политической группки или партии и проголосует не за своего, а за чуждого пролетариату депутата.

Не могли не учитывать большевики и влияния церкви, которая с помощью огромного легиона попов умела, как известно, веками поддерживать в «грешных душах» рабов господних трепетный огонь любви к «помазаннику божьему» — императору российскому.

Нужно было предвидеть также урон, который понесет пролетариат от различных ограничений в избирательных правах. По избирательному закону только шесть наиболее развитых промышленных губерний — Петербургская, Московская, Екатеринославская, Харьковская, Костромская и Владимирская — имели право выставить от рабочих курий по одному (!) депутату. Мало того. Даже и в так называемых «курильных» губерниях не все рабочие пользовались правом голоса. Лишались, например, избирательных прав те, кто проработал на шахте, фабрике или заводе меньше шести месяцев. Власти прибегали и к другим ухищрениям. Министерство внутренних дел издало целый список поправок и дополнений к закону, циркуляров и разъяснений для губернаторов и уездных исправников полиции, которые давали возможность провинциальным властям толковать избирательный закон по своему личному усмотрению. При выборах это приводило зачастую к произволу и фальсификации результатов голосования.

Агитационная работа большевиков осложнялась, кроме всего прочего, еще и тем, что параграфы избирательного закона запрещали устраивать предвыборные собрания на заводах и фабриках. Приходилось разъяснять рабочим программу социал-демократической партии подпольным путем, тайком раздавать запрещенную социалистическую литературу, скрытно печатать в типографиях прокламации. Даже легальную «Правду» распространяли осмотрительно, с оглядкой. А сходки и митинги рабочих устраивали небольшими группами, под видом праздничных массовок и воскресных прогулок, обычно подальше от города или заводского поселка, в лесу, оврагах или на реке. И, конечно, по всем правилам конспирации: с установленным паролем, с проводниками, сигнальными и сторожевыми постами, чтобы не быть захваченными врасплох полицейскими шпиками и жандармами.

Большевикам было несравненно труднее работать в массах, нежели меньшевикам, не только из-за невозможности в сложившейся обстановке вести открытую пропаганду своих идей: ведь меньшевики не призывали массы к свержению существующего строя. Нет, меньшевики не предлагали свалить императорский трон революционным взрывом. Они выступали с весьма скромными, мирными лозунгами и требованиями, которые не переступали границ легальной межпартийной борьбы, дозволенной царскими законами. Поэтому их силы редко попадали под удары полицейских репрессий, они несли гораздо меньший урон, чем большевики. Они сохранили к моменту предвыборной кампании почти все свои интеллигентские кадры — ораторов, журналистов, учителей. Их

идейные вожди жили, как правило, на легальном положении во всех, крупных городах России. Совсем иное положение было у большевиков. В период разгула реакции они понесли огромные потери. Особенно ощущался недостаток в испытанных, закаленных руководителях и литературных силах. Многие из «стариков» вынуждены были эмигрировать за границу, а немало других маялись в сибирской ссылке и тюрьмах.

Вот в таких тяжелых условиях местные большевистские организации и вступили в схватку с меньшевиками за право представлять и отстаивать в думе интересы российского пролетариата.

Общая предвыборная обстановка в Екатеринославской губернии мало чем отличалась от обстановки в других пяти губерниях, которым по закону разрешалось избирать от рабочих курий по одному депутату в думу.

Во всех этих губерниях большинство пролетариата поддерживало только свою партию — Российскую социал-демократическую рабочую партию — и готово было голосовать на выборах только за своих, рабочих кандидатов. Настроение трудового люда хорошо знали лидеры всех прочих российских партий. Поэтому ни либеральная буржуазия, ни партия кадетов (конституционные демократы), не говоря уже о таких черносотенных организациях, как «Союз русского народа» или «Союз Михаила-архангела», даже и не пытались выставить от рабочих курий своих кандидатов в депутаты думы. Члены этих партий просто не решались выступать с речами перед рабочими, опасаясь, как бы их не прогнали с собрания или не надавали по шее, как бывало не однажды в революцию 1905 года; по опыту тех лет рабочие прекрасно помнили, какими «защитниками» пролетариата и крестьянства показали себя деятели этих партий.

Единственно, кто мог бы выставить своих кандидатов в рабочих куриях и, очевидно, иметь какой-то успех в то время — это эсеры (социалисты-революционеры), за которыми еще шла некоторая часть пролетариев. Но партия эсеров приняла решение бойкотировать выборы в думу и потому вообще не выставила ни одного своего кандидата.

Вот почему на выборах от рабочих курий в шести губерниях выступала только социал-демократическая партия.

В Екатеринославской губернии борьба большевиков и меньшевиков так же, как и в других местах, длилась весь избирательный период, вплоть до самого последнего момента — выборов депутатов в думу на общегубернском собрании. Используя любые возможности — на собраниях и тайных сходках, в «Правде» и с помощью прокламаций, большевики

разоблачали предательскую тактику меньшевиков по отношению к пролетариату; в беседах с рабочими разъясняли несостоятельность, вред меньшевистских предвыборных лозунгов, в которых рабочих призывали не устраивать политических стачек, а обращаться по всем вопросам в думу с просьбами-петициями. Большая часть рабочих знала, чем кончаются попытки обратиться к царю и властям с мирными просьбами: жертвы 9 января и Ленского расстрела сурово напоминали о себе.

Выборы в IV Государственную думу были назначены на сентябрь 1912 года. До этого времени предстояло на всех заводах, шахтах и фабриках Екатеринославской губернии провести выборы уполномоченных и так называемых выборщиков. Естественно, и большевики и меньшевики выдвигали каждого своих кандидатов.

Екатеринославский комитет РСДРП постановил: выдвинуть кандидатуру Григория Ивановича Петровского. Имя его было известно на многих заводах губернии и шахтах Донбасса. Преданность партии и рабочему классу он доказал всей своей мужественной революционной работой. Решено было добиться избрания Петровского сначала в качестве уполномоченного и выборщика, а затем бороться за избрание его депутатом в думу от Екатеринославской рабочей курии.

В это время Петровский работал еще в Мариуполе, на заводе «Провиданс». Конечно, он и там не сидел сложа руки. Он по-прежнему вел революционную агитацию, организовал широкое распространение газеты «Правда». Когда началась избирательная кампания, большевики Мариуполя на своем подпольном собрании выдвинули пятерых кандидатов в уполномоченные, в числе их Петровского. Затем состоялось совместное собрание с меньшевиками. После ожесточенных споров взяли верх большевистские кандидаты. Кандидатуры меньшевиков провалились.

Собрание уполномоченных от рабочей курии всей губернии проходило в Екатеринославской городской думе. Открыть собрание поручили Григорию Ивановичу Петровскому.

Едва началось собрание, как в зале, до отказа заполненном рабочими, газетчиками и депутатами городской думы, появились помощник городского полицмейстера, пристав и несколько полицейских. Петровский тотчас встал из-за стола президиума и сухо, но вежливо предложил полицейским чиновникам покинуть зал заседания, поскольку их действия в данном случае противоречили избирательному закону. В зале поднялся гул возмущения. Но полиция не уходила. Тогда Петровский предложил прервать заседание, послать делегацию к губернатору и заявить ему, что уполномоченные не будут проводить собрания до тех пор, пока из думы не

удалят полицию. Обеспокоенный возможными осложнениями на выборах, губернатор сразу же отдал приказ полицмейстеру убрать жандармов и крепко отчитал шефа полиции за глупую затею. Собрание продолжило работу.

Среди уполномоченных были и большевики и меньшевики. Последние получили от своих лидеров директиву — провалить кандидатуру Петровского в качестве выборщика. Чтобы подлить керосинчику в огонь страстей, только что прибывший из Петербурга меньшевик Повес, взяв слово, заявил, что-де Петровскому ни в коем случае нельзя доверять, поскольку он подпал под влияние Ленина, который губит Российскую социал-демократическую партию. Петровский вышел на трибуну вслед за Повесом и дал тому резкую отповедь. Он сказал прямо, что находится под влиянием идей Ленина с первых лет своей революционной работы и давно уже убедился, что не Ленин губит российскую социал-демократию, а сами меньшевики: ведь всем известно, что именно они занимаются антирабочей соглашательской политикой, заигрывая с буржуазией. А что касается Ленина, то он выковывает в борьбе настоящую революционную партию — партию большевиков.

Когда страсти немного поутихли, собрание приступило к голосованию. Избрали четырех выборщиков от рабочей курии — Петровского (большевик), Худокормова (меньшевик), Жовтенького (меньшевик) и эсера Способного, которого выдвинули на собрание уполномоченных те же меньшевики, хотя, как уже говорилось, партия социалистов-революционеров бойкотировала выборы. Собрание проголосовало за предложение Екатеринославского комитета РСДРП — рекомендовать трем другим выборщикам снять на последней стадии голосования свои кандидатуры в депутаты думы в пользу Григория Ивановича Петровского.

А при обсуждении наказа будущему рабочему депутату собрание приняло решение равняться на политическую платформу большевистского ЦК РСДРП.

Казалось, все уже было ясно, споры окончены, решения приняты. Но на общегубернском собрании выборщиков, проходившем в доме земской управы, меньшевики вновь разожгли спор по главным вопросам — кого избрать депутатом в думу и какой наказ дать этому депутату.

Накануне из Петербурга пришла телеграмма на имя руководителей екатеринославских меньшевиков от их лидеров с категорическим требованием воспрепятствовать избранию большевика Петровского в депутаты думы. Но все усилия противников Петровского оказались тщетными. Ни одна из выдвинутых дополнительно кандидатур не получила

на собрании выборщиков поддержки.

При общем голосовании на губернском собрании Григорий Иванович Петровский и был избран депутатом в IV Государственную думу от рабочей курии Екатеринославской губернии.

Жаркая схватка произошла между большевиками и меньшевиками и при выработке окончательного наказа депутату. Составление и обсуждение наказа сопровождались страстными спорами опять-таки по программным и тактическим вопросам, причем сам депутат — Петровский — твердо стоял и защищал большевистскую политическую платформу, выработанную Лениным и принятую на VI Пражской конференции РСДРП. Обсуждение наказа сильно затянулось и закончилось на совместном собрании екатеринославских большевиков и меньшевиков буквально в тот самый день, когда Петровский должен был уезжать в Петербург на открытие IV Государственной думы. И той и другой стороне пришлось пойти на компромисс, чем-то поступиться. В наказ депутату было включено много программных требований большевиков, но часть требований отражала идеи меньшевиков. В таком виде наказ и был передан Петровскому.

Так закончилась избирательная борьба между большевиками и меньшевиками. В этой борьбе екатеринославский пролетариат недвусмысленно выразил свою поддержку и одобрение политической деятельности большевиков.

В погожий солнечный октябрьский денек большая группа рабочих пришла проводить своего депутата, уезжающего в Петербург. На площади у екатеринославского вокзала скопилась толпа. Петровский выступал, взобравшись на какую-то подвернувшуюся кстати крестьянскую телегу. Провожаящие были возбуждены, веселы, шутили, подтрунивали над городскими, которые важно, с невозмутимым видом стояли в стороне от толпы. Все зааплодировали, увидев Петровского. Невысокий, быстрый, темноволосый, с молодым открытым лицом и размашистыми жестами, он совсем не был похож на тех солидных государственных деятелей, портреты которых рабочие видели в газетах. Он казался юным, хотя ему уже перевалило как-никак за тридцать пять. Это был свой товарищ, с которым можно было в свободный час попить чайку, поговорить по душам, посмеяться. Это была своя, рабочая кость, своя, рабочая кровь, свое, рабочее сердце.

Петровский, оглядывая густую толпу единомышленников, друзей, говорил о том, как намерен работать в думе, разъяснял еще раз, в чем сила программы большевиков. Полицейские по-прежнему стояли, не

вмешиваясь, в сторонке, но слушали в оба уха. И когда Петровский под громкие возгласы одобрения воскликнул: «Долой самодержавие!» — городовые, как подхлестнутые, скопом кинулись со всех сторон к нему, озверело работая в толпе кулаками и ножнами шашек. Один из них ухватил Петровского за полу пальто и пытался сбросить с телеги. Но Петровский вырвался и резко крикнул:

— Прочь руки! Я депутат Государственной думы, для вас лицо неприкосновенное!

Полицейские отступили, растерянно переглядываясь. А Петровский меж тем помахал обеими руками друзьям и, напутствуемый добрыми пожеланиями, зашагал с чемоданом в руке к своему вагону. Рядом, крепко держась за его согнутый локоть, быстро шла стройная, русоволосая женщина. Это было его жена Домна, верный, любимый товарищ.

II. Социал-демократическая Франция

С вокзала Петровский отправился в гостиницу. Был воскресный день, и Петербург кипел праздной, пестрой, шумной жизнью. Петровский любовался высокими красивыми особняками, узорными чугунными оградами, гранитными берегами Невы и знаменитым Невским проспектом. Он вспомнил о Бабушкине, своем первом учителе, посвятившем его, наивного рабочего парня, в грозные революционные дела. Ведь Бабушкин жил и работал здесь вместе с Лениным. Он много рассказывал Григорию об этом необыкновенном человеке.

Оставив вещи, Петровский пошел по данным ему адресам разыскивать питерских партийных товарищей. Ему очень хотелось сегодня же побывать в редакции «Правды», познакомиться с редактором и другими сотрудниками.

Петровский довольно скоро разыскал редакцию «Правды», которая помещалась в небольшом доме на Ивановской улице. Дверь оказалось запертой. Тогда он прошел во двор и постучался с черного хода. Вышел сторож и сказал:

— Что, молодой человек, разве вы не знаете, что по воскресным дням редакция не работает? Никого нет, приходите завтра, — и захлопнул дверь.

Петровский ушел, огорченный неудачей. На следующий день он, конечно, опять отправился в «Правду», редактор беседовал с ним как с давним знакомым, дружески расспрашивал о положении дел в Екатеринославской губернии, попросил написать заметку о выборах в думу и пригласил заходить почаще и сотрудничать в газете.

Начали съезжаться депутаты-большевики, избранные от рабочих курий других губерний, и новые дела захватили Петровского целиком. Депутаты знакомились друг с другом, расспрашивали о том, как прошли выборы в той или иной губернии, как настроение рабочих, какие наказания они дали своим депутатам и т. д. До того, как удалось подыскать для депутатов отдельную квартиру, где бы они могли обсуждать дела; совещания устраивали в одной из комнат Таврического дворца, в котором вскоре должна была открыться IV Государственная дума.

Квартиру для депутатов удалось снять в доме № 9 по Рождественской улице. Совещания перенесли туда. Однако вскоре было замечено, что за домом ведется тайное наблюдение: поблизости все время слонялись люди в штатском, в которых большевики-подпольщики без труда узнавали своих

давних знакомцев, полицейских агентов. Особенно опасаться шпииков не было оснований, поскольку депутаты думы были лицами неприкосновенными и не могли без особого на то разрешения правительства подвергнуться обыску и аресту. Но все-таки надо было держаться настороже.

Кроме Петровского, от остальных пяти рабочих курий были выбраны депутатами тоже большевики: Н. Р. Шагов — от Костромской губернии, Ф. Н. Самойлов — от Владимирской (Иваново-Вознесенск), оба текстильщики; М. К. Муранов — от Харьковской губернии, А. Е. Бадаев — от Петербургской и от Московской губернии — Р. В. Малиновский, который, как выяснилось позже, был провокатором. Все трое рабочие-металлисты.

В думу были избраны также семь меньшевиков.

Депутаты РСДРП выступали в думе как объединенная социал-демократическая фракция. Всего четырнадцать человек: шесть большевиков, семь меньшевиков и депутат Ягелло — от Польши, примыкавший к меньшевикам. Такое количественное соотношение во фракции давало меньшевикам формальный повод утверждать, что за ними стоит большая часть пролетариата России. На самом же деле это было вовсе не так. Стоило провести некоторое сопоставление, чтобы убедиться в лживости такого подсчета. Семь губерний, от которых были избраны меньшевики, насчитывали только 214 тысяч рабочих, тогда как в шести губерниях, в которых от рабочих курий были избраны большевики, имелось 1 миллион 8 тысяч рабочих. То есть чуть ли не в пять раз больше рабочих-избирателей, нежели у меньшевиков. Однако те все-таки претендовали на монополию в руководстве фракцией.

На первом же официальном собрании меньшевики, пользуясь формальным большинством, попытались забрать в свои руки все руководство социал-демократической фракцией. Однако, встретив сопротивление большевиков, они вынуждены были согласиться на компромисс. После споров и голосования фракция избрала президиум в таком составе: меньшевик Чхеидзе (бывший председатель социал-демократической фракции в III думе) — председатель президиума, большевик Малиновский — товарищ председателя, большевик Петровский — член президиума, меньшевик Скобелев — секретарь и меньшевик Туляков — казначей фракции.

До открытия IV Государственной думы предстояла еще такая важная работа, как подготовка декларации социал-демократической фракции, которую затем нужно было огласить с трибуны этого царского парламента.

При составлении общей декларации и без того натянутые отношения между большевиками и меньшевиками обострились до крайности. Спор шел за каждую формулировку, за каждое слово. В конце концов с помощью уступок с той и с другой стороны был составлен текст фракционной декларации.

В этой работе, как и вообще во всей последующей деятельности, депутатам-большевикам оказывали помощь так называемые сведущие лица, высокообразованные и политически опытные товарищи, часть которых состояла в руководящих органах партии. Такие сведущие лица были не только у социал-демократической фракции. Но для не искушенных в иезуитских тонкостях парламентской борьбы новичков в думе — Петровского, Муранова, Самойлова, Бадаева, Шагова — помощь сведущих лиц была, особенно на первых порах, очень ценна — настолько неожиданна и коварна бывали подчас на заседаниях думы выпады политических противников.

Многому научились большевистские депутаты у таких товарищей из числа сведущих лиц, как Ольминский, Правдин, Подвойский, Бонч-Бруевич, Квиринг, Скрыпник. Они помогали депутатам подбирать и обрабатывать нужные для выступлений материалы, составлять запросы в правительство, поправки к законопроектам и речи самих депутатов-большевиков.

Особенно тесную связь поддерживали Петровский и его товарищи с Яковом Михайловичем Свердловым, когда он опять появился в Петербурге после удачного побега из нарымской ссылки.

В конце декабря 1912 года, уже после открытия IV думы, от ЦК партии, от Ленина поступила директива, в которой на Свердлова, как на члена ЦК, возлагалось руководство газетой «Правда» и поручалась организация помощи большевикам-депутатам. Яков Михайлович обычно собирал их либо на квартире Самойлова, где временно жил тайком от полиции, либо на квартире Петровского.

На квартире Петровского не раз устраивались совещания работников «Правды» и «пекистов» (так называли большевики членов Петербургского комитета партии). На одном таком совещании Григорий Иванович и познакомился с Михаилом Ивановичем Калининым, с которым позднее крепко сдружился.

III. Первая сессия думы

Пятнадцатого ноября 1912 года в Таврическом дворце состоялось первое заседание IV Государственной думы. Открытие ее было обставлено пышно и торжественно. Все столичные газеты преподносили это событие как великий акт демократизации Российского государства. Опровергала эту точку зрения своими статьями лишь одна большевистская газета «Правда».

Черносотенцы, кадеты, все либеральные партии встретили открытие думы ликованием. Однако восторги эти сразу были омрачены неожиданным событием. В тот же день, 15 ноября, питерские рабочие объявили на многих заводах забастовку. Бастующие протестовали против третьей июньского режима, требовали прекратить произвол и расправы с политическими заключенными в каторжных тюрьмах и одновременно выражали поддержку своим рабочим депутатам.

Так питерский пролетариат вполне определенно и наглядно высказал свои симпатии и антипатии, свою политическую платформу. И, конечно, это не порадовало никого из правительственных чиновников и думских депутатов, за исключением большевиков. Хотя ни социал-демократическая фракция, ни газета «Правда», ни большевистский Петербургский комитет не были инициаторами и организаторами этих демонстраций и забастовок — они возникли стихийно, — большевики, конечно, не могли отрицательно отнестись к выступлению рабочих масс. Оно вызвало у питерских большевиков сочувствие и поддержку.

Меньшевистская же часть социал-демократической фракций и меньшевистская газета «Луч» сразу повели яростную кампанию против забастовок, и демонстраций рабочих. Меньшевики-депутаты, самовольно без согласования с большевистскими депутатами опубликовали в газетах от имени всей социал-демократической фракции заявление, в котором говорилось, что прокламация с призывом к забастовке и демонстрациям не имеет никакого отношения ни к одной из авторитетных петербургских социал-демократических групп. А в газете «Луч» была помещена статья, в которой намекалось на то, что забастовки произошли не без участия большевиков, но что меньшевики не несут никакой ответственности за беспорядки в столице.

Кампания, которую вели меньшевики против забастовок, все-таки сказала на активности рабочих отрицательно: их ряды были дезорганизованы, боевой запал ослаб, и движение пошло на убыль.

Так меньшевики свершили еще одно предательское дело по отношению к пролетариату. Но стачки питерцев, в которых, по сведениям охранного отделения, участвовало около тридцати тысяч рабочих, сыграли свою роль. Громовой голос пролетариев, их мнение были услышаны и в зале думского собрания и в царских чертогах.

Несколько слов нужно сказать о социальном составе IV Государственной думы.

Всего в думу было избрано 442 депутата от различных партий и групп. Из них крайне правые, умеренно правые и националисты насчитывали 185 человек. Октябристы, прогрессисты и кадеты имели 205 мандатов. Партии трудовиков и социал-демократов получили соответственно 10 и 14 мест в думе. Беспартийные — 7. Национальные группы (поляки, белорусы, мусульмане) — 21. Из этого сопоставления видно, что IV дума была по своей социальной структуре буржуазно-помещичьим парламентом, права которого к тому же ограничивались самодержавной императорской властью.

Открытие думы сопровождалось торжественной церемонией. В зале Таврического дворца присутствовали особы царской фамилии, высокопоставленные сановники, министры, князья, графы и генералы. После церковного молебна за здоровье императора был прочтен указ об открытии IV Государственной думы.

Затем состоялись выборы председателя думы. Фракция конституционных демократов (кадеты), официально именовавшая себя «оппозицией его величества», предложила кандидатуру октябриста Родзянко, камергера царского двора и крупного помещика Екатеринославской губернии. Родзянко был председателем III думы и отлично зарекомендовал себя как ревностный слуга самодержавия и даровитый душитель всякого честного и правдивого слова с думской трибуны. Кандидатура прошла легко, поддержанная огромным большинством правых депутатов.

В выборах председателя и президиума думы социал-демократы не принимали участия, хотя кадеты и пытались втянуть их в эту комедию. Свое отношение к выборам президиума думы социал-демократическая фракция изложила в специальном заявлении, которое она намеревалась огласить с трибуны сразу после чтения «высочайшего» указа. Но верноподданническая овация правых, последовавшая сразу за этим чтением, не дала возможности фракции прочесть свое заявление. Это был первый урок, преподанный черносотенцами депутатам социал-демократам.

Так, собственно, и закончилось первое заседание думы.

Петровский и другие депутаты-большевики принялись знакомиться с биографиями своих политических противников, в особенности из лагеря «черной сотни» — наиболее реакционных думских фракций.

На думских креслах судьба свела Григория Ивановича Петровского с двумя «земляками». С одним — председателем думы Родзянко, откровенным реакционером, ярким врагом рабочего класса и крестьянства — он уже познакомился. Родзянко, как и Петровский, был депутатом от Екатеринославской губернии, где он владел большими имениями. Его удостоила избрания помещичья курия. Вторым «земляком» Петровского оказался один из главных атаманов черносотенной шайки погромщиков — Марков-второй. Он происходил из старого помещичьего рода. В прошлом веке, до отмены в России крепостного права, деды и прадеды Маркова владели тысячами крестьян в Курской губернии. Рабами этих помещиков-самодуров были дед и бабка Петровского. Про их страшную жизнь рассказывала Петровскому мать. И он крепко запомнил эти рассказы.

И вот случай, судьба свели их вместе — отпрыска бар-крепостников и внука бесправных крестьян-рабов. Теперь они оба депутаты, сидят в мягких дворцовых креслах в государственном собрании, но между ними, как и прежде, огромная пропасть классово-непримиримости. И борьба — борьба не на жизнь, а на смерть, уходящая истоками в глубь русской истории.

Григорий Иванович, случалось, не раз с усмешкой думал о том, как потрясен был бы этот холеный помещик, если б знал, что вместе с ним в одном зале сидит внук крепостных крестьян его дедов.

Меж тем заседания думы шли своим чередом. На обсуждение одного из первых заседаний была вынесена декларация правительства. К этому обсуждению заранее готовились все думские фракции, не исключая и фракцию РСДРП.

Правительственную декларацию прочел 5 декабря в думе председатель совета министров — Коковцев. Суть декларации сводилась к похвалам бывшей III Государственной думе, которая за пять лет своей работы обсудила и одобрила две с половиной тысячи различных законопроектов. Это ставилось нынешним депутатам в пример. В конце правительственного обращения выражалась надежда на то, что и депутаты IV думы будут обсуждать предлагаемые правительством законопроекты «без партийных предубеждений, в согласном стремлении всех работать на пользу всем нам одинаково дорогого отечества».

Если расшифровать правительственную декларацию, перевести на

язык политики и классовых отношений, то смысл ее можно выразить кратко: спорьте, ругайтесь, деритесь из-за своих партийных идей сколько хотите, но не мешайте делать политику правительству его величества. Так именно и поняли декларацию депутаты-большевики.

Прения начались 7 декабря и растянулись на несколько думских заседаний. На одном из них социал-демократическая фракция огласила свою ответную декларацию, в которой, несмотря на острые разногласия между большевиками и меньшевиками, были почти полностью отражены главные требования рабочего класса. Эту декларацию напечатала «Правда», и таким образом она сразу же стала известна широким массам. Декларация, несомненно, оказала влияние на повышение революционного настроения, на усиление боевого духа рабочего класса.

Депутаты-большевики старались использовать любую возможность для критики с думской трибуны политики правительства, антинародных порядков и законов в стране, для защиты прав и интересов жестоко эксплуатируемого трудового народа.

Каждая фракция в думе имела право делать запросы правительству по тому или иному вопросу и защищать свою точку зрения с трибуны. Причем наиболее важные, неотложные запросы фракции могли включать в категорию «спешных» и настаивать на их быстрейшем рассмотрении. Вот такие спешные запросы и выступления в их защиту были сильным оружием в руках депутатов различных фракций.

Свои запросы правительству социал-демократическая фракция составляла на основании тщательно изученных фактов и материалов. В подготовке запросов принимали участие и сведущие лица. Затем текст обсуждался всей фракцией, часто вместе с руководящими работниками партии. В этом деле непосредственно помогал большевистским депутатам и Ленин. Хотя Владимир Ильич находился за пределами России, он очень внимательно следил за деятельностью социал-демократов в думе, подбирал и посылал полезные для них вырезки из газет, брошюры, письма с советами и указаниями. А когда позднее депутаты приезжали к нему за границу, Ленин находил время, чтобы просмотреть и собственноручно отредактировать заготовленные для выступления речи депутатов. Владимир Ильич не раз помогал писать думские речи и Григорию Ивановичу Петровскому.

Внести запрос в думу было непросто для рабочих депутатов. Помимо того, что запрос нужно было обосновать и оснастить всеми юридическими формальностями и ссылками на статьи законов, он принимался на рассмотрение думы только тогда, когда под ним стояло не менее тридцати

трех депутатских подписей. Но социал-демократическая фракция насчитывала лишь четырнадцать человек. Где было взять недостающее число мандатов? Приходилось агитировать и убеждать депутатов из других фракций. Обычно нужное количество подписей удавалось собрать с помощью трудовиков и даже кадетов.

Но этим дело не решалось. Черносотенно-буржуазная дума многие запросы социал-демократов не признавала спешными, часто они передавались в специальную думскую комиссию, где запросы мариновались долгое время, а то и вовсе оставались без разбора. Поэтому каждый свой запрос рабочим депутатам приходилось защищать с трибуны, настаивать на его спешном рассмотрении. Речи депутатов печатались в «Правде» и становились предметом жарких обсуждений на заводах и фабриках. Рабочие поддерживали своих депутатов на летучих митингах и собраниях вплоть до забастовок. Так случилось после внесения социал-демократической фракцией запроса о незаконном закрытии профсоюза металлистов в Петербурге. Так было и после запроса о страховании рабочих от несчастных случаев.

Один из первых спешных запросов, внесенных на первой сессии думы социал-демократической фракцией, касался страхования рабочих от несчастных случаев на предприятиях.

23 июня 1912 года правительство издало закон о страховании рабочих, учреждении специальных страховых присутствий и страховых советов. На деле же этот закон не только не улучшил, а даже ухудшил положение со страхованием рабочих. Но даже и этого «благоденствия» царского правительства пролетариат во многих губерниях, по существу, лишился из-за произвола местных властей и фабрикантов.

Долгом социал-демократических депутатов было заявить обо всех безобразиях в страховом деле во всеуслышание с трибуны Государственной думы. Фракция подала в президиум спешный запрос. Выступить в защиту спешности было поручено Григорию Ивановичу Петровскому.

Это была первая речь Петровского в думе. Он ни разу еще не поднимался на эту трибуну, ни разу не стоял с глазу на глаз с огромным залом, заполненным чужими, враждебными людьми. Это было совсем не то, что выступить перед своим братом рабочим где-нибудь на митинге или в политкружке. Там, куда ни повернешься, куда ни глянешь, простые, открытые, с детства понятные лица людей труда, чуткая тишина, ободряющий свет родных глаз, бурные хлопки и крики единомышленников. Здесь, в бюрократической думе, все иное, незнакомое. И яркий свет дорогих люстр, и глубокая, как пропасть, немота президиума за спиной, и

нежданно-резкий звонок председательского колокольчика, обрывающего речь на полуфразе. А впереди, перед глазами, шевелящиеся ряды кресел — белые пятна манишек на черных костюмах, густые шевелюры, лысые черепа, блеск линз, пенсне и орденовских лент; глухое, невнятное бормотанье зала; а когда хлестнешь по нему резкой, напряженной, как тетива, фразой — взрывы ярости, грохот топающих ног, темные провалы разинутых в бешенстве, орущих ртов.

Таким предстала перед Петровским дума, когда он столкнулся с ней на трибуне лицом к лицу.

Ему стоило больших усилий унять волнение, подавить гнев и принять спокойную позу. Главным было не поддаваться на провокационные выкрики с мест, прислушиваться к коварному звонку председателя, чтобы не зарваться и не быть лишенным слова за какую-нибудь промашку. Потом уже Григорий Иванович по привычке и чувствовал себя на думской трибуне уверенно. Но для этого ему пришлось пройти школу ораторской тактики на собственном опыте.

Он был еще совсем «зеленым» парламентарием, когда звякнул колокольчик и председатель Родзянко небрежно бросил в притихший зал:

— Слово по защите спешности запроса о страховании рабочих имеет депутат социал-демократической фракции Петровский.

Председатель думы грузно сел в свое кресло с высоченной спинкой и положил пухлую ладонь на серебряный колокольчик.

Петровский нервно поднялся и, в волнении скручивая в трубочку и вновь раскручивая листки с текстом речи, торопливо направился между рядами к трибуне. На него косились и перешептывались справа и слева, но он никого не видел и ничего не слышал. Он видел только ступеньки, ведущие на высокую трибуну.

Когда он взошел на трибуну, зал загудел, закашлял, задвигался. За спиной Петровского снова звякнул колокольчик, и голос Родзянко произнес:

— Можете начинать, господин Петровский.

Григорию Ивановичу послышалась в голосе председателя нотка сочувствия и ободрения; он оглянулся на президиум и близко увидел полное гладкое лицо Родзянко, которое ничего, кроме холодного беспристрастия, не выражало. Во взгляде были значительность и строгость. И Петровский понял, что вся председательская объективность — с таким же лицом Родзянко давал слово и буржуазным депутатам, — все это игра, маска. А на самом деле, будь его воля, сановитый помещик, ни минуты не думая, выгнал бы взащей из этого зала всех рабочих депутатов, в том числе и его, Петровского.

Эта мысль как-то сразу привела его в равновесие, вернула спокойствие. Григорий Иванович положил листки перед собой на трибуну и оглядел зал. Петровский повернул голову направо и отыскивал глазами ряды, отведенные для социал-демократической фракции. Оттуда ему улыбались лица товарищей. И тотчас же из этих рядов раздались негустые аплодисменты. Правая часть зала (от Петровского — по левую руку) отозвалась недовольным ворчанием. Звякнул несколько раз серебряный колокольчик.

— Прошу не мешать, господа депутаты, — громко произнес председатель.

Петровский быстро огладил горсткой пальцев усы и окладистую бородку и опустил глаза к листкам.

— Господа члены Государственной думы, — сказал Григорий Иванович и удивился, не узнав своего голоса, — я взялся ответить господину министру на тот абзац, где он коснулся благоденствия русского пролетариата, но попутно с этим мне приходится остановиться на некоторых взглядах представителей различных политических групп и думских фракций, которые здесь выступали...

Мне кажется, — продолжал Петровский, — что все партии, все группы, за исключением только социал-демократов, все ищут расположения правительства. Одни говорят: «Идите за нами, потому что мы утверждаем самодержавие и отрицаем манифест^[1], ибо он был издан впопыхах, вероятно». Другие говорят: «Создайте благожелательное отношение к этому манифесту, и мы пойдем за вами». И только одна социал-демократическая фракция говорит, что за эти свободы, за этот манифест, о котором даже партия народной свободы думает, что если он будет выполнен, то она пойдет за ним, так много было положено жертв, так много пролито крови, что, кажется, уже это должно было бы заставить осуществить свободы, вырванные в 1905 году той народной волной, которой вы здесь посажены!

С мест социал-демократической фракции раздались гулкие хлопки, а большая часть зала задвигалась, заворчала, и Родзянко пришлось воспользоваться своей властью усмирителя.

Выждав, пока шум затихнет, Петровский продолжал речь:

— Господа, вы знаете тот полицейский произвол, который сейчас существует в России, те телесные наказания, которые в достаточной степени получают сейчас наши товарищи в тюрьмах Сибири; кажется, этого было бы достаточно. Но, оказывается, и этих жертв мало!

Из центра зала раздался крик: «Опять читаете прокламацию!»

Петровский вздрогнул, поднял глаза, помолчал и решил ни в коем случае не поддаваться на провокации.

— И вот я перехожу к той части своей речи, — тихо и твердо сказал он, — где хочу указать, что, стоя на этой трибуне, мои товарищи старались выяснить лицемерное поведение правительства, которое кое-что кое-когда обещало, но никогда не исполняло. Правительство, во всяком случае, намерено теперь улучшить положение рабочих посредством страховых законов, которые оно в настоящее время вводит, но вводит именно таким порядком, который возмущает даже самих рабочих. От проведения этих страховых законов положение рабочих не улучшается; они даже в значительной степени ухудшают то положение, которое было до сих пор. Эти законы захватывают всего лишь одну седьмую часть русского пролетариата, вытягивая из его кармана около одиннадцати миллионов рублей для капиталистов. В то же время этот закон устанавливает плату пособия увечным за тринадцать недель.

Петровский оторвался от чтения речи, передохнул и мельком взглянул в зал. Зал настороженно слушал; только изредка разносилось негромкое кашлянье. Он все-таки сумел заставить их слушать себя. Никто еще не выступал в нынешней думе с подобными антиправительственными заявлениями. И хотя правые были возмущены, но они сдерживались: им важно было знать, с кем они имеют дело, какова точка зрения рабочих. И они внимательно слушали все, что говорил их враг с трибуны.

Петровский понимал, почему тихо в зале, но именно этого он только и желал — главное, чтоб его не прервали, не заглушили криком, не лишили слова властью председателя. Он спешил высказаться.

— Раньше мы, рабочие всей России, пользовались кое-какой медицинской помощью, которая возлагалась на капиталистов; теперь же и та помощь отнимается, ибо она должна организовываться за счет рабочих. Этот закон ухудшает в значительной степени положение железнодорожников: он в большей мере понижает расчет за увечья в случае утраты рабочими трудоспособности, и за эти увечья оплачивают из того пенсионного фонда, в котором участвуют железнодорожные рабочие и служащие. И если этот закон будет применяться так, как применяют его тут, в Петербурге, то есть без выборов, а по назначению в совете присутствия по страхованию, то от этого еще хуже нам будет. Ведь организованные и сплоченные фабриканты различных предприятий возьмут в свои руки все, и мы очутимся в еще худшем положении, чем до этого были, ибо фабриканты все больше и больше хотят достигнуть того, чтобы не платить за увечья, которые мы получаем на фабриках, заводах и шахтах.

Дальше, господа, хвастаясь этими страховыми законами, господин министр совершенно забыл, — быть может, ему теперь некогда было, — сказать о том обещании, которое давалось здесь в 1905 году, — о страховании по инвалидности и старости, а тем более это было бы необходимо, что повышающаяся интенсивность эксплуатации труда рабочих при отсталом нашем техническом способе производства приводит к увеличению числа случаев увечья. А между тем прием на завод ограничен сорокапятилетним возрастом. Созданное тяжелое положение усугубляется еще тем, что вследствие обезземеления крестьянства рабочий-инвалид не в состоянии найти себе в деревне угла, и поэтому он обрекается на нищенство.

Забыло правительство о страховании по безработице...

Более того, правительство не только об этом забыло — оно не дает возможности профессиональным организациям обсуждать дело помощи своим безработным рабочим. Например, Петербургскому профессиональному обществу кожевенного производства градоначальник воспретил обсуждать вопросы помощи его безработным членам. Мало того, Петербургское присутствие по обществам и союзам внесло в уставы профессиональных обществ пункт о том, что раз безработным оказался член общества, то он уже тем самым не должен состоять и членом этого общества и пользоваться его пособием...

В рядах правых депутатов послышался смех. Петровский вскинул глаза и с бешенством взглянул в ту сторону.

— Вы, господа, напрасно смеетесь, — медленно отчеканил он. — Вы смеетесь потому, что моя речь не такая эластичная, она не разовьет у вас хорошего пищеварения. Но когда меня посылала Екатеринославская губерния и я говорил пославшим меня, что я, может быть, не сумею выразить в думе их горе, их несчастье по тому положению или по тому поведению, которым вы всегда характеризовались, — известно стране, что вы всегда хотите забить, можете засмеять неудачно выраженное, поддеть на слове, остановить, — то мне сказали рабочие: «Иди и говори, чем мы страдаем, иди и говори вместе со всеми нашими товарищами и не стесняйся». Я не буду стесняться, буду говорить, хотя бы вы, господа, и смеялись. Для вас это смех, а для нас от вашего смеха горе, и полное рабство страны именно от вашего смеха!

Григорий Иванович увидел, как кто-то, Самойлов или Бадаев, вскочил в рядах их фракции и стоя захлопал в ладоши. Его поддержали все социал-демократы и кто-то еще из левых депутатов, и минуты две в зале шумели аплодисменты, и говорить было нельзя. Товарищи вовремя ободрили его,

призвали к спокойствию. Он это понял.

— Правительство также забыло, — продолжал Петровский, — о сельскохозяйственных рабочих, еще более бесправных, чем мы, промышленные рабочие. Там стачки совершенно запрещаются, а между тем эти рабочие находятся в еще большей кабале у помещиков, от разрушительной земельной политики там делается то, что делается везде. Закон страхования сельскохозяйственных рабочих необходим уже потому, что эта группа населения — многомиллионная, что вследствие введения большого числа сельскохозяйственных машин число случаев увечья растет там с каждым годом...

Я не знаю, как крестьяне, сидящие здесь, отнесутся к этому акту, но пусть вместо тех розог, которые у вас здесь защищаются, с этими вашими речами поедут туда, к себе. Что ж им будут говорить крестьяне? Чего они сидят тут и что защищают?

И опять не выдержали такого удара правые. Их ряды загудели. Самые рьяные повскакали с мест, закричали, размахивая кулаками.

Звякнул колокольчик Родзянко.

— Господа, прошу не прерывать оратора.

Но зал не унимался, а председатель больше, видимо, не желал вмешиваться.

Напрягая голос, Петровский говорил и говорил, пренебрегая возгласами возмущения. Враги, сами того не ведая, помогли ему преодолеть робость, с которой он взошел на эту трибуну. Он явился сюда для борьбы, и он будет бороться, как положено честному революционеру.

Он говорил о тяжелом труде наемной прислуги — о няньках и горничных, работающих в услужении у богатых чиновников, о беспросветной доле этих несчастных женщин, над которыми издеваются всяк и все, которых разлагают и втягивают в проституцию их же хозяева.

И опять издевательски хохотали эти лысые черепа, сверкающие ордена и монокли, эти гладкие сытые рожи. Но Петровского уже больше не смущал, не сбивал с мысли их смех. Только жаркая ненависть билась в сердце частыми толчками крови.

— Надо напомнить господину министру об обещании сократить рабочий день для взрослых рабочих и малолетних. Но теперь этим некогда заниматься, ведь теперь подъем промышленности и такая реформа может создать только ущерб для того барыша, который в настоящее время обильно течет в карманы предпринимателей. Здесь также сказывается лицемерие правительства, у которого всегда расходятся слово и дело. Теперь уже не хотят сокращать рабочего дня, а хотят только сократить

рабочий день для женщин и малолетних; мы же требовали воспрещения работ для малолетних, то есть до шестнадцати лет, и шестичасового рабочего дня — от шестнадцати до восемнадцати лет. Затем мы требовали четырехнедельного отпуска, запрещения работ для женщин за четыре недели до родов и на восемь недель после родов, с сохранением заработной платы. И об этом правительство забыло.

Петровский перечислял новые и новые факты произвола и чудовищной эксплуатации рабочих. Он говорил о тяжелейших условиях труда, об отсутствии минимальных санитарных условий и мерах безопасности в горнорудной и текстильной промышленности, из-за чего рабочие заболевают чахоткой и бегут с шахт и фабрик.

— Правительство душит всякое жизненное проявление как экономической, так и политической деятельности рабочего класса, — говорил Петровский. — Оно хочет затравить, загнать нас в подполье. Но это ему не удастся, так как без борьбы наше положение было бы еще гораздо хуже и все русское общество было бы далеко не в таких условиях культурной и общественной жизни, в которых теперь оно находится. Мы обвиняем правительство в том, что оно никогда не было беспристрастным, а всегда имело две мерки: одну из них для предпринимателей, которым все разрешалось, а другую — для рабочих, которым не разрешалось ничего...

Из зала послышался визгливый крик:

— Лжете! Обычная социал-демократическая пропаганда! Назовите примеры!

Петровский нахмурился, отложил в сторону очередной листок с текстом речи.

— Я укажу и примеры, — негромко сказал он. — Господа, я не буду множить их, но скажу, что в Екатеринославе шестьдесят человек каталей были арестованы только за то, что они подали требование о повышении заработной платы. В Петербурге ни одна стачка, какая бы мирная она ни была, не проходила без арестов. Например, в сентябре месяце стачка булочников привела к тому, что было арестовано свыше ста двадцати человек; стачка почтовых рабочих на Гутуевском острове вызвала арест шестнадцати человек, и, наконец, стачка на колбасной фабрике Бычкова — даже кадета Бычкова! — вызвала арест тридцати пяти человек, и каждый из них был осужден на один месяц.

Голос Петровского налился силой и гневом.

— Помните, господа, про Ленские события, про Ленские расстрелы, про то, что и там рабочие шли с трубкой в руках — подать прошение об улучшении быта рабочих. Вам известно всем циничное заявление

господина министра внутренних дел... Это отодвигает нас как будто в глубь веков, когда существовали сатрапы и фараоны; одни заставляли ловить диких зверей, другие — строить для себя пирамиды, не жалея своих рабов. Да, это каннибальство, это рабство, правда в иной форме, но у нас есть.

По отношению к еврейскому пролетариату правительство имеет еще иную мерку насилия. Если он бастует, то ему предлагают бросить бастовать или же высылают в черту оседлости...

Правительство обрушивается на рабочие организации, закрывает их по малейшему поводу и без повода... Администрация ставит всякие препятствия собраниям рабочих, разрешает одно из десяти, и дозволенным часто не разрешает собираться. Преследуя рабочие организации, правительство стремится запугать рабочие массы арестами и ссылками их руководителей. Сотни и тысячи членов правлений и различных рабочих организаций поплатились тюрьмой или ссылкой за свою самоотверженную работу по сплочению товарищей. Но на место выхваченных рабочих класс выдвигает новых товарищей, новых борцов за рабочее дело!

Правая часть зала опять смутно гудела, переговаривалась, пересмеивалась. Это была уже явная демонстрация протеста, пренебрежения, нежелание слушать. Но Петровский не обращал внимания на шум, он твердо решил закончить свою речь, чего бы это ни стоило ему.

— Господа члены Государственной думы! — Он повысил голос, и гул немного поутих. — Господин министр заявил, что смута кончилась. Если господин министр понимает под смутой только всякое общественное движение, то он глубоко ошибается. Рабочий класс еще будет бороться за лучшую долю и никогда не бросит стремиться к тому, что он провозгласил своей целью. Рабочий класс будет бороться за сносное существование человека, он будет бороться за то, чтобы не всю жизнь ему проводить на фабриках и заводах, он будет бороться за возможность участвовать в различных общественных делах.

Петровский передохнул и, усмехнувшись в усы, почти весело, с вызовом оглядел шевелящийся, пестрый, подспудно бунтующий зал.

— Господа члены Государственной думы, я еще вот что хотел отметить, — невозмутимо произнес он. — Вам, конечно, известно, что на знаменах всех правительств могущество их олицетворяется каким-нибудь сильным зверем. У одних — лев, у других — слон, у третьих — какой-нибудь крокодил, а у нашего правительства — хищный орел. Только у нас, рабочего класса, пролетариата, нет тех устрашающих знаков, под сень которых зовут все правительства к себе жить. Однако вид нашего красного

знамени приводит вас в какой-то трепет, а на нем всего только написано: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» — для дружной борьбы и за осуществление на земле того братства, равенства и социализма, которые несут избавление нам и всему человечеству от того рабства, которое так сильно господствует над нами! И вот русский пролетариат, а вместе с ним и часть его — екатеринославский пролетариат, также сказал, что он будет присоединяться к международному потоку пролетарского движения, борясь под сенью этого красного знамени за лучшую жизнь, за лучшую долю рабочего класса!

Последние слова Петровского слились с шумом и аплодисментами. Социал-демократы стоя изо всех сил хлопали, приветственно махали руками и улыбались Григорию Ивановичу, пока он, свернув трубочкой листки речи, сходил с трибуны и пробирался по гудящему проходу к рядам, где сидела его фракция.

Правые депутаты неистовствовали. Возвращаясь на свое место, Петровский слышал сквозь шум то справа, то слева в рядах злобное шипение, выкрики: «Это возмутительно! Распоясались, товарищи пролетарии!», «Мало вас стреляли и вешали, мало!»

Петровский шел, сжав кулаки, и с веселым бешенством поглядывал на оружие лица своих врагов.

Он дошел до мест фракции, и товарищи встретили его объятиями. Они жали ему руки, смеялись и шутливо подтрунивали, поздравляя с «боевым крещением». Петровский был смущен, растроган и одновременно горд, что справился с поручением, не ударил лицом в грязь.

Конечно, как и следовало ожидать, реакционное большинство думы не признало нужды в спешном рассмотрении запроса социал-демократической фракции по страховому закону; оно отклонило обсуждение этого запроса и передало его в думскую комиссию по запросам, где впоследствии он был совсем похоронен. Так царская IV дума первый раз отомстила рабочим депутатам за дерзкую критику правительственного закона.

В конце заседания председатель Родзянко объявил, что завтра, 15 декабря, заканчивается первая сессия думы и депутаты отпускаются на так называемые рождественские каникулы.

Из Таврического дворца социал-демократы вышли тесной группой и двинулись по морозным петербургским улицам. Было уже темно, в студеном тумане тускло горели газовые фонари, прохожие встречались редко; сырой холод загнал людей в дома. Изредка проносились мимо извозчицы сани, взбивая снежную пыль, или прокатывали, сверкая лаком,

кареты столичных вельмож.

А рабочие депутаты шли и обсуждали нынешнее думское собрание, речь Петровского и выступления правых ораторов. Большинство членов фракции сходилось на том, что речь Петровского получит огромный общественный и политический резонанс, что назавтра о ней будут трубить на разные лады газеты всех направлений. «Правда» напечатает ее целиком, и рабочие России отзовутся с одобрением о своих депутатах.

Меньшевики, правда, высказывали опасения, как бы речь Петровского не повредила работе фракции, не повлекла новых арестов партийных товарищей. Большевики же подтрунивали над своими коллегами, напоминая, что «волков бояться — в лес не ходить».

Последствия нашумевшей речи Петровского сказались довольно скоро. Рабочие Петербурга откликнулись на нее по-своему. Они устроили внушительную забастовку, в которой участвовало около шестидесяти тысяч человек. Она длилась несколько дней. Хозяева заводов в ответ объявили локаут. Но рабочие не дрогнули. В Петербурге, а затем в Москве и других городах по инициативе газеты «Правда» и большевиков думской фракции был организован массовый сбор средств для семей бастующих. Эти деньги помогли рабочим продержаться и завершить стачку победой — хозяева удовлетворили их требования.

Петербургская стачка подтвердила, что между рабочими и их депутатами в думе существует крепкий, надежный союз.

Первая сессия IV Государственной думы, открывшаяся 15 ноября 1912 года, закончилась 15 декабря. Дума была распущена на рождественские каникулы.

IV. Краковское совещание. Встреча с Лениным

Петровскому и его товарищам сообщили, что ЦК партии решил провести в январе в польском городе Кракове широкое совещание членов ЦК совместно с депутатами-большевиками IV думы; совещание будет проводить Владимир Ильич Ленин, живший в ту пору в Кракове.

Петровский был обрадован этим приглашением. Он с нетерпением ждал дня отъезда. Наконец-то он сможет увидеть Ленина. Григорий Иванович знал, что Ленин постоянно следит за работой думы, за выступлениями социал-демократических депутатов. Петровскому, конечно, очень хотелось узнать мнение Ленина о их деятельности, побеседовать по разным неясным для себя вопросам.

С момента открытия думы Владимир Ильич не упускал ни одной возможности, чтобы получить из Петербурга известия о деятельности фракции РСДРП, о нарастающей борьбе внутри нее и о позиции, которую занимают депутаты-большевики по тем или иным обсуждаемым вопросам. Ленин интересовался многим: участвуют ли большевистские депутаты в работе «Правды», пишут ли для газеты, что они читают, просматривают ли буржуазные газеты, каковы их взаимоотношения с меньшевистскими депутатами. Ленин присылал во фракцию письма с разными советами и пожеланиями и статьи для «Правды». Это была весьма ощутимая помощь рабочим депутатам.

Ленину не хватало сведений, почерпнутых из русских газет. Всякого приезжавшего к нему в Краков товарища из Петербурга Ленин просил рассказать, что нового во фракции, как держатся большевики. О каждом рабочем депутате он старался узнать как можно больше, чтобы живо представить себе его, познакомиться покуда хотя бы заочно.

О том, какое важное значение придавал Владимир Ильич прошедшей избирательной кампании, выяснению личности каждого депутата от рабочих курий, вообще всей думской деятельности, можно судить по такой детали. Владимир Ильич составил и прислал рабочим депутатам анкету с просьбой ответить на целый ряд интересующих его вопросов. Кроме вопросов, касающихся личности самого депутата, предлагалось ответить на такие вопросы: как устраивались в период выборов нелегальные собрания, чье влияние на рабочих было более сильным — меньшевиков или большевиков, какими способами распространялись газеты и листовки, кто и как составлял кандидатские списки уполномоченных от рабочих, которые

затем выдвигали выборщиков и т. д. и т. п. Но этой информации Ленину казалось недостаточно; он просил, чтобы депутаты не только ответили на поставленные вопросы, а чтобы каждый подробно описал, как проходили сами выборы в их губерниях. В этом же письме Владимир Ильич предусмотрительно приписал такой совет депутатам-большевикам: «Только пусть не ставят официально во фракции. Пойдет только волокита и склока. Пусть сделают сами и поскорее».

Хотя партийная информация и письменная связь Ленина с депутатами-большевиками были налажены неплохо, но обстоятельства показывали, что одной такой связи недостаточно. Накопились важные и неотложные вопросы, которые требовали детального обсуждения и решений ЦК как по работе депутатов в самой думе, так и за ее стенами, среди рабочих. Никакие сношения с ЦК и Лениным через связных и даже с помощью шифрованной переписки не могли заменить Ленину живого общения с депутатами, совместного обсуждения всех насущных вопросов. Это было необходимо особенно еще и потому, что для Ленина и других членов ЦК мнения и опыт таких крупных партийцев-рабочих из самой пролетарской гущи, как Петровский, Муранов, Бадаев, Самойлов, Шагов, были очень ценны для выработки политически правильных решений.

Депутаты-большевики не смогли выехать в Краков сразу же после отпуска думы на каникулы. Их задержали дела в Петербурге, забастовка, локаут предпринимателей, затем организация помощи семьям рабочих. Как только напряжение борьбы ослабло, трое из большевистской шестерки — Петровский, Бадаев и Шагов — отправились на встречу с Владимиром Ильичем, которую ожидали с большим нетерпением.

Совещание в Кракове проходило с 26 декабря 1912 года по 1 января 1913 года (8—14 января 1913 года по новому календарю). Депутатов с дружеской сердечностью встретили Владимир Ильич и Надежда Константиновна. Они пригласили гостей к себе на квартиру, потчевали чаем и долго расспрашивали о революционных делах в России. Депутаты с интересом осматривали комнату Ленина. Мебель в ней была простая — стол, стулья, книжный шкаф; на стенах приколоты газеты самых различных политических направлений, и в них карандашом отчеркнуты статьи и абзацы, которые заинтересовали Ленина. На подоконниках, на письменном столе — журналы, книги и рукописи с бумажными закладками между страниц.

Григорий Иванович Петровский много лет спустя с любовью и нежностью писал об этой своей первой встрече и личном знакомстве с Лениным.

«Мы, рабочие депутаты, — вспоминал Петровский, — были поражены скромностью и простотой Владимира Ильича, на квартире которого работало совещание и где мы обедали (готовила Н. К. Крупская, помогали ей женщины — участницы совещания). Изумило нас и то, как хорошо знал В. И. Ленин, хотя он долго находился в эмиграции, настроения рабочих России, как внимательно вникал во все вопросы, имеющие отношение к рабочему движению, как глубоко он обобщал отдельные явления, приучая к этому и нас, революционеров-практиков...

...Совещание состоялось в узенькой комнате. Для работы был установлен восьмичасовой рабочий день. Председателем избрали Ленина. Совещание наметило дальнейшую линию борьбы за подъем рабочего движения, против ликвидаторов, определило задачи по собиранию всех сил вокруг ЦК партии и большевистской фракции IV Государственной думы. Ленин, делая доклад о политическом положении в России и о задачах нашей партии, подробно остановился на вопросах рабочего и крестьянского движения. Нас поразила глубокая осведомленность В. И. Ленина в Положении рабочего движения в разных районах России».

Свободные от заседаний часы Ленин проводил в беседах с рабочими депутатами.

«Ленин особенно интересовался, — рассказывал Петровский, — как я делаю доклады на подпольных собраниях, составляю ли я конспекты. Я подробно рассказывал ему о моих докладах. Ленин одобрил и построение и содержание этих докладов, сделал кое-какие замечания...

Как-то вечером после совещания мы, депутаты, зашли в кафе, сели за столик, заказали себе по кружке пива и по порции буженины. Какова же была наша радость, когда возле нашего столика появился Владимир Ильич. Он сел, заказал себе то самое, что и мы, и у нас начался простой, душевный разговор. Когда мы собрались идти, Ленин с горечью заметил — как жаль, что мы не можем у себя, в России, так же свободно собраться и поговорить, не боясь попасть в руки жандармов...

Имели мы, депутаты, и отдельные беседы с Н. К. Крупской. Они были посвящены организационным вопросам. В частности, Н. К. Крупская учила нас, как флегматичных товарищей заставить работать активнее, а горячих — спокойнее, организованнее».

Совещание приняло решение, в котором отмечалось, что Россия переживает канун революции, и выдвинуло как практическую задачу организацию стачек и уличных демонстраций. Отдельно обсуждался вопрос о деятельности социал-демократической фракции в думе и, в частности, работа депутатов-большевиков.

Получила поддержку и одобрение политическая позиция и работа большевиков внутри фракции и в самой думе: острая, принципиально правильная борьба с меньшевистскими депутатами, составление фракционной декларации в ответ на правительственную декларацию, первые спешные запросы и защита их с думской трибуны. Но были отмечены и ошибки — голосовали за прогрессистскую формулу по декларации правительства вместо того, чтобы предложить самостоятельно свою, социал-демократическую формулу. Не одобрило совещание и согласия большевиков-депутатов писать заметки и статьи по думским делам в меньшевистскую газету «Луч».

Владимир Ильич, выступив на одном из заседаний, особо отметил, что депутаты-большевики должны использовать думскую трибуну так, чтобы их слышал и понимал рабочий класс всей России, чтобы это помогало революционному движению. Преимущества легального положения, говорил Ленин, депутаты должны всемерно использовать для укрепления и создания новых нелегальных партийных организаций, помогать им, выступать в «Правде», не прерывать связи с рабочими, которые их послали в думу, чтобы те видели в лице своих депутатов организаторов и вожakov революционной борьбы.

Краковское совещание в своей резолюции дало в целом хорошую оценку работе депутатов-большевиков. А решения совещания по таким вопросам, как «Революционный подъем, стачки и задачи партии», «Об отношении к ликвидаторству и об единстве», «Строительство нелегальной организации», имели большое значение для всей партии и пролетариата в те годы.

Особая важность придавалась борьбе с группой ликвидаторов, засевшей в газете «Луч», которая вела агитацию и против стачек и против подпольных социал-демократических организаций.

Депутаты получили на совещании много полезных советов Ленина, заново осмыслили свою роль рабочих депутатов. В Кракове произошло еще одно незабываемое для Григория Ивановича событие: по предложению Ленина совещание кооптировало его в члены Центрального Комитета РСДРП. Это было признанием политической и революционной зрелости Петровского, выражением большого доверия ему — простому рабочему из Екатеринослава.

V. На каникулах

Из Кракова депутаты вернулись, полные новых мыслей и предстоящих забот. Думские каникулы еще продолжались, и у депутатов осталось время, чтобы съездить к избирателям в свои губернии, поговорить с рабочими, сделать доклады в местных нелегальных организациях о партийных задачах, поставленных на краковском совещании.

Большинство рабочих депутатов вскоре покинуло Петербург. Муранов поехал на Урал, Шагов и Самойлов отправились в свои губернии, Бадаев остался в Петербурге. А Петровский отбыл на родную Екатеринославщину и в Донбасс. Кроме того, за ним закрепили Киев, Харьков, Тулу и Московскую губернию. Он должен был объезжать все эти места и встречаться с партийцами и рабочими. Такое распределение внедумской работы депутатов было одобрено ЦК партии.

Помимо всех других партийных обязанностей, на депутатов-большевиков было возложено еще одно важное поручение — помогать газете «Правда». Петровский участвовал в работе самой редакции. Бадаев и Шагов помогали в хозяйственных и издательских делах газеты. Нередко депутатам, которые пользовались по закону «личной неприкосновенностью», приходилось защищать «Правду» от наскоков полиции и разных придирок царской цензуры. Имея широкие связи с рабочими почти по всей стране, члены социал-демократической фракции популяризировали газету в массах (особенно это было удобно во время каникулярных поездок), привлекали к сотрудничеству в «Правде» новых рабкоров.

Такая тесная связь и взаимная поддержка, существовавшая между депутатами-большевиками и работниками газеты, придавала партийной работе двойную силу. Ведь в ту пору только «Правда» и думская фракция имели право свободного голоса, остальные же партийные организации работали подпольно, скрытно.

Конечно, не следует думать, что рабочие депутаты действительно пользовались всеми благами «неприкосновенности». Нет, это было далеко не так. Правительство, вынужденное силой обстоятельств принять «либеральную» позу, только делало вид, что Оно уважает гражданские права членов думы и позволяет им беспрепятственно повсюду ходить, ездить, встречаться с рабочими, произносить «крамольные» речи и даже писать статьи в газеты. На деле же за пролетарскими депутатами неусыпно

следили верные царю глаза и уши. Стоило кому-либо из депутатов сказать слово, сделать шаг, как об этом уже становилось известно с протокольной точностью в департаменте полиции.

Поэтому Петровскому, Бадаеву, Шагову, Муранову и Самойлову приходилось быть осмотрительными, чтобы не дать повода полиции зацепиться за какую-либо их промашку, которая могла быть расценена как «незаконное действие», дающее основание для привлеченя депутата к суду. Но даже не сами эти «незаконные действия» были предметом особой заботы депутатов-большевиков, когда они пускались в дни думских каникул в поездки по губерниям. Главное было в том, чтобы постоянно сохранять осторожность при встречах с партийными товарищами, так как полиция с особенным рвением выслеживала именно такие подпольные свидания, и малейшая оплошность могла повлечь за собой не только арест одного товарища, но и быть причиной провала, разгрома целой партийной организации. Депутатам приходилось пускаться на всяческие уловки и хитрости, чтобы обмануть шпииков.

Как правило, это удавалось, поскольку все депутаты прошли отменную школу большевистской конспирации, сами создавали ее в своих губерниях еще в годы, предшествующие первой российской революции. Все они были людьми умудренными и в открытой, баррикадной, и в подпольной, тайной, борьбе с царскими жандармами.

Постоянная слежка, необходимость сбить, запутать полицейских агентов отнимали много времени и сил. Но это был единственный путь к рабочим, и Петровский пользовался им всегда, как и другие товарищи. Бывало, ему приходилось уезжать в очередную поездку не прямо из своей петербургской квартиры, а из какой-либо другой, и часто не с питерских вокзалов, а с какой-либо пригородной станции, до которой тоже надо было добираться окольной дорогой. Билет Петровский брал уже только здесь — до Москвы ли, до Екатеринослава ли, до Тулы или Киева.

Петровский и прежде был на видном месте у российской охраны. Но со времени избрания его депутатом слежка за ним усилилась, шпиики стали как бы его второй тенью.

5 ноября 1912 года (то есть сразу после окончания выборов в думу) жандармский чиновник города Екатеринослава докладывал:

«Рабочий элемент очень доволен избранием в члены IV Государственной думы рабочего завода «Провиданс» Григория Ивановича Петровского, который является убежденным, деятельным работником партии социал-демократов, и рабочие надеются, что он будет ярким защитником интересов рабочего класса...»

В донесении, датированном августом 1913 года, сообщалось:

«По избрании в члены Государственной думы Григорий Иванович Петровский поддерживал постоянные письменные сношения с членами социал-демократической группы как Екатеринослава, так и Екатеринославской губернии, снабжая литературою и газетами социал-демократического направления; пользуясь в сем году каникулярным временем, Петровский в июле месяце прибыл в Екатеринослав, где намерен был сделать несколько докладов, но, будучи вынужденным в скором времени выехать в Киев на съезд по кооперации, доклады сделать не успел, причем обещал по возвращении из Киева созвать совещание из местных рабочих в целях обсуждения текущего положения, а равно намерен был сделать доклад о желательности областной южнорусской социал-демократической конференции...»

В последующих донесениях писалось: «...Во время думских каникул Петровский неоднократно объезжал заводы Донецкого бассейна и Екатеринославской губернии с партийными целями, устраивал собрания из рабочих, делал им доклады о деятельности думской социал-демократической фракции. На этих же собраниях обсуждался вопрос о характере партийной работы среди рабочих элементов, о необходимости восстановления подполья, а также об успехах конспиративного сношения рабочих с Петровским по городу Санкт-Петербургу. За последнее время Петровский ведет оживленную переписку с рабочими по вопросам страхования и по поводу распространения среди рабочих легальной с.-д. газетной прессы, издающейся в Санкт-Петербурге».

«...Петровский прибыл в Екатеринослав, побывав по дороге в Кременчуге, где ему удалось устроить собрание местных рабочих... Что касается Донецкого бассейна, то о посещении такового депутатом Петровским сведений как от помощников, так и от чинов общей полиции не поступало. В виду объявившихся в рабочей прессе заметок об объезде Петровским некоторых заводов и рудничных пунктов мною приняты меры к проверке сего. По результатам донесу дополнительно...»

Зная, что за ним в поездах по губерниям идут по пятам сыщики, Григорий Иванович старался оторваться от них, направить по ложному следу. Не раз Петровскому это удавалось, и тогда шпики попадали в глупое положение. Об одном таком анекдотическом эпизоде свидетельствуют жандармские донесение, сохранившееся в архивах.

«...Доношу департаменту полиции, — писал некий ретивый чин, — что начальник Екатеринославского губернского жандармского управления телеграммой от 5-го сего августа № 5227 обратился ко мне с просьбой об

учреждении наблюдения за членом Государственной думы Петровским... По наведенным справкам в центральном адресном столе оказалось, что Петровский проживающим в Москве не значится, почему за появлением его установлен контроль.

6-го августа начальник Киевского губернского жандармского управления телеграммой за № 325 сообщил мне, что того же числа скорым поездом № 2 из Киева по направлению к Москве выехал вышеназванный Петровский вместе с двумя неизвестными — мужчиной и женщиной, описав приметы последних. Ввиду этого мною 7 августа был сделан надлежащий наряд филеров на Киево-Воронежский вокзал для встречи вышеупомянутых лиц. По прибытии в Москву поезда № 2 действительно были взяты в наблюдение при выходе из вагонов по данным приметам прибывшие два господина и одна дама, коим тут же были даны названия: предполагаемому Петровскому — «остроумный», неизвестным: господину — «разумный» и дамочке — «гуманная».

8 августа вышеупомянутые наблюдаемые — «остроумный», «разумный» и «гуманная» в сопровождении филеров вверенного мне отделения из Москвы выехали в Тверь и были там переданы местному наблюдению, которое опознало в них постоянных жителей города Твери: «остроумный» оказался Иваном Филипповичем Сергеевым-Савранским, содержателем театров в г. Твери «Гранд Электро» и «Художественного»; «гуманная» — его женой и «разумный» — австрийским подданным Георгием Ивановичем Рихтером, служившим пианистом у Сергеева-Савранского...»

Петровскому в то время, конечно, не могла быть известна эта юмористическая история, которая случилась за его спиной. Но, как вспоминал Григорий Иванович, узнав уже в советские годы об этом здорово насмешившем его жандармском доносе, по-видимому, шпики напутали в Харькове, так как из Киева он сначала заехал в Кременчуг, где была большевистская подпольная типография, а оттуда направился не сразу в Донбасс, куда ему тоже нужно было, а навестил Харьков. Там Петровский побывал на квартире рабочего Шабайдаша. Эта квартира была памятна Григорию Ивановичу, поскольку в ней большевик Донбасса Григорий Васильевич Кудрявцев и его жена Прасковья Федоровна еще в 1905 году устроили для Петровского подпольную явку (сестра Кудрявцева была женой Шабайдаша). Петровский, сердечно встреченный хозяевами, пробыл у них всего лишь один день и поехал дальше, в Донбасс. Там он хотел побывать в Краматорской, Константиновке и на Щербиновском руднике. На вокзале в Харькове его провожали по-праздничному одетые Шабайдаш с

женой. Ожидая поезда, все трое зашли в привокзальный ресторан и сели за столик. Вот тут-то, по предположению Григория Ивановича, в суматохе вокзала, должно быть, сыщиков и попутал бес — следы «подопечного дяди» они потеряли.

При всем усердии полиции ей, однако, никак не удавалось заполучить при слежке за Петровским какие-либо компрометирующие его, как депутата думы, материалы и факты. Петровский об этом помнил всегда и попросту не оставлял по себе ничего полезного для шпикиков. Но вот однажды полиции, как ей казалось, повезло, и она с азартом принялась плести сеть интриг.

«Счастливую» находку полиция обнаружила 28 июля 1913 года на страницах газеты «Правда» (тогда она называлась «Рабочая правда»). Это была статья «Заметка депутата», написанная Петровским после одной из поездок в Екатеринославскую губернию и Донбасс. В ней резко критиковались царские порядки в стране, душившие даже малейшие формы демократизма. Крепко досталось в статье некоему приставу Синьковскому, который, угодничая перед администрацией Екатеринославского трубного завода, издевался над рабочими. Екатеринославское жандармское управление тотчас решило использовать статью для создания «дела» против ее автора. Приставу Синьковскому, как «обиженному», публично лицу, было предложено привлечь Петровского к суду по обвинению в клевете. Пристав, конечно, сделал так, как приказало начальство: он подал в окружной екатеринославский суд жалобу на автора статьи. В то время Петровский был по горло занят работой в Петербурге и не мог лично приехать в Екатеринослав, чтобы разоблачить это гнусное сфабрикованное «дело».

По совету товарищей из так называемых сведущих лиц (среди них были и юристы) Петровский поручил свое судебное «дело» екатеринославскому адвокату М. В. Полонскому. Тот взялся расправиться со всей этой полицейской стряпней. Полиция, пользуясь нарушением обвиняемым некоторых юридических формальностей, пыталась добиться приговора Петровскому. Но вся «кухня» была видна присяжным как на ладони, и адвокату Полонскому не составило большого труда убедить заседателей в нелепости предъявленного обвинения. Царский суд, который сам охотно пошел бы на сговор с полицией, вынужден был отвергнуть иск «обиженного» пристава и оправдать Петровского.

Думается, читателю теперь легко представить и понять, в каких тяжелых условиях приходилось работать депутатам-большевикам. И это при вполне легальном положении, находясь под защитой

правительственного закона «о неприкосновенности» членов Государственной думы!

Поездки Петровского по Екатеринославской губернии, Донбассу и другим местам Украины и Центральной России давали очень много полезного прежде всего подпольным организациям партии. Григорий Иванович всегда привозил свежие новости, которые нельзя было прочесть в газетах, делал доклады на рабочих собраниях, разъяснял партийные задачи, причины и смысл расхождений с меньшевиками и необходимость борьбы с ликвидаторами, выступающими против нелегальной деятельности РСДРП.

Самому Петровскому постоянные встречи и беседы с рабочими были также нужны. Он, с детских лет росший среди рабочих, отдавший много душевных сил борьбе за их права, и не мыслил себя без них. Он знал, что ничего не стоил бы, как рабочий депутат и член ЦК партии, если бы хоть на миг потерял связь с массами, потерял их доверие. Разъезжая по стране, он чутьем подпольщика, рабочего сразу улавливал настроение людей труда. Ему было важно знать, как относятся рабочие к выступлениям социал-демократической фракции в думе, одобряют ли они речи депутатов-большевиков, поддерживают или нет их борьбу с меньшевиками внутри фракции. Предметом особой заботы Петровского были нелегальные партийные организации; он повсюду встречался с их руководителями и выяснял, что нужно сделать, чтобы помочь им стать более крепкими и многочисленными.

После нескольких таких поездок Петровский убедился, что местные большевистские организации и идущие за ними рабочие одобряют и в общем правильно понимают работу депутатов-большевиков в думе. Видно было также, что и беспартийные передовые рабочие не возлагают надежд на царский парламент.

В северных промышленных центрах страны за большевиками шла подавляющая часть пролетариата. На юге же положение было иное. Здесь было сильно влияние меньшевиков. Во многих городах они входили в объединенные социал-демократические организации, идейно разлагали их ряды, вели яростную агитацию за упразднение подпольных организаций. В борьбе с большевиками ликвидаторы не гнушались вступать в сделки даже с буржуазными партиями.

Меньшевики создавали серьезную опасность для всего революционного движения в России. Такой предательской деятельности нельзя было терпеть. Опираясь на зрелые большевистские организации Петербурга и Москвы, рабочие депутаты наносили по меньшевикам удар за ударом — на рабочих собраниях, митингах, маевках, в листовках и с

помощью газеты «Правда». Борьба шла повсюду: в Екатеринославе, Донбассе, Харькове, на Урале, Иваново-Вознесенске, Владимире, Туле...

Вот эту деятельность депутатов-большевиков, которой они занимались вне стен Государственной думы, очень высоко оценивал и ставил им в заслугу Владимир Ильич Ленин.

После рождественских каникул, в январе 1913 года, началась вторая сессия Государственной думы. К этому времени вернулись еще не все уезжавшие на каникулы депутаты, поэтому первые заседания были посвящены разным процедурным формальностям. Проходили эти заседания вяло, чувствовалось, что никто из членов думы не придает им серьезного значения. Зато за стенами Таврического дворца, на улицах и заводах Питера все бурлило и кипело: рабочие бастовали и проводили демонстрации с политическими лозунгами. 9 января — в кровавый для пролетариата день — в столице не работало несколько десятков тысяч человек. Стачки и демонстрации быстро распространились и на другие губернии.

В социал-демократическую фракцию на имя рабочих депутатов каждый день поступали резолюции с митингов и собраний, в которых рабочие требовали изменения существующих порядков в стране — свободы слова, собраний, союзов и печати, неприкосновенности личности. Бастующие обращались к своим товарищам, чтобы они с думской трибуны заявили о том, что массы возмущены действиями правительства и требуют прекратить преследования за политические убеждения, перестать травить профсоюзы и их руководителей, пересмотреть закон о советах по страхованию, с тем чтобы уполномоченные от заводов выбирались туда самими рабочими, а не назначались, как сейчас, администрацией предприятий.

Депутаты-большевики, в том числе и Петровский, отбирали из этого потока резолюций и протестов рабочих наиболее важные, с тем чтобы использовать в своих выступлениях перед думой — как бы принять эстафетой голос пролетариев и своим голосом, громким эхом, через газеты, оповестить всю трудовую Россию о требованиях питерцев.

Большевики готовились к новым схваткам с царизмом, и враги чувствовали это. 6 февраля 1913 года вице-директор департамента полиции Петербурга докладывал в столичное охранное отделение (тайную полицию):

«В департаменте полиции получены сведения о том, что вечером 23 января сего года в квартире члена Государственной думы Григория

Ивановича Петровского состоялось собрание членов Русского бюро ленинского Центрального Комитета социал-демократической рабочей партии в составе Андрея (подпольное имя Якова Михайловича Свердлова. — Ред.), членов Государственной думы... 23 января с. г. в квартире члена Государственной думы Петровского состоялось совместное собрание членов Русского бюро Центрального Комитета и редакции газеты «Правда», всего в числе 12 лиц. На собрании был заслушан доклад Центрального Комитета о газете «Правда»... Совещание выработало следующий план: Из состава редакции названного органа избираются три члена для редактирования газеты и еще одно лицо, не принадлежащее к составу редакции, с правом «veto» и цензурой всех статей, а именно — член ленинского Центрального Комитета Андрей Свердлов...»

Конечно, ни Петровский, ни Свердлов, ни другие товарищи, принимавшие участие в этих совещаниях, в то время не могли и предполагать, что об их строго законспирированных беседах знает охранка. Все разъяснилось гораздо позже, когда было точно установлено, что Малиновский — провокатор и платный, засекреченный осведомитель охранного отделения. Этот иуда из рабочих выдал полиции немало партийных тайн и хороших, верных товарищей.

VI. Большевик на трибуне царской думы

В конце января социал-демократическая фракция выступила в думе с новыми запросами. Фракция потребовала ответа у правительства о причинах случившихся в конце декабря 1912 года и начале января 1913 года больших взрывов на Охтенском пороховом заводе в Петербурге. Катастрофа стоила жизни многим рабочим. В своем запросе фракция настаивала на выявлении виновников катастрофы и их наказании.

Однако дело было не в самом этом единичном случае. Как раз за несколько дней перед обсуждением в думе запроса социал-демократической фракции в газетах появились сообщения еще о девяти катастрофах и авариях на других заводах. Это свидетельствовало о том, что на предприятиях нет никакой техники безопасности, что предприниматели не желают тратить деньги на нее, а жизнь рабочего не ставят ни в грош. Именно так ставили депутаты-рабочие вопрос в думе.

Катастрофы и жертвы вызвали на заводах, где это случилось, сильные волнения, поэтому даже равнодушная к жизни народа дума не могла просто отмахнуться от этой проблемы. Депутаты большинством голосов приняли 25 января на рассмотрение спешный запрос социал-демократов. Только крайне правые члены думы, вроде Маркова и Пуришкевича, были против спешности этого запроса. Однако разъяснения военного министра о причинах взрывов последовали лишь спустя полгода, летом, когда дума была распущена на каникулы. Из-за этого обсуждение пришлось перенести на осеннюю сессию.

Следующий запрос, который внесла фракция РСДРП, касался локаутов. Он нуждался в спешном разборе, потому что как раз в это время владельцы текстильных фабрик объединились для отпора рабочим, который выражался в форме локаутов — прекращения работы фабрик и массовых увольнений ткачей.

Социал-демократы внесли на этой сессии думы еще целый ряд запросов и защищали важность и безотлагательность этих запросов.

Григорий Иванович Петровский выступал на зимней сессии несколько раз.

Взяв слово на одном из заседаний вслед за министром просвещения Кассо, который давал объяснения по поводу арестов на собрании в одной петербургской женской гимназии, Петровский резко критиковал политику правительства в области просвещения. Под бурные рукоплескания левых

депутатов он закончил речь такими словами:

— Охранка и действующий в полном согласии с ней министр, — с позволения сказать, министр народного просвещения, — больше всего боящийся света и науки, учили молодежь лучше тех профессоров-краснобаев, которые всегда защищали одну только академическую свободу. Они политически воспитывают молодежь, и нам, представителям пролетариата, можно только радоваться тому подъему, который само правительство хочет создать... Молодежь пойдет с нами и только с нами добудет ту свободу, которая нужна всей России, и только тогда эта свобода может обеспечить ей свободное преподавание свободной науки...

Другое выступление Петровского было связано с запросом социал-демократической фракции о нарушении депутатской неприкосновенности. Всех депутатов фракции возмутило событие, случившееся 11 февраля 1913 года. Ночью на квартиру Григория Ивановича Петровского нагрянула полиция и, несмотря на предъявленный Петровским мандат члена Государственной думы и протесты, незаконно произвела обыск и арестовала Якова Михайловича Свердлова, жившего в Петербурге нелегально после недавнего побега из нарымской ссылки. Обыск не был простой случайностью, совпадением. Как выяснилось позже, и к этому предательству был причастен провокатор Малиновский.

Эту речь, полную страстного и гневного протеста, Петровскому удалось произнести с думской кафедры только 5 апреля 1913 года, то есть спустя почти два месяца после бандитского налета полиции на его квартиру. Петровский закончил речь такими словами:

— Мы предлагаем, господа, потребовать от правительства прекращения дикой вакханалии, произвола и безответственной расправы над избирателями и над депутатами, и, если вы отвергнете разрешение этого вопроса, вопроса о неприкосновенности личности, в том числе и депутатской, вы только докажете необходимость новой революции!

Понятно, что черносотенное большинство думы, слушая такие откровенно-революционные речи, бесилось. Реакционные правые депутаты орали с мест, пытаясь сбить Петровского с мысли, запутать, демонстративно шумели и покидали зал собрания. Дай им волю, они кинулись бы на рабочих депутатов и учинили самосуд тут же, в роскошных палатах Таврического дворца! Нужно было обладать незаурядным личным мужеством и выдержкой, чтобы в этой накаленной страстями обстановке, в стане озверевших врагов, кидать им в лицо слова, выжигающие у них на лбу огненные клейма.

У Петровского было такое мужество, это мужество питалось горячей

любовью ко всему обиженному и угнетенному рабочему люду. Ради него, ради народа, Петровский готов был пойти на какие угодно испытания. И в личной дружбе, в отношениях с товарищами по партии Петровский всегда был мужествен, чуток, благороден. Он протягивал руку помощи каждому верному товарищу, если тот нуждался в этом.

Зная о возможных плохих последствиях для себя, он укрыл бежавшего из политической ссылки Свердлова. А потом всем, чем мог, помогал его жене с их маленьким сынишкой. Клавдия Тимофеевна Свердлова-Новгородцева с благодарностью вспоминала об этом.

«Я была привлечена, — писала уже в советские годы жена Я. М. Свердлова, — по тому же делу, что и Яков Михайлович, и осуждена к двум годам высылки, под особый надзор полиции. Продержали меня в тюрьме около двух месяцев и в конце апреля 1913 года освободили для следования к месту ссылки. Выйдя из тюрьмы, я оказалась без средств к существованию, без крова, с тяжело больным ребенком на руках.

Маленькому Андрею нелегко далось тюремное заключение, которое он отбывал вместе со мной. В тюрьме мальчик заболел тяжелой формой дизентерии, и к моменту освобождения болезнь приобрела угрожающий характер. Что было делать? Я решила обратиться за советом к Петровским. Пусть я их почти не знала, но это были настоящие друзья Якова Михайловича.

Мне никогда не забыть, как тепло приняли меня и больного ребенка Григорий Иванович и Домна Федотовна, какой лаской и заботой они нас окружили. Петровские и слышать не хотели, чтобы я искала себе какое-то пристанище, и сразу же поселили нас у себя, а Григорий Иванович принялся хлопотать, чтобы мне, хотя бы временно, до выздоровления сына, отменили ссылку и разрешили остаться в Петербурге. Все его хлопоты кончились ничем — ему отказали...

Редко когда приходилось мне жить в такой любовной, товарищеской атмосфере, в которой я прожила полторы недели у Петровских... Они помогли сохранить жизнь нашему сынишке. Да, великое дело настоящая большевистская дружба!»

Весной 1913 года социал-демократическая фракция подала в думу запрос по поводу все увеличивающейся в России безработицы. В защиту запроса 3 мая опять выступал Петровский. С тревогой он говорил о тяжелом положении рабочих, лишившихся трудового куска хлеба в связи с закрытием из-за кризиса сбыта текстильных фабрик в городе Лодзи.

— ...Если в Лодзи валяются сейчас от голода наши товарищи безработные, — гневно говорил Петровский, обращаясь к правым

депутатам, — то это вас, конечно, не удивляет, и вы смеетесь, вы смеялись и тогда, когда целые лужи крови стояли от ленских товарищей безработных, расстрелянных правительством... (Движение в зале справа.)

Председательствующий: Член Государственной думы Петровский, делаю вам замечание.

Петровский: Когда рабочий депутат обращается именно с требованием, чтобы большинство Государственной думы внимательно относилось к его речи, то он всегда, даже со стороны председателя, выслушивает одни замечания, которые не должен выслушивать ни один рабочий депутат, так как он говорит от громадного большинства населения...

Господа, речь идет не только о голодных, а об умирании с голода, а здесь отрицается спешность... Ведь там умирают дети, конечно, не ваши дети, а наших товарищей — рабочих, умирают не ваши братья, а наши братья!

Что происходит в Лодзи?.. Безработица в Лодзинском районе не ослабевает, каждый день то закрывается какая-нибудь фабрика, то сокращается работа, даже большие фабрики Познанского, Шейдлера и те работают по пять, а то и по четыре дня в неделю...

Пользуясь безработицей и боязнью рабочих вылететь за ворота, фабриканты сокращают расценки до невероятности...

Не думайте, что лодзинское бедствие — бедствие только местное. Нет, господа, надвигается на нас бедствие и безработица всероссийская. Не обольщайте себя надеждами на расцвет промышленности. За расцветом промышленности идет кризис...

Спешность нашего запроса состоит не только в том, чтобы помочь лодзинским безработным, а в том, чтобы предупредить и наметить меры борьбы с грядущим всероссийским бедствием...

Эту речь Петровский закончил такими словами:

— Кризис неотвратим, пока существует ваш любезный капиталистический строй, кризис идет, приближается, господа, он уже распростер свой черный полог над текстильщиками, близки дни, когда склады будут переполнены всякой одеждой, а рабочие — творцы этого товара — будут голодные стоять и замерзать из-за отсутствия платья; когда будут пустовать тысячи квартир, а рабочим придется ночевать в берлогах, и когда в лавках будет гнить провизия различная, а у дверей лавок будут стоять безработные, умирающие от голода. И вы думаете, господа, что при таком положении ваше запрещение рабочего комитета не будет наиболее сильной революционной агитацией для рабочих? Думаете ли вы, что

русский пролетариат будет молчать при таких условиях, что он будет умирать молча и безропотно? Нет, господа, придется тогда вам дать согласие на рабочий комитет, если только рабочие станут спрашивать вашего на то согласия. Вы согласитесь тогда и на организацию общественных работ, если только власть тогда останется еще в ваших руках, и если для вас, господа, в настоящее время не спешное дело — спасти рабочих от голода, то тогда для вас настанет другое спешное дело — это спасти себя самих от народного гнева!

Пока Петровский говорил, зал угрожающе гудел, слышались отдельные выкрики со скамей правых депутатов, сдерживаемые председательским колокольчиком. Но едва Петровский окончил, сказав последнюю хлесткую, как пощечина, фразу, — зал взорвался.

Петровский внешне оставался таким же спокойным, как и пять минут назад, на кафедре. Но внутренне он был как сжатая пружина. Слегка бледный, с испариной на лбу, он устало шел к своему месту, не обращая внимания на вой, — крепко сдвинув черные брови и отирая платком лоб. Товарищи по фракции удивлялись его выдержке, никак, казалось бы, не вязавшейся с огневыми, темпераментными выступлениями.

Зал не унимался. Председателю пришлось сделать перерыв и только после этого удалось продолжить заседание.

На этой же сессии депутаты-большевики подняли в думе чрезвычайно острый и важный в условиях самодержавного гнета вопрос о национальной политике в России.

Вот что писал по этому поводу сам Григорий Иванович Петровский в статье «Большевики и национальный вопрос в IV Государственной думе»:

«В связи с тем, что в международной социал-демократии было много беспринципных оппортунистических установок по национальному вопросу, а также в связи с тем, что рост национализма в России и других странах приобретал угрожающие размеры, — национальный вопрос стал актуальнейшим вопросом в годы подъема революционного движения. Русское правительство усилило националистический курс как внутри страны, так и во внешних отношениях (Монголия, Китай). Поднялась волна местного буржуазного и мелкобуржуазного национализма.

Вся эта обстановка приковывала внимание Владимира Ильича Ленина и большевистской партии к национальному вопросу... На (Краковском) совещании ЦК РСДРП с партийными работниками (январь 1913 года), которое состоялось под руководством В. И. Ленина, наряду с другими вопросами поднимался и национальный вопрос, особенно в связи с принятыми на Пражской конференции решениями о проведении

демократического централизма в партии, о решительной борьбе с меньшевистско-националистической программой «культурно-национальной автономии», а также с федерализмом в строении партии.

Совещание осудило сепаратизм и национализм «Бунда» и его ликвидаторский уклон. Были намечены мероприятия по слиянию социал-демократических рабочих всех национальностей в нашей партии...

На Краковском совещании по предложению Ленина было решено: необходимо выступить по национальному вопросу в IV Государственной думе. Владимир Ильич согласился написать текст речи, но он требовал прислать необходимые материалы. При этом Владимир Ильич обсудил со мной главнейшие вопросы, связанные с подготовкой речи и с самим ее содержанием.

Предварительно в «Правде» было опубликовано, что «социал-демократическая фракция поручает Петровскому Г. И. выступить в думе по национальному вопросу. Фракция собирает материал».

Выступление по национальному вопросу приурочивалось к обсуждению в думе бюджета на 1913 год по смете министерства внутренних дел...»

«...Вскоре после этого, — пишет далее Григорий Иванович, — ко мне начали приходиться украинцы, белорусы, поляки, латыши, эстонцы, казахи, представители других национальностей и приносить материалы, которые я с секретарем фракции просматривал и тут же отсылал Владимиру Ильичу в Краков. Когда Владимир Ильич прислал мне готовую речь, то у меня еще нашлись материалы, которые я уже сам использовал, вставляя в ленинский текст...»

«Поскольку речь была, — отмечает в воспоминаниях Петровский, — программным выступлением нашей партии по национальному вопросу, меньшевики во фракции (мы еще были тогда с меньшевиками в одной фракции) хотели ее «просмотреть»: они знали, что речь написал Владимир Ильич. Но мы, депутаты-большевики, этого не допустили. Тем более что при составлении общей декларации от социал-демократической фракции на декларацию правительства в Государственной думе у нас были острые и бурные споры с меньшевиками, последние отстаивали бундовскую «культурно-национальную автономию» и, пользуясь большинством голосов, просто-таки втиснули в декларацию это оппортунистическое требование. Поэтому речь от нашей партии по национальному вопросу имела большое принципиальное значение.

Владимир Ильич при встрече говорил мне, что был очень доволен моим выступлением...»

Петровский выступил с речью 20 мая 1913 года. Поскольку в думе в это время шло обсуждение проекта бюджета министерства внутренних дел и представители различных групп и партий считали необходимым высказаться в прениях, зал заседаний был полон. Правые депутаты на этот раз явились все поголовно, чтобы поддержать утверждение правительственной сметы. Они-то знали, на какие «благие» дела будут потрачены эти деньги.

Но и депутаты-большевики тоже отлично понимали, как распорядится министерство внутренних дел теми средствами, за которые им предлагалось голосовать. Они были знакомы с политикой царизма, насквозь пропитанной великодержавным русским шовинизмом, и понимали, что при составлении сметы права национальных меньшинств в России будут сильно ущемлены. Доклад министра о проекте бюджета подтвердил это. Именно поэтому и надо было разоблачить в этот момент с думской трибуны перед всем народом колонизаторскую, варварскую политику правительства по отношению к другим нациям и малым народностям России.

Мы не можем цитировать здесь полностью речь Петровского — она довольно большая. Но наиболее важные места из этой блестящей речи хочется привести со стенографической точностью — так, как она была произнесена с трибуны реакционной думы.

Петровский взошел на трибуну думы при сильном шуме в зале на скамьях правых депутатов и с минуты ждал тишины.

— Мне поручено несколько слов сказать, — начал Петровский, но голос его потонул в общем шуме зала.

Председатель. Покорнейше прошу быть потише.

Петровский. Мне поручено несколько слов сказать о том, какова в национальном вопросе позиция нашей фракции и как она относится к министерству внутренних дел, как она освещает стороны деятельности этого министерства.

Национальный вопрос в России имеет громадное значение (шум, звонок председателя). Один из героев государственного переворота 3 июня и герой контрреволюционной политики... Столыпин старался выкинуть для прикрытия всякого насилия и угнетения (звонк председателя) пресловутое национальное знамя. Он создал партию националистов, которые занимают довольно видное место в теперешней черной думе (звонк председателя), и до сих пор национальная политика нашего правительства является боевой программой. Но духом злобствующего национализма пропитана не только политика нашего правительства (звонк

председателя), господствующие эксплуататорские классы в равной степени повернули к тому же национализму. Про совет объединенного дворянства, эту боевую силу нашего правительства, говорить нечего (звонок председателя)... Правые партии, включая даже (звонок председателя) и октябристов, приветствуют всякие меры угнетения против народов татар, армян, против киргизов и башкир...

Мало того, посмотрите на нашу даже оппозицию, на партию либеральной буржуазии, вроде прогрессистов и кадетов, последнее время и они начинают заражаться национализмом и при этом в самом худшем смысле. Вполне будет уместно, если при обсуждении сметы министерства внутренних дел, этого главного выразителя официальной национальной политики, я остановлюсь несколько на этом, как представитель посланного меня социал-демократического пролетариата, и скажу, как к этому относятся сознательные рабочие всей России вообще и, в частности, социал-демократы. Я тем более считаю уместным сделать это, что я являюсь представителем пролетариата одной из многочисленных угнетенных народностей, которые преследуются и травятся правительством.

В Екатеринославской губернии 7/10 населения, если не больше, составляют украинцы, которых на официальном языке называют малороссами. Украинский народ терпит бесконечные угнетения со стороны власть имущих... В России великороссов всего сорок три процента, это значит менее половины населения, а между тем весь остальной народ признан инородцами. Таким образом, большинство населения в России не имеет прав и возможности говорить на родном языке и испытывает бесконечное насилие и гнет...

Во всем мире не найдется ничего хуже, ничего позорнее того, что проделывают у нас с угнетенными народностями. Нигде на земном шаре нет такого дикого средневекового учреждения, как черта еврейской оседлости...

Господа из правого и националистического лагеря, защищающие это безобразие и толкующие о своей заботе насчет культуры, прогресса в России, не могут называться иначе, как только дикарями. Но, помимо средневековых преследований евреев в варварской и дикой стране нашей, преследование родного языка всех наций составляет как бы особую задачу правительства, в том числе преследование языков даже славянских наций, какими являются украинская и польская... Черносотенцы и их лакеи называют Россию великой славянской державой, быть может, только потому, что в этой великой державе наблюдается самое большое угнетение

славянских народностей. Аресты, обыски, штрафы, полицейские преследования за тайное обучение родному языку.

Украинцу достаточно объявить, что эта вот лекция состоится на родном языке, и, хотя в этой лекции не будет содержаться ничего незаконного, эта лекция будет все-таки запрещена. Почему? Потому, что будет на украинском языке...

А между тем полвека тому назад, когда Польша под непосильным угнетением вынуждена была восстать против притеснителей, в это время правительство выпускало воззвания к крестьянам украинцам на самом языке, который оно сейчас преследует...

...В России преследование грамотности и преследование славянских наций в области образования на родном языке действительно принимает неслыханные размеры. Вот украинские и польские крестьяне, неграмотность которых сохраняется даже искусственно. Я беру официальные данные «Ежегодника России» за 1910 год, изданного министерством внутренних дел, смету которого вам предлагают одобрить. Эти данные говорят, что в Европейской России грамотное население, не считая до девятилетнего возраста, составляет всего тридцать процентов. Это меньше половины того, что имеется в самой отсталой из европейских стран — в Австрии.

Но, господа, если безобразна и крепостнически позорна вообще русская безграмотность, безграмотность, охраняемая и насаждаемая нашим правительством, то она еще ужаснее на Украине. Я взял семь чисто украинских губерний, то есть губерний, в которых украинцы составляют две трети всего населения. Это губернии: Полтавская, Подольская, Харьковская, Киевская, Волынская, Екатеринославская и Черниговская. И что же оказалось? Ни в одной из этих губерний грамотность не достигает и той средней русской величины, о которой я сказал: в Екатеринославской губернии имеется всего двадцать девять процентов грамотного населения, а затем наблюдается снижение в следующих губерниях до двадцати процентов. Вот все те точные данные, которые характеризуют правительственную политику, которые показывают, к какому... одичанию ведет наше правительство славянские нации великой славянской державы...

В этом месте речь Петровского была прервана звонком председателя думы, который объявил перерыв заседания до двух часов дня, но Петровского это не смутило, и, пользуясь положенным ему для выступления временем, он продолжил речь после перерыва.

Председательствующий (князь Волконский): Заседание

возобновляется. Член Государственной думы — Петровский.

Петровский: Итак, господа, я вам дал данные относительно процентной грамотности русского населения и украинцев из ежегодника министерства внутренних дел за 1910 год. Это не какие-нибудь частные исследования, а считаются объективными, быть может, для вас. Но вот я должен вам сказать, что исследование в 1652 году архидиакона Павла об образовании тогда на Украине говорит, что почти все домашние и даже не только мужчины, но и жены и дочери умели читать, а переписи 1740 года и 1748 года говорят, что в семи полках гетманщины Полтавской и Черниговской губернии на 1 094 села приходилось 866 школ с украинским языком преподавания, одна школа приходилась на 746 душ. В 1804 году издается указ о запрещении учиться на украинском языке. Результаты национального гнета будут сказываться дальше. Перепись 1897 года показала, что самый малограмотный народ в России — украинцы.

...В то же время, господа, за девять лет собрано дохода с Украины — 3 миллиона 500 тысяч рублей, а вернулось на различные расходы — 1 миллион 760 тысяч рублей. Спрашивается, господа, на какие же цели пошла почти половина из тех сумм, которые были собраны с Украины?

Господин председатель бюджетной комиссии в своей речи по бюджету сказал, что громадная сумма нашего бюджета, 3 миллиона с лишним, собирается преимущественно с самого что ни есть бедного люда, это, может быть, с курения махорки, с сигарок, как он выражался, со спичек и тому подобных потребляемых низшим классом продуктов, и из этих именно копеечек создается такой бюджет. В то же время председатель бюджетной комиссии говорит: между тем нельзя сказать, чтобы личная безопасность и имущественная находилась в хорошем состоянии. На что он намекал, не намекал ли он на то, что у нас мало полиции, что нужно побольше ее, побольше агентов, побольше тюрем? Он не сказал определенно. И такой либеральный лепет, конечно, не может служить фактором, который действительно благоприятствовал бы тем самым массам, которые создают громадные суммы на непроизводительные расходы нашего правительства.

...Относительно поляков, господа, до сих пор еще не опровергнуто заявление, которое они сделали в III Государственной думе, что в Варшаве в 1828 году было гораздо больше училищ по сравнению с населением, нежели их приходилось в 1900 году. Вот какие великолепные результаты имеем по разгрому культуры и в деле поддержки дикости со стороны того варварства, которое называется министерством внутренних дел...

...Кто истинно стоит за равноправие национальностей, тот не может

поддерживать никаких привилегий, никаких национальных привилегий ни в школе, ни в земстве, ни в какой-либо государственной или общественной деятельности. А у нас, господа, избирательный закон, помимо бесстыдных привилегий буржуазии и помещиков, дает великороссам в четыре раза больше прав, нежели польскому гражданину...

Разжигание национальной вражды — вот девиз нашего министерства внутренних дел; разрознить и властвовать; разделение в национальном вопросе всех партий, господа, — вот эта ваша самая главная задача. Поэтому вопрос о национальном мире или о национальной вражде имеет коренное значение для русской демократии. Только полное единство демократии в состоянии добиться политической свободы и обеспечить ее; наоборот, в интересах помещиков, в интересах реакции — национальная травля, которая обессиливает борьбу за свободу.

Национальному шовинизму и интернациональному объединению капитала рабочие противопоставили свое интернациональное объединение для борьбы против капитализма, против буржуазии; объединению всех эксплуататоров — объединение всех эксплуатируемых. Нам уже недостаточно старого лозунга — братства народов, мы видим часто, что буржуазия этим лозунгом злоупотребляет, и вместо «братства народов» она несла отравление и разжигание национальной вражды, которой затмевала массы народа в борьбе с капиталистами и помещиками, со всеми эксплуатируемыми классами.

Мы стремимся к осуществлению братства пролетариата всех народов и братства всех угнетенных и эксплуатируемых, и поэтому социал-демократическая фракция вносит следующего содержания мотивированное заявление.

Принимая во внимание, что политика министерства внутренних дел, являясь органической частью дворянско-помещичьего режима 3 июня, направлена:

- 1) против рабочего движения, попирая полицейскими мерами всякое проявление рабочей самодеятельности, разрушая профессиональные союзы, просветительные общества и все учреждения, созданные рабочими для защиты своих интересов; 2) что министерство самым циничным образом подавляет всякую попытку рабочих путем стачек улучшить свое положение, причем открыто становится на защиту хозяев, высылая и арестовывая бастующих, и тем делает невозможной для рабочих борьбу с хищнической эксплуатацией предпринимателей; 3) что министерство в своей борьбе с народом оградило полицейской стеной деревню, насаждая в ней крепостнические порядки и поддерживая в ней произвол и опеку

помещиков; 4) что министерство своей карательной политикой превратило страну в осажденную крепость, где малые и большие сатрапы ежедневно совершают дикие набеги на печать, общественные учреждения и попирают всякое проявление самостоятельности демократических слоев населения; 5) что министерство ведет неслыханную травлю национальностей: евреев, поляков, украинцев, кавказских и других национальностей, разжигая шовинистическую и националистическую вражду с единственной целью отвлечь их от борьбы с общим врагом — старой властью; 6) принимая далее во внимание, что всякий бюджет современного государства построен на основе укрепления классового господства и хозяйничанья эксплуатирующего меньшинства, а данная смета является частью такого бюджета, который социалистический пролетариат отвергает целиком; 7) что эта смета, составленная из расходов на полицию, тюрьмы, шпионов и разнообразные средства борьбы с народными массами, их самостоятельностью, является продуктом преимущественного хозяйничанья контрреволюционного авангарда — крепостнического дворянства и опирающейся на него неликвидированной старой власти, — мы, представители русского пролетариата, считая теперешнее правительство одним из оплотов европейской реакции, в свержении которого заинтересован весь социалистический пролетариат, выражая недоверие всему хозяйничанью «героев» третьей июньской переворота, голосуем против сметы министерства внутренних дел! (Рукоплескания слева).

Речь Петровского напугала правительственный кабинет и всех верноподданных членов Государственной думы. В лагере правых депутатов поднялся переполох. Там отлично поняли, какое сильное влияние может оказать эта темпераментная речь рабочего депутата на представителей различных национальностей в самой думе и за стенами ее, в народных массах. Черносотенцы и другие правые буржуазные фракции стали поспешно выпускать на трибуну думы своих лидеров, которые в один голос, хором, принялись опровергать факты, приведенные как пример национального бесправия в речи Петровского. Даже депутаты от так называемой Малороссии доказывали, что-де украинцы вполне равноправны с великоросскими гражданами.

Украинский помещик Скоропадский под рукоплескания правых заявил, что никакого национального угнетения его родина Украина не испытывает, что, по его словам, — «в Русском государстве, колыбелью которого был наш Киев, мы такой же державный народ, как и великорусский». А выступивший как лидер октябристов председатель думы

Родзянко, упомянув, что, мол, украинский язык вовсе никем не преследуется, договорился до того, что вообще-то украинский-де язык непонятен даже самим украинцам!

Однако дело не в анекдотах. Реакционное большинство думы понимало, какого могучего идейного и политического противника имеет оно в лице депутатов-большевиков, за спиной которых стояли сильная партия во главе с Лениным и неисчислимые массы рабочих.

Этому очень четкую оценку дал в одном своем выступлении с думской кафедры известный главарь черносотенных погромщиков из «Союза русского народа» Марков-второй. Этот потомственный рабовладелец сказал:

— Нам (то есть помещикам и буржуазии. — Ред.) придется бороться против революции не с кадетами, не с трудовиками, не с меньшевиками и даже не с эсерами. Какие это трудовики? Все они, вместе взятые, походят на Керенского-адвоката, на Сузанова — книжного издателя или еще на какого-нибудь конторщика. Нам придется бороться против Российской социал-демократической рабочей фракции большевиков, вот с этой пятеркой. За ними, к сожалению, идут рабочие. Это они кочегары революции, подбрасывающие без конца под котел уголь, чтобы нагнетать пары революции, чтобы паровоз скорее мчался. И не только до конституции. Они нагнетают пары, чтобы паровоз мчался до революции!

Хотя это сказано устами заклятого врага пролетариата, но сказано точно, с правильной оценкой могучего противника по борьбе.

Речь Петровского по национальному вопросу в стенах царского парламента взбудоражила, оживила лучшие общественные силы страны, дала в руки большевистских агитаторов прекрасный-материал; рабочие, крестьяне украинцы и представители других угнетенных национальностей откликнулись на нее целым потоком писем, резолюций собраний, заметок в газету «Правда».

В эту же думскую сессию, в июне, Петровский выступал в прениях при обсуждении сметы горного департамента. Он воспроизвел картину тяжелейшего труда, ужасных условий жизни шахтеров и их детей. Резко, беспощадно критикуя порядки на шахтах России, Петровский говорил:

— ...Они поднимут рукой, державшей кайлу и лом, красное знамя социализма и пойдут вместе с шахтерами всего мира, с пролетариатом на борьбу за социалистический строй, где не будет частной собственности ни на орудия производства, ни на землю, ни на недра ее, где будет земля служить всему человечеству, а не отдельным паразитам!

Такие речи пугали членов IV думы. Если у правых депутатов они

вызывали страх и бешенство, то в рядах либералов и других фракций с «розовым» оттенком начиналось робкое замешательство, желание сгладить острые политические углы, выпирающие в речах большевиков. Но были и другие противники у большевиков, более серьезные, менее уязвимые. Борьба с ними было чрезвычайно сложно, поскольку они тоже принадлежали к РСДРП и выступали от имени пролетариата. Это меньшевистские депутаты. Их также пугали прямые, смелые выступления коллег по фракции. Совместная работа во время первой и второй сессий думы показала, что острота разногласий между большевиками и меньшевиками во фракции не ослабевает, а все более усиливается. Ведь корень расхождений был в принципиально различных, непримиримых взглядах и оценках развития рабочего движения и путей революции в России.

До какой-то поры о разрыве между большевиками и меньшевиками речь не заходила. Фракция РСДРП должна была быть единой, сплоченной, чтобы противостоять, дать отпор реакционному большинству думы. В первое время большевикам-депутатам удавалось более или менее согласно сотрудничать со своими коллегами, добиваться компромиссных решений и даже уступок со стороны меньшевиков. Поэтому не было нужды в резком организационном размежевании. Да к тому же значительная часть рабочих в то время не была еще готова полностью понять и поддержать такой решительный шаг, как разрыв с меньшевистскими депутатами.

Однако чем дальше, тем труднее становилось договариваться между собой депутатам фракции. Меньшевики, нагло используя формальное преимущество в числе голосов, отклоняли одно за другим предложения, советы и требования большевиков и утверждали на совещаниях фракции свои решения. Так, большевики предлагали поручить выступление по запросу о взрывах на пороховых заводах Петербурга большевику Бадаеву, поскольку он, сам питерский рабочий и депутат столичного пролетариата, прекрасно знал условия труда на этих заводах, был не гостем, а своим, родным человеком там, держал постоянную связь с партийным комитетом Петербурга. Но меньшевики воспротивились этому, казалось бы, наилучшему совету и провели при голосовании своего кандидата. Такое же разногласие и упорное сопротивление меньшевиков возникли и при обсуждении в думе запросов социал-демократической фракции по поводу страхования рабочих, Ленских событий, сметы министерства внутренних дел и по другим запросам. Меньшевики, как правило, выдвигали своего оратора, а кандидатуру большевиков обычно отклоняли.

В такой обстановке, конечно, не могло быть никакого плодотворного

сотрудничества. Основная ленинская идея, ради которой, собственно, большевики и пришли в царский парламент, — использовать думскую трибуну для революционной пропаганды, для развития революционного самосознания рабочих масс, — эта идея, эта работа подрезалась меньшевиками на корню. Но меньшевики не ограничивались отвержением большевистских ораторов. Они стремились также не допустить большевиков к участию в разных думских комиссиях, где сосредоточивались и разбирались важные материалы, которые рабочие депутаты могли с большой пользой употребить при составлении своих речей или же передавать в редакцию «Правды».

За первый год совместной работы меньшевики из двадцати шести думских комиссий захватили представительство в девятнадцати, оставив большевикам только семь мест в других комиссиях. Они пытались не допускать большевиков даже в те комиссии думы, где фракция имела право на двух представителей. В такой важной для интересов рабочего дела комиссии, как бюджетная, в которой разрешалось (по думскому регламенту) выступать с обстоятельными, развернутыми речами, где чаще, чем в других комиссиях, лично давали объяснения министры и где фракция в первую сессию думы имела право на двух представителей, — и тут меньшевики захватили оба места. Они даже вошли одни, без большевиков, от имени всей социал-демократической фракции думы в Международное социалистическое бюро, хотя, конечно, не имели никакого права представлять там все рабочее социалистическое движение в России, поскольку огромная масса пролетариата шла за большевиками.

Более мириться с такой несправедливой, бесчестной и разрушающей линией поведения меньшевиков во фракции депутаты-ленинцы не хотели и не могли. Назревал открытый, принципиальный разрыв. Иного пути не было.

«Правда» развернула на своих полосах большой разговор о положении в думской социал-демократической фракции. Газета разъясняла рабочим причины разногласий и призывала всех сознательных пролетариев, членов РСДРП и беспартийных дать отпор меньшевистским раскольникам. Нелегальные партийные организации в Петербурге и других промышленных городах также горячо обсуждали этот наболевший важный вопрос. Разгорелась острейшая дискуссия и в партии и среди беспартийных рабочих, часть из которых поддерживала меньшевиков, а другая часть — большевиков.

Споры продолжались и после того, как 15 июня дума прервала свои заседания, и депутаты были распущены на летние каникулы. Таким

образом, во время второй думской сессии вопрос о том, работать ли большевистским депутатам вместе с меньшевиками в одной фракции или же полностью отмежеваться, не был решен окончательно в партийных рядах. Это определилось в сентябре, во время думских каникул, на совещании членов ЦК РСДРП и депутатов-большевиков в местечке Поронино, которым руководил Ленин.

Летние каникулы 1913 года большевики-депутаты провели, как обычно, среди своих избирателей-рабочих. Длительные поездки по губерниям, выступления на заводских собраниях и в газетах, ответы на письма рабочих, писание ходатайств в различные правительственные учреждения с защитой многочисленных просьб и жалоб с мест, оказание помощи нелегальным организациям, информирование губернских комитетов партии о работе фракции — вот неполный перечень забот и дел депутатов-большевиков в дни так называемых каникул. Отдыха у них не было. Отдыхали, бездельничали только депутаты буржуазных партий. Большевики же работали в гуще народных масс.

В июне Григорий Иванович Петровский, как обычно, отправился в закрепленные за ним города и губернии. Перед отъездом из Петербурга он поместил в «Правде» статью под заглавием «Избирателям от депутата». Петровский вел очень большую переписку с рабочими. У него были сотни корреспондентов, и нередко не хватало сил и времени ответить каждому в отдельности. Тогда Григорий Иванович прибегал к помощи «Правды».

В этой книге нет возможности подробно рассказать обо всей переписке Петровского со своими избирателями. Но можно составить представление о ее характере хотя бы по статье «Избирателям от депутата».

В статье «Избирателям от депутата» он писал, что черная IV дума не дает возможности представителям пролетариата полностью показать народу картину каторжных условий труда и ужасающей нужды рабочих. Поэтому он решил в газете использовать те факты, о которых узнает из писем. И в статье он привел десятки примеров полицейского произвола, издевательств над рабочими.

«...Уже три речи, — писал Григорий Иванович, — произнесенные мною в Государственной думе, не дошли до моих избирателей из-за конфискации газет. А я бы желал, чтобы товарищи знали не только о том, что я выступал в думе, но и какие цели преследую я в своих речах.

Преследование газет, а особенно рабочих, приняло невероятные размеры. Через это не только мои речи, но и моих товарищей не доходят до провинции.

И просьба моя к товарищам рабочим и шахтерам — присылать мне

сведения, материалы и факты о положении на их рудниках и заводах — также не доходила до них из-за конфискации.

Через газету «Трудовой голос» из Киева обращаются ко мне за советом: какие меры принять против преследования этой газеты на станции Краматорской и в Юрьевском районе. На это я отвечаю: пришлите нам во фракцию все факты по преследованию нашей газеты; фракция решила внести запрос в Государственной думе о штрафах, конфискациях, обысках и т. д. А в каникулы, может быть, я заеду к вам.

Во фракцию через меня получено от учащихся приветствие и глубокая благодарность за характеристику министра Кассо и вводимой им системы просвещения, от которой стынет ум и болит душа.

«В наших учебных заведениях, — пишут они, — есть и марковы и пуришкевичи; корежат они нам души; поэтому мы выходим негодными к жизни и неспособными к борьбе. Отцы наши молчат; только и воодушевляешься героической борьбой рабочих, когда читаешь газету «Правда». Несмотря на то, что жизнь взвалила на плечи рабочих непосильную ношу материальных и иных забот, рабочие все же преодолевают все горе, все злосчастье и борются за светлое будущее. Товарищи рабочие! Мы к вам и за вами пойдём. Только одним вам надо прорвать запруды, чтоб жизнь в России пошла вольной и свободной рекой».

Заканчивая свой ответ товарищам, я прошу, чтобы отныне письма для меня направлялись не на 9-ю Рождественскую улицу, дом № 39, кв. 24, а прямо на Таврический дворец, так как с этой квартиры я ухожу. Наступают каникулы. Насколько хватит у меня времени и средств, я постараюсь лично побывать и там, куда меня звали, и там, куда не звали. В этом — долг каждого депутата. В этом мы черпаем силу для дальнейшей нашей работы.

Депутат Петровский».

Статья отражала лишь частицу той большой непрерывной революционной работы, которую вели депутаты-большевики, в том числе и Петровский. Они, как писал Владимир Ильич Ленин о рабочих депутатах, «...блистали не красноречием, не «вхожестью» в буржуазные, интеллигентские салоны, не деловой ловкостью «европейского» адвоката и парламентария, а связями с рабочими массами, самоотверженной работой в этих массах, выполнением скромных, невидных, тяжелых, неблагодарных, особенно опасных функций нелегального пропагандиста и организатора».

VII. Поронинское совещание и раскол в социал-демократической фракции

Во второй половине сентября 1913 года Ленин созвал членов ЦК РСДРП для обсуждения неотложных дел. Совещание состоялось в местечке Поронино, неподалеку от Кракова, где в ту пору жил Владимир Ильич. На совещание были приглашены также депутаты-большевики.

На совещании обсуждались доклады представителей местных партийных комитетов и работа социал-демократической фракции в думе. Были обсуждены такие актуальные вопросы, как национальный, о партийном съезде и партийной печати, о стачечном движении и работе большевиков в легальных обществах.

Выступая на совещании, депутаты рассказывали о трудном положении во фракции и о том, что стачечная борьба в Петербурге и других промышленных центрах страны нарастает. По их примерным подсчетам в прошедшие месяцы 1913 года в забастовках участвовало не менее миллиона человек. Товарищи, прибывшие на совещание из разных мест России, также подтверждали усиление революционных настроений среди пролетариев. И хотя по-прежнему полицейская слежка, доносы и аресты наносят большой урон партии, теперь положение уже изменилось: на место десятка упрятанных в тюрьмы большевиков приходит добрая сотня рабочих, в основном молодежь; вместо одной разгромленной подпольной типографии возникали две новые. Это были отрадные вести, они подтверждали, что подспудно в России идет сильнейшее революционное брожение, зреет политическое сознание пролетариата, близится срок новой решительной схватки народа с тиранами.

На нескольких заседаниях обсуждались дела в думской фракции. По этому вопросу выступили Ленин и другие члены ЦК. Совещание еще раз подтвердило линию партии, состоящую в том, что главной задачей рабочих депутатов остается всемерное использование думы как открытой трибуны для революционной агитации, а вовсе не для того, чтобы участвовать в бесполезной заседательской суетне, поскольку царская дума никогда не поддержит и не примет законов, которые облегчали бы жизнь рабочего класса.

О положении в думской социал-демократической фракции на Поронинском совещании было принято отдельное решение.

«Совещание находит, — записано в этом решении, — что единство с.-

д. фракции в области думской работы возможно и необходимо.

Однако совещание констатирует, что поведение 7 депутатов (то есть меньшевиков. — Прим. авторов.) серьезно угрожает единству фракции.

7 депутатов, пользуясь случайным большинством одного голоса, нарушают элементарные права 6 рабочих депутатов, представляющих громадное большинство рабочих России...

6 депутатов представляют громадное большинство рабочих России и действуют в полном согласии с политической линией его организованного авангарда.

Совещание поэтому находит, что только при полном равноправии двух частей фракции и только при отказе 7 депутатов от политики подавления будет возможно сохранить единство социал-демократической фракции в области думской работы.

Несмотря на непримиримые разногласия в области работы не только думской, совещание требует единства фракции на указанных выше началах равноправия двух ее частей.

Совещание приглашает сознательных рабочих высказать свое мнение по этому важному вопросу и способствовать всеми силами сохранению единства фракции на единственно возможной основе равноправия 6 рабочих депутатов».

На Поронинском совещании было также решено предъявить меньшевистской части фракции требование выставить ораторов в думу поровну от меньшевиков и большевиков, произвести перевыборы в бюджетную комиссию и Международное социалистическое бюро, назначить другого секретаря фракции. А если меньшевистская семерка не пойдет на эти условия, тогда идти на полное размежевание, раскол фракции и обратиться к рабочим России с открытым объяснительным письмом по этому принципиальному партийному вопросу.

Таким образом, депутаты-большевики получили четко разработанную программу действий. Теперь оставалось выяснить, как поведут себя и чем ответят меньшевистские депутаты после предъявления им этих требований.

В перерывах между заседаниями депутаты-большевики часто беседовали с Владимиром Ильичем. Его заразительная энергия, глубина и гибкость мысли, огромные знания, деловитость и вместе с тем почти детское простодушие, дружелюбие, искристый, от души, смех, когда он был в своем кругу, — все это притягивало к нему, хотелось подольше быть рядом с ним, смотреть на него, слушать его быструю, с легкой картавинкой, веселую, гневную, горькую или тихую задумчивую в часы дружеской

беседы речь.

Григорий Иванович Петровский оставил небольшую записку о днях, проведенных в Поронино вместе с Лениным.

«...Как-то вечером мы сидели на веранде, — вспоминает Петровский. — Во дворе за верандой Владимир Ильич поправлял велосипед. Потом он вдруг подскочил, уцепился за перила, подтянулся на руках и перескочил через перила на веранду. Мы помимо воли засмеялись. Владимир Ильич сказал, что скоро закроется почта и он может опоздать отправить сегодня материал совещания товарищам в Париж, Лондон, Берлин, Женеву и другие места, а товарищи с нетерпением ожидают наши резолюции. В России происходит революционный подъем, во время революции мешкать нельзя.

Нам, депутатам, стало неудобно за свой смех.

В дни напряженной работы совещания в Поронино Ленин находил возможность организовать для нас и отдых. Мы ходили в небольшое курортное местечко — Закопане. Там Владимир Ильич играл в шахматы, шутил, спорил. Но и во время отдыха он всегда помнил об основном — о революционной работе. Он расспрашивал нас, какой очередной вкладной лист дать в «Правде», как лучше организовать работу редакции...»

Владимир Ильич поручил Петровскому после возвращения в Петербург побывать у Алексея Максимовича Горького и попросить его стать ближе к «Правде», привлечь к сотрудничеству в газете прогрессивных писателей и помогать ей материально. Петровский был очень горд этим поручением Ленина и, приехав в столицу, посетил знаменитого пролетарского писателя, который с февраля 1914 года жил в финском селении Мустомяки, неподалеку от Петербурга.

Это была дружеская, душевная встреча. Разговор шел непринужденно. Горький, недавно вернувшийся в Россию из за границы, с любопытством выспрашивал Петровского о делах рабочих депутатов, а Петровскому было важно узнать, как Горький относится к революционному движению в России.

Петровский долго рассказывал Горькому о своей депутатской работе, о росте политического сознания пролетариата. Горький расспрашивал о новостях в партии, о трудностях нелегальной работы, о «Правде», о положении на фабриках и заводах. Петровский едва успевал отвечать на его многочисленные вопросы.

Потом они договорились, чем и как нужно помочь «Правде» и что берет на себя лично Горький. К сожалению, Алексей Максимович не сумел ничем помочь «Правде», вернее не успел, так как 8 июля 1914 года

правительство отдало распоряжение о закрытии ее. Большевики потеряли свою единственную массовую легальную газету.

Осенняя, третья, сессия думы началась 15 октября 1913 года.

На другой же день, выполняя решение Поронинского совещания, большевики на заседании социал-демократической фракции предъявили семерым депутатам-меньшевику ультимативное требование о восстановлении подлинного равноправия во фракции. Большевики заявили, что если их условия будут отклонены, то они выходят из фракции. Одновременно в «Правде», в номере от 18 октября, они напечатали письмо с призывом к рабочим поддержать требование шестерки. В ответ на это письмо в газету начали поступать резолюции рабочих собраний, в которых осуждались действия меньшевиков и выражалось согласие с позицией большевистских депутатов.

Однако меньшевики держались прежней линии. Никакого ответа на требование большевиков семерка не давала и по-прежнему продолжала выступать в думе от имени всей социал-демократической фракции с соглашательскими, путанными речами. А большевики, ожидая ответа, перестали вовсе участвовать в заседаниях фракции.

Наконец 25 октября меньшевистская семерка высказала свое мнение — требования депутатов-большевиков и тем самым Поронинского совещания были ею отклонены. Таким образом, раскол фракции практически совершился. Теперь уже нужно было идти до конца. 26 октября «Правда» опубликовала обращение большевистской шестерки ко всем рабочим с разъяснением всего, что произошло, и извещением о том, что теперь большевики организуют в думе самостоятельную фракцию.

Это был один из ответственных моментов в истории РСДРП. До сего времени вопрос о возможном расколе социал-демократической фракции обсуждался только в партийных организациях, а сейчас волею обстоятельств он выносился на суд рабочих масс; от их решения зависело, по какому пути пойдет дальнейшая революционная борьба в России.

Ленин и большевики верили, что пролетариат сумеет правильно разобраться в существе дела. Это подтвердилось потоком писем и резолюций в «Правду», в которых рабочие мощно подняли свой голос за линию большевиков. Видя, что с каждым днем их позиции слабеют, меньшевики обратились за поддержкой в бюро II Интернационала — представителем от Российской социал-демократической партии там был Плеханов, на поддержку которого рассчитывали меньшевики. Но Плеханов не только отказался ехать в Лондон, где заседало Международное

социалистическое бюро II Интернационала, но и послал туда письмо, в котором всю вину за раскол фракции возлагал на меньшевиков; в том же письме Плеханов извещал, что в связи с этим партийным конфликтом он выходит из состава бюро II Интернационала как представитель РСДРП. Меньшевики и тут потерпели провал.

Первое заседание самостоятельной большевистской фракции состоялось 27 октября. И хотя регистрация и бюрократическое оформление этой новой фракции натолкнулись на сопротивление не только председателя и президиума думы, но и меньшевистской семерки, в конце концов после различных оттяжек дума была вынуждена признать и зарегистрировать шестерых большевистских депутатов как самостоятельную полноправную фракцию.

Об этом депутаты послали телеграмму Владимиру Ильичу, который, собрав членов ЦК партии, поздравил их с образованием в царской думе самостоятельной революционной фракции РСДРП.

VIII. Обострение борьбы в думе. Провокатор Малиновский

Как ни трудно было большевикам вести свою работу в думе, но после создания своей фракции у них словно прибавилось сил, появилась двойная энергия. Это новое самочувствие сразу сказалось на всей деятельности большевистской фракции. Только за полтора месяца осенней сессии 1913 года большевики внесли на рассмотрение думы тринадцать запросов. За это время прошло двадцать четыре думских заседания, на которых большевистские депутаты выступили семнадцать раз. Кроме того, они разработали и предложили на обсуждение свой законопроект «О восьмичасовом рабочем дне», который был, кстати сказать, напечатан в газете «Правда» и стал предметом широкого обсуждения среди рабочих по всей России. Это было выдающееся мероприятие, сделанное в ту пору большевистской фракцией. Оно оказало сильное революционизирующее воздействие на массы, и, хотя рабочие понимали, что реакционная дума ни за что не примет этот законопроект, они готовы были бороться за него всеми доступными средствами, вплоть до стачек и демонстраций.

Григорий Иванович Петровский выступал во время третьей, осенней, сессии думы несколько раз.

Большевистская фракция вновь внесла на этой сессии запрос в думу по поводу провокационной деятельности агентов охранного отделения и ареста депутатов социал-демократической фракции II Государственной думы. Правые же депутаты предложили отложить рассмотрение этого запроса. Однако это противоречило параграфу думского наказа. Петровский воспользовался формальным нарушением правыми депутатами наказа и потребовал дать ему слово для защиты запроса фракции. Слово ему было дано.

Петровский выступил, но почти на каждой фразе его прерывал председатель. В конце концов он все-таки лишил Петровского слова. Такое отношение к речам большевистских депутатов вообще было характерно для черносотенной IV думы.

Как происходил грубейший зажим депутатов большевистской фракции, можно представить себе, хотя бы по выступлению Петровского в защиту этого запроса. Вот стенографическая запись этой речи, сделанная в стенах думы на заседании 25 октября 1913 года.

— Весь пролетариат, посылая нас сюда, — сказал, взойдя на трибуну,

Петровский, — приказал нам протестовать против провокации, жертвой которой стали наши товарищи, депутаты II думы. И теперь, когда мы выступаем с разоблачением этой гнусной провокации, вы хотите этот вопрос затушевать. Вы участвовали в похоронах очень многих и больших интересов народа, и вы хотите и тех представителей, которые защищали эти народные интересы, похоронить.

Председатель: Член Государственной думы Петровский, я прошу вас говорить о нарушении наказа.

Петровский: Но вам, господа, не удастся это. Пролетариат создаст великое движение, и за те жестокости, за то, что вы делаете для погребения наших депутатов, вам придется всем, господа, расплачиваться. Если бы вы выслушали эти слова, которые г. председатель не разрешил для вашего слуха, где нет буквально никаких преступных выражений, если бы вашего слуха коснулись эти выражения, вы, вероятно, не так бы протестовали. (Шум.)

Председатель: Прошу не шуметь, не слышно оратора. Член Государственной думы Петровский, прошу вас не читать.

Петровский: Я только хочу прочитать то, что запретил...

Председатель: Член Государственной думы Петровский, прошу вас не читать, а говорить о нарушении наказа.

Петровский: Так вот, господа, помните, что движение 1905 года завоевало то положение...

Председатель: Член Государственной думы Петровский, это не касается наказа.

Петровский: ...через которое вы сидите на этих скамьях...

Председатель: Член Государственной думы Петровский, лишаю вас слова! (Шум, рукоплескания справа.)

Дальше говорить Петровскому не дали. Его вообще часто лишали слова за чересчур резкие для ушей буржуазных депутатов речи. Его исключали не раз из думы на много дней и заседаний и даже выводили из зала силой, в сопровождении полицейских. Но это не пугало Петровского, он продолжал громить врагов рабочего класса с их же парламентской трибуны.

В эту же сессию думы, 1 ноября, Петровский выступил по запросу большевистской фракции о частых катастрофах на железных дорогах. Одной из главных причин Петровский назвал плохую подготовку специалистов-рабочих и низкую оплату их труда. Он очень резко говорил в адрес министра путей сообщения Рухлова, назвав его убийцей многих людей, погибших при катастрофах. За это Петровский был исключен из

думы на пять заседаний.

22 ноября он произнес речь об урезывании прав депутатов думы. За препирательство с председателем, который все время перебивал Петровского, он был опять лишен слова, едва успев начать говорить. Но в тот же день он снова вышел на трибуну, протестуя от имени своей фракции и некоторых других депутатов против передачи запроса о преследовании рабочих профсоюзов в комиссию, где его наверняка бы положили под сукно до неизвестных времен.

7 декабря, уже незадолго до зимних каникул, Петровский вновь взошел на думскую трибуну и бросил в лицо фабрикантам и правительству гневные слова: он клеймил незаконные аресты и высылки властями представителей рабочих, избранных в больничные кассы и другие организации пролетариата. В этой речи Петровский, как обычно не стесняясь, прямо заявлял о необходимости обновить прогнивший строй России.

Выступал Григорий Иванович и по другим вопросам на этой сессии думы. Время же, свободное от заседаний и составления речей, Петровский, как всегда, отдавал переписке с рабочими, с руководителями местных партийных организаций, сотрудничеству в газете «Правда».

После зимних каникул началась четвертая думская сессия.

Новый, 1914 год готовил для России и всей Европы большие и тяжелые испытания. Правительства капиталистических государств подбрасывали в политический котел Европы все больше и больше горячего, и пары шовинизма и национальной вражды вот-вот готовы были вырваться.

Вместе с тем пресс эксплуатации, который все сильнее и сильнее давил на плечи пролетариата, выжимал из рабочего люда ненависть к своим хозяевам и правительству. Гнев бурлил в массах. С марта 1914 года началась полоса политических стачек. Первые забастовочные гудки услышал Петербург, за ним — Москва, а потом стали останавливаться фабрики, заводы и рудники в Баку, Донбассе, на Урале. Рабочие были недовольны действиями властей: особенно преследованием и закрытием ряда профсоюзных организаций, гонениями на рабочую печать, замораживанием в думских комиссиях важных для жизни пролетариата запросов, которые вносились рабочими депутатами, а также политикой царского правительства, ведущей Россию к военному конфликту.

Напряженная политическая обстановка в стране вызвала острейшую борьбу в стенах IV Государственной думы. Страсти еще более разгорелись,

когда большевистская фракция внесла новый запрос об ускорении ответа правительства на прежний свой, первый, запрос о расследовании дела о Ленском расстреле и наказании виновных, который дума пыталась всячески замять, хотя уже минул второй год со дня этой кровавой расправы.

Петербургский комитет большевистской партии выпустил прокламацию с призывом к пролетариям поддержать запрос о ленской трагедии массовой демонстрацией. На улицы Питера вышло с красными флагами более шестидесяти тысяч рабочих. Эта демонстрация дополнилась новой вспышкой забастовок, вызванных массовыми отравлениями рабочих в Петербурге и Риге. В этой связи большевистская фракция внесла в думу специальный, безотлагательный запрос правительству. Между тем отравления на заводах продолжались, и депутаты-большевики вынуждены были внести на другой же день, вслед за первым, второй запрос в думу.

Рабочие Петербурга снова вышли на улицы. Произошли стычки с полицией; жандармы кое-где открыли стрельбу по толпе, рабочие отвечали градом булыжников. Полиция схватила и отправила в тюрьмы много демонстрантов.

Почувствовав угрожающую силу этих волнений, фабриканты сговорились и пустили в ход свое сильнейшее средство — локаут. Правительство тоже постаралось помочь им, закрыв профсоюз металлистов — один из руководящих центров стачечного движения в Петербурге. Однако эти меры только обострили положение, поскольку за ворота заводов были выброшены десятки тысяч рабочих столицы. В некоторых буржуазных кругах страх перед этой обреченной на голод человеческой массой вызвал требования найти какой-то выход из кризиса. В результате Петербургская городская дума поспешила ассигновать сто тысяч рублей на бесплатные столовые для безработных. Но, конечно, столовые эти были сразу же закрыты, как только волнения поутихли и испуг перед яростью толпы прошел.

В эти дни депутаты-большевики совместно с редакцией «Правды» и питерской партийной организацией провели, как это случалось и во время прежних локаутов, сбор пожертвований в пользу семей безработных рабочих.

А в Таврическом дворце продолжались меж тем бурные прения и схватки ораторов. Левых депутатов обрывали на полуслове или вовсе лишали права выступать. На скамьях левых партий поднимался шум. Депутаты обеих социал-демократических фракций — большевики и меньшевики — требовали слова для протеста. Правые же члены думы неистовствовали. Один из черносотенцев и лидеров крайне правых,

Пуришкевич, призывал с трибуны судить и повесить рабочих депутатов.

Спустя несколько дней капиталисты-заводчики прекратили локаут, рассчитав всех беспокойных и неугодных. Пролетарии столицы в этой схватке потерпели поражение.

Реакционные силы наседали со всех сторон. Ободренные подавлением стачек, правые депутаты в думе повели открытую атаку на левое, революционное крыло. Первое крупное столкновение двух враждебных лагерей произошло после того, как правительство потребовало привлечь к ответственности депутата социал-демократа, меньшевика Чхеидзе за то, что в одном из своих выступлений он говорил о преимуществах республиканского государственного строя перед монархическим. Вокруг этого разгорелась острая дискуссия... Даже буржуазно-либеральные партии — кадеты и прогрессисты — заявили протест против привлечения Чхеидзе к суду, видя в этом акте правительства покушение на конституционные права депутатов думы, которые они, эти партии, считали самым большим, священным достижением в борьбе за буржуазные свободы. И кадеты и прогрессисты грозились в том случае, если Чхеидзе будет привлечен к суду, голосовать против государственного бюджета. Прогрессисты даже внесли на рассмотрение проект закона о неприкосновенности депутатов за их речи с думской трибуны. Однако после «разъяснений» и внушений со стороны правительства (через председателя думы Родзянко) прогрессисты стали пересматривать свой проект и затягивать его обсуждение.

Понимая, что дело начинает оборачиваться фарсом, члены обеих социал-демократических фракций, большевики и меньшевики, предложили приостановить работу думы и не возобновлять заседаний до тех пор, пока не будет обсужден и принят законопроект о неприкосновенности депутатов. Либералы отказались голосовать за прекращение работы думы, но поддержали требование о принятии проекта о неприкосновенности. При общем голосовании реакционное большинство думы провалило предложения и либералов и социал-демократов.

Тогда большевики и меньшевики, а также присоединившаяся в этом к ним фракция трудовиков приняли решение сорвать методом обструкции обсуждение государственного бюджета. Они вторично потребовали принять закон о неприкосновенности до обсуждения бюджета. При диких криках и гвалте на скамьях правых депутатов это предложение было опять провалено. На трибуну тотчас же взобрался докладчик бюджетной комиссии Ржевский. Депутаты трех фракций — большевики, меньшевики и трудовики — встали и демонстративно покинули зал заседания.

Посоветовавшись, как действовать дальше, они вернулись в зал, когда на трибуне появился новый председатель совета министров Горемыкин.

Едва он начал свою речь, левые депутаты устроили обструкцию. С их скамей поднялся шум, стук, крики: «Свободу слова депутатам!» Несмотря на усилия председателя думы Родзянко, ему не удалось установить тишину, оратору говорить не дали. Родзянко вынужден был извиниться перед Горемыкиным. С тем новый председатель совета министров и покинул трибуну.

Правые дружно проголосовали за предложение Родзянко исключить на пятнадцать заседаний всех участвовавших в обструкции социал-демократов и трудовиков. Было исключено двадцать пять депутатов. Но перед тем как покинуть зал, исключенные депутаты один за другим всходили на трибуну и резко говорили о политике насилия и произвола, царящей не только в стране, но и в государственном парламенте (по думскому наказу каждый исключенный имел право взять слово для объяснений).

После этого депутаты левых партий — большевики, меньшевики и трудовики — покинули Таврический дворец.

На бурный натиск черносотенцев в думе рабочие Питера и Москвы ответили массовой забастовкой. В ней участвовало более ста тысяч человек. Фабриканты тотчас же применили свой «испытанный» локаут, а реакционная пресса начала изрыгать бешеные проклятия по адресу рабочей печати и рабочих депутатов, называя их сеятелями смуты в России.

Газета «Союз русского народа» — «Русское знамя» провокационно предлагала понизить рабочим заработную плату, так как-де «с голодухи не забастуешь, мятежами заниматься впору лишь сытым». Газета призывала взять пролетариев «в ежовые рукавицы», покончить с представительством рабочих в Государственной думе, в страховых органах и т. д. Предлагая лишить рабочих всех политических прав, эта реакционнейшая из газет заявила, что лишь в этом случае «возможно установить порядок и минует необходимость в целых полках полицейской кавалерии, ныне гарцующей для охранения порядка от рабочих по улицам столицы при каждой выходке социал-демократов в Государственной думе».

В такое напряженное для рабочего класса время меньшевики вновь показали свое истинное лицо колеблющейся, соглашательской партии. В своей газете «Луч» они повели разговоры о необходимости совместных действий с либералами. По этому поводу «Правда» писала 29 апреля 1914 года: «Не успели еще либералы вымыть руки, поддерживающие гг. Родзянко — Пуришкевича в расправе с депутатами социал-демократами и

трудовиками, как получили от ликвидаторов предложение о совместных действиях...»

Исключенные депутаты трех левых фракций решили выступить после возвращения в думу с общей декларацией. Они заранее подготовили текст и роздали его нескольким ораторам, с тем чтобы, если прервут и лишат слова одного оратора, чтение мог бы продолжать другой.

Декларация трех фракций была оглашена в думе 7 мая 1914 года.

Первый выделенный от фракции оратор начал чтение при сравнительно мирно настроенном зале.

— В Государственной думе двадцать второго апреля произошло событие, — читал он, — приковавшее к себе внимание страны: насильственно, с помощью военной силы, были удалены из заседания Государственной думы рабочие и крестьянские депутаты социал-демократы, трудовики за их протест против попыток правительства уничтожить свободное слово в Государственной думе... Октябрьское революционное движение 1905 года сломало и, казалось, сделало невозможным существование в России... (Голос справа: «Вон!» Шум.)

Однако поражение революционного движения в декабре 1905 года дало возможность темным силам прошлого перейти в наступление... (Шум.)

...Попирая в надежде на безнаказанность кровные интересы народных масс, правительство, являясь орудием крепостнической реакции, решило теперь разделаться окончательно с плодами освободительного движения... (Справа шум и голоса: «Вон!»)

...Уже с первого дня существования народного представительства власть не могла с ним помириться. Первая и вторая Государственные думы, в значительной степени отразившие чаяния народных масс, провозгласившие устами крестьянских депутатов требование земли и воли всему народу, были разогнаны... Убедившись за время пятилетнего существования третьей думы в неспособности правительственных классов вести борьбу даже за свои собственные права и достоинство... (Справа шум и голоса: «Вон! Что за безобразие?!»)

Свободное думское слово осталось единственной, последней силой, которой демократия еще могла пользоваться в думе, и власть решила, что настало, наконец, время нанести окончательный удар и уничтожить последнюю тень народного представительства. За мысли, высказанные с трибуны думы, она привлекла депутата Чхеидзе. Удар был направлен против всей Государственной думы, нарушая ясный смысл закона... (Шум справа.)

...и все-таки большинство думы не нашло в себе решимости ответить на удар ударом... Услужливая готовность и поспешность, с которыми дума применила к нам меру...

В этом месте председатель думы грубо прервал оратора, лишив его слова. На смену ему вышел Петровский и продолжал чтение декларации трех фракций.

— Мы, социал-демократы и трудовики, исполняли то, что считали своим долгом, — читал Петровский, — мы крикнули стране: «Последние остатки завоеваний 1905 года в опасности!» Мы крикнули стране, что без демократии и против демократии не может быть действительной борьбы с преступными попытками...

Председатель: Член Государственной думы Петровский, покорнейше прошу вас держаться в пределах рассматриваемого нами вопроса.

Петровский: Рабочий класс в ответ на ленские залпы...

Председатель: Член Государственной думы Петровский, я вас лишаю слова. (Рукоплескания справа.)

Вот так, в штыки, встретила дума декларацию двадцати пяти левых депутатов, подвергшихся исключению на пятнадцать заседаний. Наглое поведение черносотенцев в думе вызывало волнения рабочих масс по всей России. Невиданные до того размеры приняли первомайские демонстрации 1914 года. Не только в Петербурге, Москве, Донбассе, но и в других, считавшихся более «спокойными», промышленных районах страны переполненные улицы бурлили народом. Настороженные губернские власти усилили полицейский надзор, подняли на ноги полицейские жандармские и даже воинские части.

Черносотенцы в думе требовали от правительства бдительности и строгих мер. Известный своей ненавистью к революции депутат Пуришкевич, выступая 2 мая с думской трибуны, призывал своих единомышленников не предаваться благодушию и беспечности.

— Мы наблюдаем, — говорил он, — удивительную картину, — мы переживаем дни, напоминающие нам дни 1904 года, и, если мы не слепы, то увидим, проводя аналогию, если не полное тождество, то, во всяком случае, очень много общего между тем, что творится сейчас и что творилось в 1904 году.

Так оценивал события матерый враг пролетариата.

Исключенные левые депутаты не присутствовали при начале обсуждения государственного бюджета России. Когда их допустили к заседаниям, основная часть бюджета была уже утверждена. Но они все-таки успели принять участие в обсуждении некоторых отдельных смет. Как

и прежде, свои выступления депутаты-большевики использовали для беспощадной критики самодержавных порядков.

Григорий Иванович Петровский выступал по разным сметам четыре раза.

Он держал речь в прениях по смете министерства народного просвещения, но был прерван и лишен слова за то, что позволил себе резко осудить те надругательства и унижения, которым подвергают учителей по всей России. Выступал Петровский и с большой аргументированной речью по смете горного департамента. Резко критиковал он также политику правительства в крестьянском вопросе в связи с обсуждением сметы министерства земледелия. Эта смета отражала столыпинскую аграрную идею — поддержку кулака, — которую царизм продолжал проводить в жизнь и после убийства вдохновителя этой политики Столыпина.

Речи Петровского и других большевиков-депутатов по бюджету представляли ценный агитационный материал, который партийные организации использовали в работе с массами.

В эту зимнюю сессию Петровский выступал также и по другим наболевшим вопросам. Он высмеял министра внутренних дел, который на запрос о злоупотреблениях при выборах в IV думу ответил, что-де никакого систематического нарушения правил о выборах не было, а произошли только отдельные «промахи администрации» в губерниях. Но даже на скамьях буржуазных депутатов такое объяснение министра вызвало смех.

Защищал Петровский и спешность запроса своей фракции в связи с наложением на большевика А. Е. Бадаева полицейского штрафа.

Кратко дело обстояло так. 9 сентября 1913 года петербургские рабочие хоронили своих товарищей, погибших при взрыве на минном заводе. Депутат от питерских пролетариев А. Е. Бадаев, конечно, принял участие в похоронах. Бадаев обратился с речью к рабочим, но в этот момент налетела конная жандармерия и смяла ряды процессии. Полицейский пристав хотел было арестовать Бадаева, но, узнав, что он член Государственной думы, не решился. Бадаев решительно протестовал против незаконного налета полиции. Тогда на него был составлен протокол, где его обвиняли «во вмешательстве в действия полиции», за что петербургский градоначальник Драчевский наложил на Бадаева штраф в двести рублей. Бадаев, возмущенный, отказался платить. Тогда штраф был заменен шестидневным заключением в тюрьме; градоначальник собирался арестовать Бадаева сразу после окончания зимней сессии думы. Это наглое попрание закона о неприкосновенности депутатов думы и послужило причиной запроса большевистской фракции, от имени которой говорил Петровский. Он прямо

заявил, что если власти арестуют Бадаева, то все заводы Петербурга, и не только Петербурга, приостановят работу — пролетариат сумеет оказать поддержку своему депутату.

Надо сказать, что полиция так и не решилась подвергнуть Бадаева аресту.

Выступал Петровский и по поводу учреждения правительством исправительных домов. Внося в думу этот законопроект, министерство юстиции утверждало, что оно преследует лишь одну государственную цель — борьбу с бродяжничеством, тунеядством и нищетой. В исправительные «трудовые» дома правительство намеревалось засадить всех безработных. На деле это было еще одним орудием против забастовок. Петровский в своей речи обнажил подлинный смысл этой затеи правительства, показав, что исправительные дома не что иное, как тюрьмы для голодающих пролетариев и безземельных крестьян.

Полна страсти и гнева была речь Петровского об истязаниях политических заключенных в ряде каторжных тюрем, где люди подвергались избиениям, пыткам, где даже больных заковывали в кандалы.

Большевик Петровский не стеснялся в выборе выражений и сек врага по лицу наотмашь словами, которые тот заслуживал.

Именно за такие вот острые, как лезвие бритвы, слова его удалили с трибуны 12 мая 1914 года, когда он выступил в защиту свободы депутатского слова.

В эту сессию он еще несколько раз выходил на трибуну, глаз на глаз с ненавидящим его залом, и громил, громил и громил этих лощеных, сытых, вполне довольных жизнью господ, которые сидели на горбу народа и считали себя сливками российского общества.

Большевистским депутатам приходилось вести в думе ежедневную тяжелую борьбу, рассчитывая только на свои силы. А сил этих было всего — шесть человек, если считать и Малиновского. Но именно этот человек, именно он-то и нанес неожиданный, подлый удар по фракции, усугубив и без того натянутые отношения между большевиками и меньшевиками.

Это случилось в мае 1914 года. Малиновский вдруг неожиданно ушел из думы и большевистской фракции по никому не понятным в ту пору причинам. Поступок Малиновского оставался загадкой вплоть до Февральской революции 1917 года. Только когда были вскрыты архивы департамента полиции, стала понятна истинная причина: Малиновский, оказывается, был на службе у охранного отделения; он считался особо засекреченным агентом; его провокаторская деятельность шпиона и осведомителя стоила жизни или каторги многим лучшим партийцам-

большевикам.

Малиновский, уйдя из думы, тотчас перебрался за кордон, и его следы потерялись. Как потом выяснилось, он возвратился в Россию, когда началась война, был мобилизован на фронт, попал в плен к немцам. Он приехал в Россию уже после Октябрьской революции. В ноябре 1918 года провокатор Малиновский был расстрелян в Москве по приговору революционного трибунала.

Но в 1914 году депутаты-большевики не могли допустить и мысли о возможности столь чудовищного предательства. Одни члены фракции недоумевали, другие судили поступок Малиновского более резко, называя это дезертирством. Но, конечно, никто не знал истины.

Этим осложнением в большевистской фракции тотчас же воспользовались меньшевики. Они подняли вокруг истории с Малиновским демагогическую шумиху. Они буквально травили депутатов-большевиков. Какие только гнусные сплетни не распускали меньшевики, лишь бы опорочить думскую фракцию большевиков, оттолкнуть пролетариат от партии Ленина, заработать себе на этом неясном тогда еще деле политический капитал.

Петровский склонен был тогда объяснить поступок Малиновского особенностями его характера — нервозностью, неуравновешенностью, вспыльчивостью. Других видимых причин покинуть фракцию не было.

Так или иначе, но шум и сплетни вокруг имени Малиновского долго не утихали и доставили большевикам немало дополнительных хлопот. Во фракцию поступали десятки писем и резолюций с рабочих, собраний, в которых Малиновского сурово осуждали, как осуждают дезертира, бросившего в трудную минуту своих боевых товарищей. В некоторых же письмах сквозили растерянность и недоумение. На них тоже надо было что-то отвечать.

Владимир Ильич был очень озабочен, когда Петровский, приехав к нему в Поронино, рассказал о шумихе, поднятой меньшевиками в связи с Малиновским.

«Я был против избрания Малиновского в ЦК потому, — говорил Ленин при встрече с Петровским, — что он в прошлом был неизвестным для партии человеком, но большинство оказалось не на моей стороне — Малиновского избрали. Теперь, к сожалению, оправдались мои опасения... Эти мошенники, негодники, просто сволочь, — продолжал В. И. Ленин, имея в виду поведение меньшевиков, — хотят воспользоваться всяким случаем, даже подлейшим, чтобы помоями облить нашу партию, а на самом деле они только разлагают ряды рабочих на пользу царскому правительству

и охране. Провокатор ли Малиновский — это нам пока неизвестно. Разве можно в связи с этим травить партию — надо дать меньшевикам решительный отпор!»

Ленин посоветовал Петровскому не терять боевого духа и продолжать работу фракции так, как это делалось до сих пор, — смело, открыто разоблачать антинародную сущность царизма и ее верного прислужника — буржуазную думу. Петровский вернулся в столицу от Ленина ободренный, готовый к новым схваткам со всякими черносотенцами и правыми, к отпору меньшевикам.

Зимняя сессия думы была на исходе. Впереди опять предстояли поездки по губерниям, встречи с рабочими. Готовясь заранее к этим встречам, Григорий Иванович написал и опубликовал в газете статью под названием «Накануне свиданий с товарищами-избирателями». Это весьма примечательная статья, в ней он подвел итоги практической работы большевистской фракции во время зимней сессии. Григорий Иванович резко осудил Малиновского. В заключение Петровский просил рабочих-избирателей подготовиться к встрече с депутатами, подготовить для них специальные материалы по целому ряду вопросов — о росте массового сознания рабочих за год, о положении рабочих, условия их труда, взаимоотношении кооперативных, просветительных и других обществ с социал-демократическими ячейками.

IX. Петровский — председатель большевистской фракции

После ухода Малиновского председателем большевистской фракции в думе по предложению Ленина был избран Петровский.

Наступило время летних думских каникул, и все депутаты-большевики разъехались на места, с тем чтобы на рабочих собраниях рассказать о деятельности ЦК партии и большевистской фракции за период четвертой, зимней сессии думы.

Григорий Иванович Петровский, вернувшись в Петербург после свидания с Лениным в Поронино, тоже отправился в длительную поездку. Он намеревался побывать в Москве и Туле, а затем проехать в южные губернии, в свой родной Екатеринослав.

Политическая обстановка в это время в России была чрезвычайно накалена. Рабочее движение разрасталось. Усилия царского правительства и капиталистов репрессиями и локаутами сдерживать, остановить это грозное наступление возмущенных масс не приносили желательных результатов; они лишь способствовали тому, что забастовки начали перерастать в революционные демонстрации, которые могли прогреметь стихийным взрывом вооруженного восстания, как это было в 1905 году.

В начале лета сильные стачки произошли на Ижорском военном заводе в Петербурге и среди текстильщиков Московской губернии. Небывалая забастовка охватила рабочих-нефтяников Баку. Дело дошло до того, что напуганное правительство бросило против стачечников крупные армейские и казачьи части. Тогда бакинцы превратили город буквально в военный лагерь, перекрыв улицы баррикадами. Завязалась жестокая схватка. Но сила была на стороне властей, и вскоре баррикады пали.

Последовавшие затем свирепые расправы с бакинскими рабочими вызвали сильное возмущение по всей России. Пролетариат протянул своим бакинским братьям руку помощи. Первыми откликнулись, как это бывало и раньше, рабочие Питера. На Путиловском заводе состоялся митинг, где обсуждались меры помощи бакинцам. Подошедшие в это время полицейские части дали по толпе два винтовочных залпа. Несколько человек были убиты и ранены.

Это новое зверство всколыхнуло весь пролетариат столицы. На улицы вышли тысячи демонстрантов. Заводские дворы кипели митингами. В

Петербурге прекратили работу около ста пятидесяти тысяч человек.

В «Правду» сыпались резолюции митингов с возмущением и протестом против злодеяний властей. Газета помещала их на первых полосах под крупными заголовками. Номера «Правды» конфисковывались, за каждым большевистским газетчиком на улицах гонялись шпики и городовые и силой отбирали пачки газет.

Пресса черносотенного направления подняла дружный вой, призывая к расправе с рабочими, их организациями и печатью.

Такой оборот событий всполошил царских министров. Однако вновь пустить в ход оружие они не решились. Возможно, сдержанность объяснялась пребыванием в эти дни в столице президента Франции Пуанкаре. Надо же было показать главе «демократической» республики снисходительность его императорского величества к «шалостям» простодушного дитяти — российского народа.

Вскоре забастовки пошли на убыль. При попустительстве трудовиков и меньшевиков реакционные, буржуазные и буржуазно-либеральные партии организовали воинственные патриотические демонстрации. Они всосали в свой коловорот и много политически незрелых рабочих.

Депутаты-большевики в это время находились в губерниях, среди своих избирателей-рабочих. На этот раз главной целью их поездок было не столько информирование местных подпольных организаций о работе фракции в минувшую думскую сессию, сколько помощь им в подготовке к очередному съезду партии, о чем было решено на Поронинском совещании в сентябре 1913 года. Большую работу нужно было провести и по подготовке к участию в Международном социалистическом конгрессе, который намечалось собрать в Вене в августе 1914 года. Съезд РСДРП приурочивался к этому же времени. Важно было добиться, чтобы на конгресс послать как можно больше большевиков. Об этом настойчиво напоминал Ленин в своих письмах в «Правду» и Петровскому как председателю думской фракции. На конгрессе, подчеркивал Ленин, должен быть представлен подлинный рабочий, а представительство от тех партийных организаций, которые по конспиративным или другим причинам не смогут послать своих делегатов, должна взять на себя думская фракция большевиков. Ленин в письмах просил, чтобы на конгресс обязательно поехали все депутаты-большевики, поскольку, будучи сами рабочими, они осуществляют в думе подлинное представительство российского пролетариата. Ленин даже советовал в случае чрезмерной перегрузки депутатов-большевиков отказаться от какой-то части работы в думе, лишь бы обеспечить активное участие местных партийных

организаций в выборах делегатов на партийный съезд и на социалистический конгресс.

Из-за сложной обстановки в стране и сильнейших репрессий против руководителей большевистской партии Русское бюро ЦК фактически лишено было связей с местными организациями и с границей. Поэтому вся тяжесть поддержания связей с ЦК, с Лениным и руководства партийной работой в России падала на думскую большевистскую пятерку и газету «Правда» (до ее запрещения).

В июле 1914 года Петровский опять ездил к Ленину в Поронино. Как раз в это время бюро II Интернационала созвало в Брюсселе совещание, где обсуждался вопрос об объединении разных фракций и групп русской социал-демократии. В этом совещании, кроме лидеров II Интернационала — Вандервельде, Каутского и других, участвовали представители от меньшевиков, литовских и польских социал-демократов, еврейского «Бунда», а в качестве представителей ЦК РСДРП (большевиков) — М. Ф. Владимирский, И. Ф. Попов и Инесса Арманд (руководитель делегации).

От этой делегации Ленину пришло письмо, в котором товарищи писали, что в Брюсселе ходят провокационные слухи о том, что якобы Ленин находится в Брюсселе и руководит делегацией, сидя в кафе, но на совещание бюро II Интернационала появиться не хочет — будто бы боится ответственности за разобщение социал-демократических групп в России.

От души посмеявшись над этой чепухой, Ленин сказал Петровскому:

— Давайте пошлем отсюда, из Поронино, телеграмму Вандервельде за моей и вашей подписями. Таким образом, все сплетни о моем пребывании в Брюсселе лопнут, как мыльные пузыри!

Так и было сделано, что весьма потешило большевистскую делегацию и смутило тех участников Брюссельского совещания, которые распространяли эти нелепые слухи.

Почти одновременно с письмом из Брюсселя в Поронино пришла телеграмма из Петербурга о том, что в столице начались мощные забастовки, стычки с полицией, а в Баку — баррикадные бои рабочих с солдатами. По совету Ленина Петровский срочно выехал в Петербург. А затем оттуда уже отправился в Москву, Тулу, Харьков и Екатеринослав.

Весть о начале войны застала Григория Ивановича на подпольном собрании партийных активистов в Екатеринославе, где он делал доклад. Из Петербурга ему сообщили телеграммой, что созывается экстренное заседание Государственной думы. Надо было спешить назад, в Питер.

Собрание успело все же до отъезда Петровского обсудить вопрос об отношении екатеринославских большевиков к начавшейся

империалистической войне. В принятой общим голосованием резолюции высказывалось отрицательное отношение к войне и большевистским депутатам думы предлагалось выступить против военных кредитов правительству. Вместо шовинистического лозунга об «обороне отечества», который не сходил со страниц правых газет, собрание призвало бороться всеми силами против войны.

К началу войны подготовительная работа по созыву партийного съезда и участию в Международном социалистическом конгрессе, которую Ленин и ЦК партии поручили Петровскому и другим депутатам-большевикам, была во многом завершена. Было выбрано уже более половины делегатов на предстоящий съезд, составлены наказы им, стали поступать по условным адресам мандаты делегатов; были подготовлены все подпольные явки, паспорта, собраны средства на расходы по съезду и т. д. Не было сомнений, что съезд откроется в намеченный срок и что участие большевиков в Международном социалистическом конгрессе будет обеспечено.

Но все изменила война. Установившийся в стране жестокий режим, беспощадные репрессии не дали возможности созвать партийный съезд. Международный конгресс тоже в условиях войны собраться не мог.

Последовавшие за объявлением войны события нанесли революционному движению тяжелый удар.

Реакция поспешила в полной мере воспользоваться таким сильным оружием, как режим чрезвычайного военного положения. Злобным духом шовинизма был пропитан, казалось, даже сам воздух в России. При полной поддержке Государственной думы (кроме большевистской фракции) правительство бросилось прежде всего душить партийные кадры, рабочие организации, всю рабочую печать.

К счастью, Петровский успел своевременно скрыть все документы, относящиеся к созыву съезда партии, и они не попали в руки царской охраны. Как только была объявлена война, М. С. Ольминский и А. Е. Бадаев по его поручению тайно перевезли партийные документы в Финляндию, передав их на хранение надежным финским социал-демократам. Редакция газеты «Правда» была разгромлена 8 июля, и все ее сотрудники арестованы.

В Петербурге и других городах шли массовые аресты. Тюрмы за каких-нибудь две недели были переполнены. А на улицах обеих столиц почти ежедневно происходили патриотические шествия и манифестации с портретами царя, трехцветными флагами и пением гимна «Боже, царя храни». Толпы обывателей и мелких хозяйчиков, смешанные с

черносотенцами и явными бандитами, подбадриваемые полицией, осененные крестом, врывались в квартиры и чинили разбой, издевательства над теми, кто не обнаруживал «истинно патриотических чувств». Людей избивали на улицах, в конках, в магазинах. В Петрограде одна такая дикая орда устроила погром германского посольства, а в Москве и некоторых других городах бандиты нападали на торговые и промышленные предприятия, принадлежавшие немцам.

Было несколько мужественных попыток рабочих выступить против воинственного угара, но всякий раз эти выступления разбивались о разъяренную уличную толпу «патриотов», которая с криками «Предатели, изменники!» бросалась при поддержке полиции на рабочих, избивала, связывала рабочих и помогала городским доставить их в участок.

Либеральные и черносотенные газеты что было мочи подливали масло в огонь. Ежедневно они помещали на видных местах патриотические заявления лидеров всех фракций Государственной думы. Только фракция большевиков отказывалась давать верноподданнические, славословящие войну заявления. Газеты пестрили призывами к народу русскому постоять за родную землю, за веру, за царя.

В эти дни испытаний для всего рабочего движения Петербургский комитет большевистской партии показал свою революционную, классовую зрелость и мужество. Выпущенная им сразу после объявления войны прокламация отражала истинно пролетарскую антивоенную позицию. «Кровавый призраок веет над Европой. «Долой войну! Война — войне!» — должно катиться мощно по градам и весям широкой Руси. Рабочие должны помнить, что у них нет врагов по ту сторону границ... Нет, мы не хотим войны! — должны заявить вы. — Мы хотим свободы России! Вот должен быть ваш клич...»

Прокламация эта помогла некоторому протрезвлению голов многих рабочих, поддавшихся в первое время военному психозу.

Все партии — либералы, кадеты, трудовики и даже меньшевики — настороженно ждали, какую позицию займет на созываемой чрезвычайной сессии Государственной думы фракция большевиков: будет ли она, как другие, поддерживать военные кредиты или же будет голосовать против них.

Вот как описывал сам Григорий Иванович Петровский обстановку в эти дни в думе и трудное положение, в котором находились депутаты-большевики:

«При частых встречах в думе с депутатами — кадетами и трудовиками нас спрашивали: «Неужели вы будете во время войны проводить

революционную работу? Как это можно? Питерский комитет издал пораженческую прокламацию. Это, верно, охранка написала, чтобы легче с вами расправиться, или немецкие агенты?»

Наше положение было не из легких, когда нас ставили сразу под подозрение и заносили в число агентов немецкого империализма. При оценке тогдашнего положения мы были немного наивными, ибо считали, что социал-демократы других стран ведут революционную работу, как и мы. Нам еще не была известна позиция социал-демократов, в частности немецких, которые голосовали за войну».

Для выработки общей декларации об отношении к войне было проведено по инициативе большевиков несколько совместных совещаний трех левых фракций думы. На совещаниях шли горячие споры, главным образом между большевиками и меньшевиками, так как фракция трудовиков с самого начала устами Керенского прямо заявила, что она считает необходимым поддержать объявленную войну. Некоторые же меньшевики во главе с Чхеидзе занимали тогда еще неопределенную, колеблющуюся позицию, но склонялись к «оборончеству».

После долгих споров и поправок был выработан, наконец, текст декларации, под которой поставили подписи члены двух фракций — большевики и меньшевики.

Экстренное, в связи с войной, заседание думы открылось 26 июля 1914 года. На нем лидеры всех думских фракций огласили заявления, в которых выражалось отношение той или иной партии к войне. От имени фракции трудовиков с отдельной декларацией выступил Керенский. В ней после фальшиво-революционных фраз говорилось: «...Мы непоколебимо уверены, что великая стихия российской, демократии вместе с другими силами даст решительный отпор нападающему врагу и защитит свои родные земли и культуру, созданные потом и кровью поколений!»

Потом была оглашена единая декларация социал-демократических фракций (большевиков и меньшевиков).

Вот что писал по поводу этой декларации Григорий Иванович Петровский: «Подготовка совместного с меньшевиками выступления в Государственной думе очень испортила ясность нашей интернационалистической позиции. Среди нас — рабочих депутатов — не было расхождений в вопросе о поражении царского правительства. Меньшевики не только смазали наши предложения, но и дали указание Хаустову, который читал декларацию в думе, не читать слишком резких мест, внесенных нами... Потом мы поняли свою ошибку, что связались с меньшевиками для выработки общей декларации, и решили довести до

сведения рабочих и партийных организаций о том, что мы целиком за поражение царского правительства и за революционные действия рабочего класса».

Когда все фракции огласили свои декларации, дума тотчас же спешно перешла к обсуждению военного бюджета. И тут большевики показали истинный образец мужества и своего интернационального пролетарского долга. Все пятеро депутатов, возглавляемые Петровским, встали во время голосования и демонстративно покинули зал заседания в знак протеста против военных кредитов.

Реакционная дума встретила уход большевистских депутатов бешеным криком, руганью, свистом. А Владимир Ильич, узнав об этом, дал поведению рабочих депутатов высокую оценку.

Оглашение декларации в думе и протест большевиков против кредитов на войну стали как бы исходной точкой для всей антивоенной подпольной работы местных партийных организаций в массах. Работа эта в условиях чрезвычайного положения в стране была очень трудна. Трудности усугублялись еще и тем, что связь с заграничным партийным центром — ЦК и Лениным — была нарушена войной и перекрытием границ. ЦК партии подвергся гонению со стороны австрийских властей, а Владимир Ильич Ленин был даже посажен в тюрьму (к счастью, ненадолго). Связь с ЦК, и то лишь в какой-то мере, удалось восстановить только через два месяца.

Поскольку «Правда» была уже разгромлена, сложно было организовать печатание антивоенных прокламаций. С превеликими трудностями подпольному Петербургскому комитету и думской фракции большевиков удалось, наконец, наладить тайную типографию, где была оттиснута и затем распространена по заводам листовка с призывом «Война — войне!». Прокламация всполошила всю царскую охранку в Петербурге.

Нелегальная партийная работа с большой осторожностью велась и в других промышленных городах. Понемногу с местными организациями налаживалась связь. Назначались места явок, новые пароли; конечно, никаких митингов или больших собраний устраивать было невозможно. Полиция смотрела за этим, что называется, в десять пар глаз.

Фракция большевистских депутатов во главе с Петровским, став перед лицом свершившегося — войной, потеряв связи с ЦК партии и Лениным, заняла твердую антивоенную позицию в соответствии с решением Международного социалистического конгресса, состоявшегося в 1912 году в Базеле. Этот конгресс во время назревавшего тогда балканского кризиса обратился к пролетариату всех стран с манифестом против войны.

Теперь же, на другой день после объявления войны, лидеры II Интернационала совершили беспрецедентное в истории предательство рабочего класса, пошли на поводу у своих правительств, превратившись в орудие помощи национальной буржуазии, в результате чего появилась так называемая позиция «оборончества».

Став на путь измены мировому пролетариату, лидеры II Интернационала повелели своим парламентским фракциям голосовать за военные бюджеты, стали входить в состав своих буржуазных правительств. На этот путь они попытались подтолкнуть и русских социал-демократов, поручив выполнить миссию предательства председателю II Интернационала бельгийскому социал-шовинисту Эмилю Вандервельде. Тот, в свою очередь, послал русским социал-демократическим фракциям в думе — большевикам и меньшевикам — телеграфное обращение такого характера, что даже военная царская цензура пропустила его. Вандервельде призывал русский революционный пролетариат «стать на общую точку зрения социалистической демократии в Европе», то есть поддержать военные усилия царского правительства.

«Эмиль Вандервельде, делегат Бельгийской рабочей партии в Международном социалистическом бюро, а со дня объявления войны — министр». Так и подписал, не постеснялся!

Казалось бы, что ответ русских социал-демократических фракций на такую телеграмму может быть только один — резко отрицательный, разоблачающий провокационную, предательскую сущность этого предложения. Тем более что совсем недавно, 26 июля, меньшевики и большевики огласили в думе совместную декларацию против войны. Но теперь меньшевики, немного поколебавшись, также ступили на путь предательства пролетарской солидарности. Они провозгласили позицию «оборончества», обещав в своем ответе Вандервельде не противодействовать войне, что означало ее поддержку.

Большевистская фракция по инициативе Петровского дала совершенно иной ответ.

«...Русский пролетариат, — писали депутаты-большевики, — не может ни при каких условиях идти рука об руку с нашим правительством, не может заключать с ним никаких, хотя бы временных, перемирий, не может оказывать ему никакой поддержки... Напротив, мы считаем своей неотложной задачей вести с ним самую непримиримую борьбу, стоя на почве старых требований, столь единодушно выдвинутых и поддержанных русским рабочим классом в революционные дни 1905 г. и снова встретивших широкое признание в массовом политическом движении

русского рабочего класса за последние два года».

На том же заседании большевистской думской фракции, когда составлялся ответ на телеграмму Вандервельде, было решено провести намечавшуюся еще раньше конференцию членов фракции с представителями некоторых крупных партийных организаций, которые были выбраны на эту конференцию во время последнего объезда рабочими депутатами страны. На конференции предполагалось обсудить практические методы по восстановлению и укреплению нелегальных организаций, оживить их работу, скованную военным режимом, подумать, как лучше наладить связи партийных организаций с фракцией, как организовать политическую агитацию в действующей армии, как развернуть сеть подпольных типографий и другие вопросы партийной работы.

На совещании предстояло особо обсудить тезисы Ленина о войне, а также манифест ЦК партии, разоблачающий истинный смысл империалистической войны, измену вождей II Интернационала.

Накануне конференции к Петровскому на квартиру пришла женщина латышка, член партии. Она передала Григорию Ивановичу письмо из Стокгольма от Шляпникова и пару ботинок, предложив сорвать набойки с каблуков. Петровский сбил набойки и вытащил из проделанных в каблуках лунок два экземпляра газеты «Социал-демократ» № 33. В газете была напечатана ленинская статья «Война и российская социал-демократия». Петровский тотчас собрал членов большевистской фракции и прочел им эту статью, подписанную ЦК партии. Фракция большевиков с удовлетворением убедилась, что ее антивоенная линия в основных положениях не расходилась с ленинской. Потом Петровский передал газету в Питерский комитет большевиков для ознакомления.

Подготовку к конференции члены большевистской фракции вели с соблюдением строжайшей конспирации. Делегатам сообщили адреса явок и пароли. Чтобы предотвратить любые случайности, было условлено, что до начала совещания делегаты из губерний не станут встречаться с членами фракции.

Намеченную сперва квартиру для сбора заменили другой. Решили провести конференцию в ноябре, за городом, в местечке Озерки по Выборгскому шоссе, в доме заводского конторщика Гаврилова, считавшегося надежным товарищем.

Широкой конференции, как это было задумано, не получилось: большинство представителей местных организаций были арестованы по дороге в Петербург или же просто не смогли приехать. Из двадцати двух

делегатов прибыло только шестеро. Тогда порешили устроить не конференцию, а просто совещание. Пробирались в Озерки с большими предосторожностями, но охранка, видимо, уже знала о совещании заранее.

В небольшой квартире собрались все члены фракции, представители местных партийных организаций: М. Воронин (от Иваново-Вознесенска), В. Н. Яковлев (от Харькова), Линде (от Риги) и двое от петербургской организации — Н. Антипов, член исполнительной комиссии ПК, И. Козлов, путиловский рабочий, член правления страховой кассы. Приглашенный на совещание Каменев, живший тогда в Финляндии, сообщил, что из конспиративных соображений он приедет через день.

Совещание началось 2 ноября 1914 года. Делегаты рассказывали о положении на местах — в губерниях, о работе организаций, настроении рабочих и их отношении к войне. Выяснилось, что повсюду партийные силы и даже легальные профессиональные союзы понесли тяжелые потери от арестов, но все же некоторая работа велась: надежды на укрепление подпольных комитетов и активизацию их деятельности все делегаты связывали с сохранением думской большевистской фракции, которая в это лютое время была единственным центром, связывающим все партийные организации в России.

На второй день обсуждался главный вопрос — о военной платформе партии. Тезисы Ленина были поддержаны единогласно. Предстояло теперь размножить их и разослать во все губернии, где еще сохранились партийные организации, с тем чтобы широко развернуть антивоенную агитацию. Об этом шла речь на третий день — 4 ноября. Неожиданно, часов около пяти вечера, в дверь раздался сильный стук. Под ударами винтовочных прикладов дверь сорвалась с петель и рухнула. В комнату ввалилось больше десятка полицейских и жандармов. Офицер с револьвером в руке скомандовал: «Руки вверх!»

— По какому праву? — спросил, выходя вперед, Петровский. Он старался выглядеть невозмутимым. — Я и эти мои товарищи — члены Государственной думы, и вы, я надеюсь, знаете закон о неприкосновенности депутатов... Вот мой мандат...

Офицер взял в свободную руку удостоверение на имя депутата думы Петровского, повертел его так и эдак, вернул Григорию Ивановичу и с любопытством оглядел невысокую фигуру Петровского.

По-видимому, депутатский мандат Петровского возбудил в офицере почтение, и он стал вежливее.

— Прошу прощения, господа, — жандармский ротмистр небрежно кинул руку к козырьку фуражки, — у меня имеется ордер на арест, — он

показал бумажку с подписью начальника Петроградского жандармского управления.

Пока Петровский говорил с офицером, полицейские успели уже вывернуть все карманы у Бадаева, Шагова, Самойлова и других товарищей. Муранов и Петровский категорически заявили, что не позволят себя обыскивать, и несколько раз отразили попытки жандармов ощупать у них карманы. К протестам Петровского и Муранова присоединились другие депутаты. Неуверенный в том, имеет ли право он арестовать и обыскать членов Государственной думы, ротмистр несколько раз убегал из дома — пытался дозвониться до своего начальства и получить разъяснение. Между тем, пользуясь замешательством среди полицейских, участники совещания тайком пытались уничтожить компрометирующие документы — адреса явок, протокол совещания, записи в личных блокнотах. Но все материалы уничтожить не успели. Возвратившийся с улицы ротмистр сообщил, что скоро сюда прибудет его начальство и депутаты смогут объясниться с ним лично, а пока он обязан держать арестованных под охраной. Офицер приставил к ним жандармов и запретил всем переговариваться. К вечеру примчался жандармский генерал. Узнав, что еще не все обысканы, он выругался и приказал обыскать Петровского и Муранова силой. Полицейские накинулись на них, выворачивая руки и шаря по карманам. Протесты не достигали ушей генерала, молча и хмуро наблюдавшего эту сцену.

Но как заиграло улыбкой лицо высокого чина, когда из кармана Петровского вынули газету «Социал-демократ» с ленинской статьей. Обнаружили еще кое-какие документы. Некоторых участников совещания и хозяйку квартиры Гаврилову (самого хозяина не было) отправили под конвоем в тюрьму, а депутатов думы отпустили, вернув каждому отобранные личные вещи и депутатские билеты.

Уже светало, когда Петровский и его товарищи покинули злополучный дом. Едва они прошли сотню шагов, как натолкнулись на полицейских, патрулирующих по улице. В боковых переулках также видны были размазанные утренними сумерками силуэты городских. Перед депутатами прошмыгнул и быстро пошел вперед — в ту сторону, куда шли они, человек в штатском. Потом они заметили таких же молчаливых субъектов позади. Шпики сопровождали их до самого города совершенно открыто. Каждого из депутатов они «любезно» проводили до дверей квартиры. Ясно было, что депутатской «неприкосновенности» положен конец. По-видимому, правительство уже приняло относительно их какое-то решение.

С наступлением утра депутаты собрались вместе, чтобы обсудить, как

быть дальше. Решили, во-первых, известить о случившемся все подпольные партийные комитеты; во-вторых, потребовать сегодня же, то есть 5 ноября, от председателя думы Родзянко принять меры против произвола полиции, нарушения ею закона о депутатской неприкосновенности. С этим требованием Петровский, как председатель большевистской фракции, и отправился к Родзянко. Он вручил тому заявление, подписанное пятью членами фракции. Депутаты-большевики во время перерыва между заседаниями рассказали в кулуарах думы депутатам левых фракций о наглом налете полиции. Некоторые выражали им сочувствие, обещали сказать об этом безобразии с думской трибуны, заявить протест правительству и т. п. Но, конечно, большевики не могли ожидать поддержки от черносотенной думы, которая не простила им ни одного антиправительственного выступления, а тем более голосования против военного бюджета.

В этот день ни Петровскому, ни другим депутатам-большевикам не удалось оповестить о случившемся партийные организации и профсоюзы Петрограда. Наутро они уже были в руках полиции: всех пятерых депутатов взяли прямо из квартир.

Так, насильственно, правительство 5 ноября 1914 года пресекло деятельность рабочих депутатов — Г. И. Петровского, А. Е. Бадаева, М. К. Муранова, Ф. Н. Самойлова, Н. Р. Шагова. Большевистская фракция в думе прекратила свое существование.

Их рассадили по одиночным камерам в доме предварительного заключения на Шпалерной улице.

Ленин, узнав об аресте депутатов-большевиков, был очень встревожен. «Ужасная вещь, — писал он Шляпникову в Стокгольм. — Правительство решило, видимо, мстить Р.С.-Д.Р. фракции и не остановится ни перед чем. Надо ждать самого худшего: фальсификации документов, подлого подбрасывания «улик», лжесвидетельства, суда с закрытыми дверями и т. д. и т. д. ...»

Во всяком случае работа нашей партии теперь стала во 100 раз труднее. И все же мы ее поведем! «Правда» воспитала тысячи сознательных рабочих, из которых вопреки всем трудностям подберется снова коллектив руководителей — русский Ц.К. партии».

Х. Судилище над рабочими депутатами

После заключения депутатов-большевиков в тюрьму правительство какое-то время хранило молчание. Зато реакционные газеты подняли вой, призывая к расправе с рабочими депутатами, изменившими якобы отечеству, предавшими родину и народ русский. Черносотенные журналисты пытались создать так называемое «общественное мнение». А наиболее кровожадные из них открыто требовали для рабочих депутатов виселицы.

Либеральная буржуазная пресса же «благоразумно» отмалчивалась, как будто вообще ничего такого особенного не произошло. В самой думе депутаты различных партий толковали между собой не о том, чтобы защитить как-то престиж думы и права ее членов от произвола властей, а лишь о том, как бы арест рабочих депутатов не вызвал новых волнений на заводах и фабриках.

Полиция, жандармерия и охранка начали массовые аресты в рабочих организациях.

А Николай II, демонстрируя «единение царя с народом», в сопровождении огромной свиты сановников, попов и, понятно, тайной полиции разъезжал в эти дни по петроградским заводам и фабрикам, произнося речи и похваляясь демократическим обращением с рабочим людом.

Но понемногу тревожная весть об аресте депутатов стала проникать в среду рабочих. Однако выступить открыто в их защиту даже закаленные питерские пролетарии не могли. Свирепый военно-полицейский режим, массовые аресты, патриотический угар среди населения столицы — все это сильно давало себя знать, сковывало по рукам и ногам.

Официальное сообщение об аресте депутатов появилось в газетах только 9 ноября. Им предъявлялось обвинение в «измене отечеству». Эта клевета была встречена разными слоями населения по-разному. Захваченные шовинистическим военным психозом обыватели и отсталые рабочие ругали на чем свет окаянных «германских шпионов» — большевиков и выражали свои верноподданнические чувства царю. Среди же сознательных рабочих вся эта бездарная комедия вызвала чувство горечи и возмущения. Реакционная печать и черносотенцы в думе подняли восторженный вой, хваля твердую государеву руку, которая покарает предателей.

Наконец и трусливые либеральные газеты подали голос. Они похваливали фракцию трудовиков во главе с Керенским и фракцию меньшевиков во главе с Чхеидзе, ставя им в заслугу, что они, эти фракции, презрели свои политические цели во имя родины и голосовали вместе со всей думой за «оборону дорогого каждому русскому отечества», то есть за кредиты на войну.

Уцелевшие от репрессий члены большевистского Петербургского комитета выпустили 11 ноября отпечатанную на гектографе (типография уже была разгромлена) прокламацию с призывом к рабочим ответить на подлый арест их депутатов кратковременной забастовкой.

Листовки, протестующие против полицейской расправы над членами большевистской фракции, появились и в других городах.

На призыв Питерского комитета рабочие нескольких заводов столицы откликнулись однодневными забастовками и митингами. Волнения пролетариата были и в других промышленных городах. Власти сразу же применили к «смутьянам» меры военного наказания: много рабочих, имевших отсрочку по мобилизации как запасники и «ратники», были сняты с льготного учета и отправлены на фронт.

На допрос арестованных депутатов привезли всех вместе, поэтому им удалось переговорить друг с другом и условиться, как держаться на следствии. В один голос они утверждали, что на квартиру Гавриловой собрались, чтобы обсудить некоторые свои депутатские дела — о помощи страховым рабочим кассам, об издании рабочей газеты; что отношение свое к войне они высказали открыто еще раньше, 26 июля, в думе в декларации социал-демократических фракций и т. д.

Муранов вообще отказался что-либо говорить следователю.

Арестованные держались достойно, без тени страха перед жестокими законами военного времени. Лишь один Каменев еще на следствии начал открещиваться от политической линии ЦК партии против империалистической войны. Каменев показал следователю, что он явился на совещание только потому, что был как журналист заинтересован в воссоздании рабочей газеты, в которой сотрудничал раньше, но что касается отобранных у депутатов материалов политического характера, то он, Каменев, не может быть ответственным за них, поскольку их содержание противоречит его политическим убеждениям и взглядам на войну.

Правительство торопило следствие с тем, чтобы поскорее передать дело в военный суд и там за закрытыми дверями покончить раз и навсегда с

рабочими депутатами.

Тем временем шовинистический угар в народе постепенно проходил; люди, оглядевшись, стали трезвее смотреть на вещи, с неодобрением поговаривать о войне. Обстановка в России для смертной расправы с депутатами-рабочими складывалась не очень-то подходящая. Русская армия терпела поражения одно за другим, несла большие потери. Эшелоны, набитые ранеными, тянулись в глубь страны нарастающим потоком. Стало плохо с продовольственным снабжением в городах, кряхтели от больших военных поставок крестьяне. Среди населения росло недовольство положением на фронте и внутри страны. А на передовых позициях роптали усталые солдаты, истосковавшиеся по семьям и родному дому. Настроения эти не внушали оптимизма генералам в ставке главного командования.

В кругах либеральной буржуазии началось замешательство. Стали раздаваться голоса с призывом как-нибудь потихоньку, без шума, спустить «депутатское дело» на тормозах, дабы не разжигать страстей среди рабочих и не давать пищи для нежелательных, опасных толков в армии. Родзянко даже отважился направить председателю Совета министров Горемыкину протест против нарушения депутатской неприкосновенности. И это спустя месяц после ареста рабочих депутатов! Кстати, в «протесте» о самом аресте депутатов не было ни слова. Ясно, что эта инсценировка понадобилась думе лишь для того, чтобы пустить народу в глаза демократическую пыль, создать видимость недовольства действиями полиции.

Допросы депутатов-большевиков шли своей чередой. Следователь Петроградского окружного суда по важнейшим делам Машкевич тщетно старался выискать такие формальные доказательства, которые бы подтвердили обвинение депутатов в измене родине, как было официально заявлено в правительственном сообщении. Такое обвинение грозило в военное время смертной казнью.

Однако ни добытые при обыске депутатов большевистские газеты и листовки, ни письма рабочих к депутатам, ни личные дневники Петровского и блокнот Муранова, ни показания самих арестованных, отрицавших обвинение в измене родине, — ничто не давало в руки следствия материала, нужного для обоснования смертного приговора.

Голоса протеста против расправы с лучшими представителями российского пролетариата раздавались в стране все чаще и все громче. Петербургский комитет большевиков успел в дни следствия выпустить несколько прокламаций, призывающих рабочих своей сплоченностью и

единством показать правительству, что никакие каторжные приговоры не смогут сломить революционное движение в России, не запугают авангард рабочего класса.

Царь не решился казнить рабочих депутатов. По его высочайшему повелению материалы следствия были переданы не в военный суд, как замышлялось, а в суд по гражданским делам. По Петрограду пронеслась невероятная весть: против военного суда над депутатами выступил не кто иной, как его императорское высочество, великий князь Николай Николаевич, дядя Николая II. Сперва никто не хотел верить этому слуху, но вскоре он подтвердился. Как потом выяснилось, великий князь мотивировал свое мнение тем, что казнь депутатов может повлечь волнения не только на заводах, в тылу, но и в армии. «Я не могу поручиться за спокойствие в войсках», — якобы сказал он царю.

Таким образом, силой многих сложившихся в их пользу обстоятельств депутаты были спасены от смертной казни. Следственные материалы передали в особое присутствие Петроградской судебной палаты. После этого арестованным дали возможность просмотреть, прочесть пухлые папки составленного на них судебного «дела». Это было очень кстати, поскольку позволило им еще раз поговорить друг с другом (в тюрьме их держали в одиночных камерах).

Ф. Н. Самойлов писал в своих воспоминаниях: «Во Время самого ознакомления с делом мы кое о чем стоворились по части нашего поведения на суде. Так, мы ознакомились с проектом речи Петровского на суде и одобрили его. Причем было решено, что Петровский эту речь прочтет от имени нашей фракции как ее председатель, а остальные депутаты, присоединяясь к Петровскому, добавят каждый от себя, что будет нужно».

Суд над думской большевистской фракцией начался 10 февраля 1915 года. В этот день на многих заводах и фабриках была прекращена работа и объявлена однодневная забастовка.

На процесс были допущены, кроме государственных лиц, лишь жены и родственники подсудимых.

Когда закончилась процедура опроса и проверки подсудимых и свидетелей, и после того, как суд отклонил ходатайство защитника подсудимого Каменева о вызове дополнительного свидетеля — Н. И. Иорданского^[2], чтобы тот подтвердил отрицательное отношение Каменева к антивоенной позиции большевиков, суд приступил к оглашению обвинительного акта. В нем говорилось о большой и разносторонней

партийно-революционной работе депутатов-большевиков, за что в соответствии со статьей 102 первой части уголовного уложения обвиняемым полагалось до восьми лет каторжных работ. На вопрос председателя, признают ли они себя виновными, Петровский и остальные ответили, что виновными считать себя не могут.

После опроса присяжными обвиняемых слово для объяснения взял Григорий Иванович Петровский как председатель фракции большевиков.

Подсудимые сидели отдельно от публики, за перегородкой, под охраной стражников. На депутатах были арестантские рубахи и штаны.

Пятеро депутатов выглядели спокойными, только бледность щек и темные круги под глазами говорили о большом душевном напряжении и тюремной бессоннице. Петровский, казалось, был свежее, бодрее своих товарищей. Присущее ему, несмотря на горячность натуры, умение брать себя крепко в руки в трудные минуты сохранилось и на суде. Он долго с некоторым беспокойством оглядывал набитый зал, пока не нашел среди множества чужих лиц родное лицо жены. Домна или Доминика Федотовна, как называли ее многие товарищи Григория Ивановича, сидела в темном платье в кресле неподалеку от скамей для подсудимых. В глазах ее Григорий Иванович заметил волнение, страх, который она пыталась тщетно подавить. Он улыбнулся ей ласково, чуть кивнул головой.

Когда ему дали слово для объяснения и он стал говорить, то больше уже не глядел в ее сторону, а нашел опять ее лицо уже потом, когда сел на место. На бледном лице жены на этот раз он заметил блестящие бороздки слез.

— Господа судьи! — говорил Петровский. — Так как здесь судят фракцию, то я должен сказать несколько слов о ней. Когда нас выбирали рабочие и уполномоченные, то мы пришли в думу под флагом социал-демократии. Когда мы вошли в думу, мы образовали Российскую социал-демократическую фракцию, примыкающую к большевистскому течению в партии...

Петровский рассказывал о деятельности фракции, о том, что она отражала настроения рабочих масс; что фракция помогала рабочим газетам, профсоюзам и культурно-просветительным организациям пролетариата; что фракция примыкала к газете «Правда». Говоря о совещании в Озерках, на квартире Гавриловой, Петровский заявил, что оно было созвано, чтобы узнать от приезжих товарищей о настроениях в рабочей среде — необходимое условие успешной деятельности всякого рабочего депутата в думе. Он сказал, что участников совещания не уведомили заранее о том, какие вопросы будут обсуждаться; что Каменев

действительно был приглашен в связи с предполагаемым изданием новой рабочей газеты; что на совещании намечалось обсудить вопросы об отношении к автономии Польши, о помощи семьям рабочих, ушедших на войну; в конце совещания предстояло обсудить вместе с представителями рабочих из губерний резолюцию из семи пунктов (тезисы Ленина о войне) как мнение ЦК партии большевиков, который руководит рабочим классом, а также думской большевистской фракцией; этого совещание не успело обсудить, так как в квартиру ворвалась полиция.

После Григория Ивановича выступили остальные обвиняемые депутаты, которые присоединились к заявлению Петровского. Только один Каменев опять заявил о своем несогласии с решением ЦК РСДРП об отношении к войне.

Депутатов защищали опытные адвокаты. Эти защитники старались показать большое общественное значение и вместе с тем всю несостоятельность судебного процесса, являющегося, по существу, произволом властей, возможным лишь в России, где демократические свободы и неприкосновенность депутатов парламента (думы) — фикция, обман избирателей.

Прокурор, настаивая на чудовищно-абсурдном обвинении рабочих депутатов в «измене родине», демагогически говорил:

— ...Мы имеем дело с очень сплоченным сообществом — Российской социал-демократической фракцией... В такой момент, когда государство напрягло все свои силы на борьбу с внешним врагом, когда на границе государства неудержимым потоком льется кровь сынов отечества, подсудимые не захотели отказаться от параграфов своей партийной программы и через головы тех, кто своей кровью защищает пределы отечества, протягивали свою руку врагам родины. Эти люди хотели нанести нашей доблестной армии удар в спину, внести в ее ряды разрушение и дезорганизацию...

Последнее слово Григория Ивановича Петровского, как всегда, было страстным и смелым.

— Рабочие послали нас в думу под знаменем социал-демократов. Когда мы увидели, какая большая ответственность возлагается на нас, как представителей рабочих в думе, и как мало мы подготовлены к этой ответственной работе, мы начали пополнять свои знания изучением всех необходимых нам вопросов. Как представители рабочих, мы не могли не принять участия в жизни рабочих масс и работали в этом направлении, как только могли...

Я считаю, что нас обвиняют не потому, что мы действительно в чем-

либо виноваты, а потому, что мы всегда резко нападали на несправедливость...

Я знаю, нас судят за то, что мы призвали народ к борьбе за свое освобождение, за свободу, против грабительской кровавой войны, за превращение империалистической войны в гражданскую, за свержение ненавистного помещичье-капиталистического строя, который порождает империалистические войны...

Нас судят за стойкую защиту прав народа. Мы глубоко верим в наш народ и надеемся, что он нас освободит!

Трусливую речь произнес на суде Каменев. Он не должен был выступать, но малодушие толкнуло его испросить у суда слова в свое оправдание. Петровский по этому поводу писал: «...На суде особенно позорно вел себя Каменев (Розенфельд) — этот заядлый враг, предавший партию и интересы революции. Нарушив наше решение о том, что, кроме меня, никто из подсудимых не будет выступать, он на суде отказался от всех принципов большевизма, скатился на позицию меньшевиков-оборонцев, доказывая свою солидарность с социал-шовинистом Иорданским. Ленин заклеил предательство Каменева на суде...»

На четвертый день процесса суд огласил приговор. Царские судьи не смогли подвести рабочих депутатов под виселицу или каторгу. Депутаты Петровский, Муранов, Шагов, Самойлов, Бадаев, а также Каменев, Яковлев, Воронин и Линде были лишены всех прав и состояния и приговорены к пожизненному поселению в далекие края Сибири.

Осужденных после оглашения приговора отвели в тюрьму. С наступлением весны им предстоял длинный, изнурительный путь по дорогам Сибири в суровый Туруханский край.

Суд над большевистской думской фракцией оказал большое революционизирующее воздействие на широкие массы рабочего класса.

Владимир Ильич Ленин писал, что этот суд впервые дал открытый, в миллионном количестве экземпляров распространенный по России объективный материал в важнейшем, основном, актуальнейшем вопросе — об отношении к войне разных классов российского общества; суд доказал, что передовые представители пролетариата в России не только враждебны шовинизму вообще, но и, в частности, разделяют как раз позицию большевистского печатного органа — газеты «Правда».

Владимир Ильич очень высоко оценил мужественное поведение депутатов-большевиков на суде. «Все сознательные рабочие России, — писал Ленин в те дни, — стоят на стороне Российской социал-

демократической рабочей фракции в Государственной думе (Петровского, Бадаева, Муранова, Самойлова и Шагова), которые сосланы царизмом в Сибирь за революционную пропаганду против войны и против правительства. Только в такой революционной пропаганде и революционной деятельности, ведущей к возмущению масс, лежит спасение человечества от ужасов современной войны и грядущих войн».

В другой своей статье Ленин опять возвращается к той же мысли, называя славные имена бойцов партии:

«Уже месяцы вожди рабочего класса России томятся в Сибири, но дело их не разрушено, их работа в том же направлении продолжается сознательными рабочими всей России».

Свердлов восхищался Петровским и осуждал малодушие Каменева на суде. В письме к Л. Н. Дилевской Свердлов писал, имея в виду Каменева: «...Надо было совершенно отбросить мысль получить минимальный приговор. Но что за хороший тип Петровский! Прелесть! Удивительная чистота, искренность, преданность своему долгу, делу. Именно таким он и остался у меня в памяти по личным впечатлениям. И рос он прямо-таки на глазах. Письма его обнаруживали этот рост. За него не страшно. Он удержится на высоте...»

XI. В ссылке. Большевики продолжают борьбу

В арестантском вагоне, под охраной ссыльных привезли в Красноярск. Здесь в пересыльной тюрьме они ожидали отправки дальше, к месту пожизненного поселения — в село Монастырское Туруханского края. До него было от Красноярска более полутора тысяч верст по единственной дороге, связывающей этот край с миром, — реке Енисею. Ссыльных посадили вместе с охраной на дряхлый колесный пароходишко, и он, лениво шлепая по воде плицами, повез их в далекое изгнание.

Село Монастырское (ныне Туруханск) было административным центром Туруханского края. В нем насчитывалось сорок-пятьдесят домов. В селе было две лавчонки, школа, больница, церковь, полицейское управление с приставом во главе, мировой судья и каторжный острог с несколькими десятками стражников. А окрест, куда ни глянь, — тайга, тайга и тайга. Место на редкость глухое.

Когда пароходик с ссыльными, дошлепав до Монастырского, толкнулся бортом о пристань, ссыльные депутаты с радостным изумлением увидели, как к ним на лодке, махая рукой, ехал не кто иной, как Яков Михайлович Свердлов, их давний знакомый, прекрасный товарищ, член ЦК партии. Уже на берегу после крепких объятий и троекратных поцелуев Петровский с удивлением сказал:

— Мы знали, что вы где-то здесь, но не ожидали, что так близко от нас!

Оказалось, что Свердлов, сосланный в эти края еще раньше, узнал о дне прибытия в Монастырское питерцев и поспешил их встретить. Тут же Яков Михайлович познакомил их с другими ссыльными большевиками — Спандарьяном, Масленниковым, Сергушевым.

— Ну, — смеясь и поблескивая на солнце стеклышками пенсне, сказал приезжим Свердлов, — завершили успешно свой круг работы на пользу революции и рабочего класса, теперь, дорогие гости, пожалуйста в нашу дружную семью!

По дороге к дому, где жил Свердлов, «хозяева» затормошили «гостей» расспросами о Питере и судебном процессе, о новостях в стране и в партии, о том, что написал нового Ленин и как они перенесли утомительнейшую дорогу от Петрограда до Туруханского края, и еще о многом другом.

Вместе с депутатами-думцами прибыли и поселились здесь же

Каменев, Яковлев, Воронин и Линде.

Приезд Петровского и других большевиков вызвал волну интереса у всех здешних ссыльных социал-демократов — они знали и следили за ходом судебного процесса по газетам. Но хотелось знать о нем и обо всем, что творилось в России вокруг процесса, из уст самих осужденных. Ведь когтистая лапа цензуры выдирала из газетных сообщений (а ссыльные только ими и могли пользоваться) все, что казалось правительству вредным и опасным.

Поэтому Свердлов, Петровский и остальные товарищи решили устроить специальное собрание ссыльных большевиков, на котором обсудить итоги судебного процесса и дать ему свою оценку. Тем более что здесь находились в ссылке несколько членов ЦК. Были посланы письма товарищам, живущим в отдаленных от Монастырского местах, с приглашением приехать и принять участие в собрании.

Спустя несколько дней собрание состоялось на квартире Григория Ивановича Петровского. Собрание, по словам его участницы Клавдии Тимофеевны Свердловой (Новгородцевой), было необычным. В нем участвовали члены ЦК партии — Голощекин, Свердлов, Спандарьян, Сталин, все депутаты Государственной думы — большевики, член ЦО Каменев, многие ссыльные большевики.

Доклад о процессе сделал Петровский. Большинство товарищей, выступивших на собрании, дали резкую оценку поведению Каменева.

«Тем не менее острота постановки вопроса, — вспоминает К. Т. Свердлов, — была ослаблена позицией отдельных товарищей, не склонных слишком строго осуждать Каменева. Вовсе не выступал на собрании Сталин.

Резолюцию по поручению собрания должны были составить Свердлов и Сталин, однако Сталин сразу после собрания, не задерживаясь, уехал в Курейку и в работе над резолюцией участия не принимал...»

В этом месте К. Т. Свердловой была допущена неточность, и Петровский, прочтя ее воспоминания, сказал об этом ради установления исторической правды. На самом деле И. В. Сталин принял участие в работе над проектом резолюции и предложил такую формулировку, которая, по сути, оправдывала поведение Каменева на суде.

В Монастырском депутаты прожили всего около месяца, а потом местные власти перевели часть их в Енисейск.

В Енисейске Петровский познакомился с группой ссыльных социал-демократов. Среди них были старый финн Томи, Персон, Мчеладзе, польские товарищи. С их помощью Петровский организовал партийную

работу, конечно подпольно. Он делал политические доклады среди ссыльных, налаживал связи и переписку с рабочими Петрограда и других городов, ссыльные проникали под разными предлогами в казармы, где жили расквартированные в Енисейске солдаты, и вели среди них антивоенную агитацию.

Ф. Н. Самойлов в скупых строчках воспоминаний так рассказывает об этих днях ссылки: «Когда наша фракция была осуждена и отправлена на «вечное» поселение в Сибирь — сначала в Туруханский край, а потом в Енисейск, Григорий Иванович и там продолжал выполнять свою роль нашего руководителя. Здесь наша фракция продолжала фактически существовать как определенная политическая группа и под председательством Григория Ивановича довольно регулярно собиралась на заседания. Петровский поддерживал всеми силами связи как со ссылкой, так и с «волей» и выступал с докладами на нелегальных собраниях политических ссыльных на разные волновавшие тогда темы...»

Жандармы разузнали о тайных собраниях ссыльных и об антивоенной агитации Петровского среди солдат и тотчас же посадили его в тюрьму. А начальник Енисейского губернского жандармского управления написал в Петроград, в департамент полиции, и просил разрешить перевести Петровского в еще более глухую Якутию «...ввиду, — как доносил жандармский начальник, — доказанной политической неблагонадежности, вредного влияния на население и деятельного участия в революционных проявлениях неблагонадежного элемента».

Согласие из Петербурга было получено, и Петровского в июле 1916 года выслали из Енисейска этапом в Средне-Колымск, а остальных четверых депутатов перевели кого в Минусинск, кого в Ачинск.

Изнурительный путь по сибирским таежным дорогам, пересыльные тюрьмы надломили здоровье Петровского. В сентябре он прибыл в Якутск, отсюда должен был следовать в Средне-Колымск. Но врачи, осмотревшие его, дали заключение, что ссыльный Петровский из-за плохого состояния здоровья не может быть отправлен дальше. Охране пришлось оставить его в Якутске.

Емельян Ярославский помог добиться для Григория Ивановича медицинского осмотра.

В колонию ссыльных в Якутске входил и Серго Орджоникидзе, который попал в Якутию в июне 1916 года, но жил он в селе Покровском, в девяноста верстах от города, и постоянно навещал товарищей.

Так, волею судьбы, в Якутске образовалась крепкая группа партийцев во главе с опытными руководителями — Г. И. Петровским, Ем.

Ярославским, Г. К. Орджоникидзе.

Газета «Искра» еще в 1901 году писала, что сослать человека в Якутию — это все равно что закопать живого в могилу. Действительно, такой глухомани трудно было сыскать в ту пору даже в Сибири.

Жизнь ссыльных была здесь трудная, а с началом войны стала еще хуже. Продукты стоили дорого, ничем, кроме физического труда, политическим заключенным заниматься не разрешалось. Но и такую работу найти было нелегко. Раньше ссыльным товарищам присылали деньги партийные и рабочие организации, но с началом войны, когда эти организации в большинстве были разгромлены или закрыты, материальная помощь из России прекратилась. Приходилось добывать хлеб насущный любыми поделками собственных рук. Но руки не всегда выручали — нередко ссыльные большевики голодали. К этому добавились изменения в административном режиме: он стал жестче — было ограничено право передвижения, усилилась слежка, участились обыски; за самовольные отлучки наказывали острогом.

Петровскому повезло — у него была заводская квалификация: он мог работать одинаково хорошо и слесарем и электриком. Его взял к себе в мастерскую один местный агроном, и Григорий Иванович работал у него, что называется, мастером на все руки.

Иногда приходили письма из Петрограда от жены, которая осталась там с двумя сыновьями-подростками и дочерью. Присылала жена и посылки.

Конечно, много послать она не могла, да и не положено это было, но какую-то малость — табачок, кружок-другой колбасы или шерстяные носки — Доминика Федотовна, несмотря на протесты мужа, все-таки отправляла регулярно. Посылки, письма от жены и детей шли долго, целый месяц, а то и два.

В архиве Петровского сохранилось коротенькое письмецо, посланное им из Якутска Ф. Н. Самойлову, жившему на поселении в Минусинске. Это письмо примечательно бытовыми подробностями и той поразительной товарищеской поддержкой, которую оказывали друг другу ссыльные депутаты-большевики.

«Здравствуй, Федор Никитич! Деньги я 29 р. 85 к. получил. Муранов прислал 67 р., Бадаев 47. Лично я деньгами не воспользуюсь, так как у меня заработок есть, а кому и куда разошлю, тогда сообщу. Здесь в Якутске я с 25 ноября (работаю) в качестве слесаря, токаря, был на молотье за машиниста при двигателе; пришлось работать при 40–45° мороза, а обычное время в кузне... Холод, дым, пыль буквально создавали

каторжные условия, но теперь немного легче...»

Привычка с юношеских лет к физическому труду, заводская смекалка и навыки сослужили Григорию Ивановичу в эту тяжелую пору жизни отличную службу, помогли сохранить бодрость духа и собранность — очень ценные качества в условиях ссылки.

Ссылные большевики и в сибирской глухомани продолжали, как могли, партийную и политическую работу в народе — среди ссылных, среди крестьянской бедноты, ремесленников и солдат.

«Политические», как их здесь называли, не раз выручали обездоленных крестьян и батраков, заступаясь за них перед властями. О них среди якутов и русских крестьян ходила добрая молва.

Они организовали кассу взаимопомощи. Но касса эта играла и другую, конспиративную роль: часто под видом собраний членов кассы устраивались совещания созданной по инициативе Петровского и Ярославского подпольной организации РСДРП.

В организации ссылных не было единодушия по многим политическим вопросам, в особенности резко расходились мнения об отношении к войне. Большевики были за поражение царского правительства, другая часть социал-демократов стояла на позициях «оборончества»; а несколько меньшевиков поддерживали центристскую линию Троцкого, который, как известно, провозгласил демагогический, фальшивый лозунг: «Ни победы, ни поражения».

Споры по этому важнейшему вопросу не утихали; он же был предметом дискуссий в созданных революционных кружках для молодежи якутской национальности, много времени которым посвящал Григорий Иванович Петровский. Из этих кружков вышли люди, устанавливавшие впоследствии власть Советов на своей родной якутской земле.

ХII. Февральская революция. Возвращение в Петроград

3 марта 1917 года Петровскому принесли телеграмму из Петрограда. Развернув бумажку и пробежав глазами печатные буквы, Григорий Иванович не сразу разобрал их смысл. И только когда прочел вторично, он понял, какое безмерное счастье принесли ему и всем товарищам эти серые казенные строчки. Телеграмма была от жены, в ней сообщалось о совершившейся в Петрограде революции. Не было сказано, что творится в столице, кто взял власть, где царь, какие силы на стороне революции и какие против, приехал ли в Питер Ленин. Главное — революция, которую пролетариат и партия так ждали и самоотверженно готовили, свершилась! А для ссыльных это значило свобода, дорога домой, к родным и семьям, к большой партийной работе!

В следующую минуту Петровский уже бежал, размахивая телеграммой, к дому, где жил Ярославский. Он застал его около дома и крикнул: «Революция! В Питере революция!» Ярославский какой-то миг глядел на него, приоткрыв рот. Петровский сунул ему телеграмму, тот быстро склонился над ней, пробежал раз, второй, третий. А потом в изумлении кинулся обнимать и целовать Григория Ивановича. Они поздравили друг друга с великим днем и побежали в дома, где жили большевики, сообщить им эту чрезвычайную весть.

В тот же день на собрании ссыльные избрали ревком, в который вошли четверо: Орджоникидзе (выбранный заочно), Петровский, Ярославский и Кирсанова.

Телеграмма Доминики Федотовны вскоре подтвердилась и официальными телеграфными сообщениями. Об этом тотчас стало известно в Якутске, хотя власти безуспешно пытались утаить телеграммы от населения, запретив печатать их в местной газете. Но скрыть уже ничего нельзя было.

Мысль о немедленном возвращении в Петроград приходилось пока отложить. Ссыльные не успели бы до весенней распутицы добраться по плохим дорогам до железнодорожной станции — она находилась за две тысячи верст от Якутска. А пароходы по реке Лене могли пойти не раньше чем через три месяца, в конце мая. И поэтому пока надо было брать в свои руки власть тут, в Якутске, устанавливая новые, революционные порядки.

4 марта в городе было созвано народное собрание. Собрание

постановило образовать Комитет общественной безопасности из представителей общественных организаций. Ему передавалась вся власть в пределах Якутской области. Председателем комитета был избран Григорий Иванович Петровский.

В этот же день на заседании городской думы Якутска под нажимом ссыльных большевиков было принято решение закрыть думу и передать ее полномочия Комитету общественной безопасности. Однако губернатор, полицмейстер и начальник воинского гарнизона отказались признать комитет.

Ночью 4 марта Петровский с группой товарищей пришел к губернатору, в кабинете у которого шло совещание с офицерами и гражданскими чинами. Обсуждался вопрос — признавать или не признавать Временное правительство... Петровский потребовал немедленно передать власть комитету, заявив, что в противном случае вся прежняя администрация будет арестована. Барон Тизенгаузен и полицмейстер Рубцов отказались это сделать, сославшись на то, что они якобы не получили еще прямых распоряжений нового российского правительства. Совещание у губернатора даже приняло резолюцию, в которой выражалась готовность «лояльно служить Временному правительству» и одновременно — протест против вмешательства политических ссыльных в дело управления областью.

Однако уже 5 марта на заседание Комитета общественной безопасности, которое вел Петровский, явились губернатор Тизенгаузен, полицмейстер Рубцов и другие чиновники и заявили, что слагают с себя административные обязанности и передают власть комитету, о чем на следующий день было оповещено телеграфом по всей области.

6 марта по предложению большевиков Комитет безопасности назначил Петровского комиссаром, временно управляющим Якутской областью. Таким образом, назначение произошло без участия Временного правительства России. Само собой разумеется, что и всю дальнейшую работу Петровский вел не по указаниям из Петрограда, а в соответствии с политической программой партии большевиков.

С известием о революции и переходом власти в руки Комитета общественной безопасности партийная организация ссыльных социал-демократов перешла на вполне легальное положение и начала открытую политическую работу среди населения. Социал-демократическая организация объединяла и большевиков и меньшевиков. На митингах или собраниях обычно выступали два докладчика — от тех и других. Авторитет и заслуги перед рабочим движением выдвинули и тут Петровского на

руководящий пост — он был избран председателем Якутского комитета РСДРП. А Емельян Ярославский возглавил редакцию вновь созданной газеты «Социал-демократ», органа Якутского комитета РСДРП.

Петровский, Орджоникидзе, Ярославский, Кирсанова и другие ссыльные большевики сразу занялись созданием Советов рабочих, казачьих и солдатских депутатов. В апреле уже действовали как народно-революционная власть Совет рабочих, Совет солдатских и Совет крестьянских депутатов.

В Советах, особенно солдатских и крестьянских, было много эсеров и меньшевиков, влияние их оказалось очень сильным. Поэтому Советы в целом поддерживали установку Временного правительства на продолжение войны до победного конца — шовинистические настроения еще не развеялись. О влиянии меньшевиков в Советах говорит хотя бы тот факт, что делегатом на I Всероссийский съезд Советов был избран меньшевик Охнянский. Это, произошло на объединенном заседании трех Советов; Емельян Ярославский тут был утвержден председателем объединенного Совета, но его кандидатура в делегаты на съезд не прошла — большинство проголосовало за Охнянского.

А в якутских улусах и деревнях меж тем повсюду новая власть устанавливала свои порядки — смещала с должности царских исправников, судебных заседателей, якутских князьков, старост и старшин и создавала избранные населением комитеты общественной безопасности.

8 марта Якутский комитет общественной безопасности принял решение созвать съезд якутских и русских крестьян. Съезд проходил с 26 марта по 16 апреля. Большая часть делегатов оказалась тойонами (якутскими кулаками) и представителями мелкобуржуазной интеллигенции; из бедноты — чернорабочие и учащиеся города. И все же, несмотря на такой далеко не революционный состав, съезд избрал своим почетным председателем большевика Петровского; по-видимому, его звание члена Государственной думы внушало уважение. Как комиссар области и председатель Комитета безопасности, Григорий Иванович выступил на первом заседании съезда с кратким словом. От комитета РСДРП говорил Ярославский, от медицинских работников — Орджоникидзе.

На съезде беднота схватилась накрепко с тойонами из-за земли. Дело в том, что под воздействием агитации большевиков в некоторых селениях уже начали возникать комитеты бедноты и хамначитов (наемных рабочих). А кое-где крестьяне даже приступили к разделу земель богатеев. Однако эсеры и меньшевики, следуя директиве Временного правительства,

твердили, что это преждевременно, что надо дождаться созыва Учредительного собрания в Петрограде и узнать его решение. Сами же эксплуататоры, конечно, не желали добровольно поделить землю между бедняками.

Обнаружились на съезде и националистические устремления. Делегаты приняли решение об отделении Якутии от России, о чем и была послана телеграмма Временному правительству: «Областной съезд крестьян и якутов настаивает на национальном самоопределении якутской нации».

Под давлением бедноты съезд принял решение о восьмичасовом рабочем дне, о более справедливом распределении земли и передаче монастырских земель наследным обществам. Более радикальная мера, предложенная большевиками, — о полной конфискации земель тойонов и передаче их крестьянам — была отклонена при голосовании.

В Якутском комитете общественной безопасности большевиков было очень мало — всего одна десятая часть от общего состава. Но личный авторитет, энергия и преданность делу революции таких людей, как Петровский, Орджоникидзе, Ярославский, вызывали всеобщее признание. Это способствовало сильному влиянию большевиков в Исполнительном бюро комитета. Наиболее важные комиссии комитета возглавлялись большевиками: комиссия по рабочему вопросу — Ярославским, комиссия по областному управлению — Петровским и Кирсановой, медико-санитарная комиссия — Орджоникидзе; в продовольственной комиссии тоже было несколько большевиков. Ярославский и Орджоникидзе входили в состав суда чести.

С начала Февральской революции и до отъезда в Питер, за каких-то три месяца, ссыльные большевики успели осуществить много важных революционных мероприятий.

Была создана народная милиция (вместо полиции); были высланы за пределы Якутии многие царские чиновники, а вместо них назначены комиссары Комитета безопасности; организован выборный суд и ревтрибунал; введены карточки на продовольствие, что парализовало спекуляцию и спасло бедноту от голода; создано Бюро труда во главе с Ярославским; были выделены средства для помощи и быто-устройства освободившихся, из тюрем людей; организовано десять профсоюзов и т. п.

Конечно, большевики понимали, что все это только начало великого преобразования. В вестнике Комитета общественной безопасности от 10 марта Петровский писал так: «...Первая борьба закончена, но предстоит вторая, еще большая, это борьба за социалистическую республику».

Огромные расстояния, отделяющие Якутию от российской столицы, и нарушение прямых связей с другими сибирскими городами (до начала навигации на Лене) не помешали большевикам следить за событиями в Петрограде. Выручал главным образом телеграф.

Он принес весть о возвращении Ленина из заграницы в Питер. Большевики встретили ее с великой надеждой и радостью. В столицу на имя Владимира Ильича полетела телеграмма: «Якутская организация социал-демократов радостно приветствует Вас с возвращением к массовой социалистической организационной работе». Вторую телеграмму, отдельно, Петровский, Орджоникидзе, Ярославский и Агеев послали от себя лично: «Празднуем Ваше возвращение к открытой деятельности. Да здравствует возрожденный Интернационал!»

Когда лента «морзе» принесла в Якутск известие о военной ноте министра иностранных дел Временного правительства Милюкова и демонстрациях, устроенных рабочими Питера 20–21 апреля с протестами против военной бойни, в Якутске по инициативе большевиков народное собрание приняло резолюцию, одобряющую открытое выступление рабочих, матросов и солдат против войны и Временного правительства. Из зала собрания Петровский отправил Петроградскому Совету телеграмму солидарности трудящихся Якутии с пролетариатом столицы.

К этому времени большевики Якутска уже получили и прочли Апрельские тезисы Ленина. Опираясь на эти тезисы, Петровский и Ярославский выступили 25 апреля на большом митинге в клубе приказчиков с речами, разоблачающими антинародный курс Временного правительства на войну, выраженный в ноте Милюкова. Такую же линию держали большевики и в своей газете «Социал-демократ».

В мае началась навигация на Лене. Все политические ссыльные сели на колесный пароходик и поплыли вверх по реке, на юг. Потом пересели с парохода на подводки и несколько сот километров ехали по весенним дорогам, залитым жидкой грязью, до Иркутска. На протяжении всего пути, в селениях по берегам Лены, куда приставал пароходик, и в самом Иркутске большевики устраивали летучие митинги. Народу обычно сходилась много. С речами о революции и ее целях выступали и Петровский, и Ярославский, и Орджоникидзе.

По несколько раз выступил каждый из них и в Красноярске. Петровского, как бывшего члена Государственной думы, пострадавшего от царского правительства, слушали на митингах с особым вниманием, хотя вообще-то большинство социал-демократов в этих городах еще придерживалось меньшевистских взглядов. А когда поезд пересек Урал и

остановился в Екатеринбурге (ныне Свердловск), Григорий Иванович обратился с речью к солдатам гарнизона. На этом митинге его поддержали одобрительными криками, громом рукоплесканий.

Большевики якутяне добрались до Питера только в конце июня. Их поразила необычайная перемена жизни в городе. Это был уже не тот величаво-спокойный, самодержавный, аристократический Петроград. Все в нем теперь было перемешано, перепутано, взвинчено. На улицах пестрые толпы митингующих; серые солдатские гимнастерки вперемежку с чопорными костюмами интеллигентов и засаленными куртками рабочих; марширующие с винтовками отряды рабочих и роты солдат; кавалерия, пулеметы с зобатыми клювами у мостов через Неву и у подъездов государственных зданий; суতোлка, революционные песни и красные флаги, мелькающие то над колонной демонстрантов, то колыхающиеся где-нибудь, на фонарном столбе или на крыше дома. Чувствовалось, все пришло в движение, спуталось и сразу не поймешь, кто за кого и чего хотят в конце концов взбудораженные, хлебнувшие хмельного ветра революции петроградские жители.

А на заводах и в казармах воинских частей, не утихая ни на день, трубили тысячеголосым хором вольные митинги и собрания.

Таким предстал на первый, беглый взгляд Петроград вернувшимся из Сибири ссыльным. Но Петровский, Орджоникидзе, Ярославский и их товарищи понимали: это все внешнее, не определяющее глубину перемен; подспудно идет столкновение других сил — борьба политических партий, которая и скажет в скором времени свое последнее, решающее слово.

«Узнав, что в редакции «Правды» заседает ЦК РСДРП, я поспешил туда, — вспоминал эти дни Петровский. — Там я застал Я. М. Свердлова, очень обрадованного приездом большевиков из Якутии. Свердлов предложил мне немедленно поехать к Владимиру Ильичу. Жил тогда Ленин на улице Широкой, на квартире Елизаровых.

Ильич тепло встретил нас (с Орджоникидзе), мы расцеловались.

Ленин долго, до мельчайших подробностей расспрашивал нас о жизни в Якутии, пожурил за неуменье решить вопрос о земле.

Ленин спросил:

— А земельку крестьянам дали?

Пришлось со стыдом признаться, что этого мы не сделали.

— Эх вы, революционеры! — сказал Ильич с иронией».

Они вышли от Ленина с бодрым настроением. Они радовались свободе, мятежному Петрограду, который свалил ударом рабочего плеча громаду царского трона; радовались предстоящей тяжелой работе и

близости крепких рук товарищей по партии; радовались встрече с Лениным, как всегда энергичным, веселым, туго собранным, как спираль.

Петровский и Орджоникидзе неторопливо шли по городу, вставшему, как горячий конь, на дыбы, и уже предчувствовали, что они те самые всадники, которые осадят, возьмут в узду его и помчатся на нем по России, над которой уже кружил и стонал освежающий ураган революции.

Часть третья
За власть Советов и социализм

I. В Петрограде

Семья Петровского жила в ту пору на Выборгской стороне.

С первого же дня, как Григорий Иванович вернулся из ссылки и снова с головой окунулся в напряженную партийную работу, дети подкарауливали каждый свободный час или минуту, когда отец приходил домой, и наваливались на него с расспросами о ссылке и жизни в Сибири, просили рассказать о Ленине, какой он из себя и в чем его сила как революционера; и о том, что же будет дальше, — куда пойдет революция.

Ребята были уже почти взрослые: Петру исполнялось скоро семнадцать, младшему, Леониду, — пятнадцать лет, а Тоне — одиннадцать. Особенно тянулся к политике старший сын Петр, он хотел стать таким же революционером, как отец. Оба сына вступили в большевистский кружок еще в 1915 году, вскоре после того, как отца сослали в Сибирь. Ребята успели прочесть много марксистских книг, следили за газетами, так что уже разбирались кое в чем.

Петр и Леонид, перебивая и поправляя друг друга, если кто-то из братьев что-то забывал или говорил не точно, рассказывали отцу, как началась в Петербурге революция и что они сами делали в эти дни. Матери они не давали и слова вставить: видно, им очень хотелось похвастать перед отцом своей осведомленностью, показать, что они уже взрослые и разбираются, где белое, а где черное. Ребята срывающимися юношескими басками, с возбужденно светящимися глазами поведали отцу о том, как они однажды столкнулись с меньшевиками.

«А меньшевики вообще — сволочи!» — сделали вывод сыновья, и Григорий Иванович весело рассмеялся этой столь категоричной и страстной оценке противников большевизма.

Григорий Иванович обычно за поздним вечерним чаепитием рассказывал жене и детям о своих встречах с Лениным, о его исключительных душевных качествах, о его воле и проницательности, огромных знаниях и революционной смелости. Теперь, когда сыновья подросли, посерьезнели и жадно тянулись к политической деятельности, Григорий Иванович считал необходимым подробно рассказать им и о своей прошлой подпольной работе и о том, какие трудности преодолела партия в дни первой революции 1905 года и что защищали и против кого боролись в царской думе они, рабочие депутаты. Как покойный Иван Васильевич Бабушкин когда-то учил его, подростка, первой азбуке революции, так

теперь и он стремился вложить в души своих детей все, что знал, пережил и понял за минувшие годы жизни.

Жене — той ничего и растолковывать не надо было. Она всю жизнь шла с ним рядом об руку, изведала все, что могла изведать верная подруга, жена русского революционера-подпольщика.

Сидя так, за семейным столом, по вечерам, когда бывал дома, Григорий Иванович наслаждался уютом и теплом, лаской жены, нетерпеливой энергией детей.

Семейным «посиделкам» были отданы редкие часы досуга, все время Петровского, как всегда, принадлежало партии. И он был по-настоящему счастлив, что жена и дети его понимают.

В стране почти сразу же после Февральской революции установилось двоевластие. Официально страной и армией управляло Временное правительство. Ему подчинялись государственные учреждения и генералы. Но практически Временное правительство не имело полной власти, особенно в Петрограде; оно было вынуждено делить ее с Советами рабочих, крестьянских и солдатских депутатов, которые были созданы народными массами и которые имели на эти массы огромное влияние. Советы фактически могли контролировать всю деятельность правительства и государственных учреждений. Но состав Советов в Петрограде и других городах был в те дни соглашательский: большинство в Советах принадлежало меньшевикам и эсерам.

Продовольственное положение в столице создалось тяжелое. Хлеба и других продуктов в магазинах не хватало; на улицах стояли длинные очереди. А спекулянты, пользуясь этим, беспощадно обирали население, торгуя тишком из-под полы и взвинчивая до крайности цены. Обыватели ругались, на чем свет понося революцию и все партии. Рабочие на заводах, не в силах прокормить свои семьи, тоже роптали. А Временное правительство было не в состоянии справиться с развалом в хозяйственной жизни страны и предотвратить надвигающийся голод.

Возмущение в народе усиливалось. Злые, горластые митинги против продолжающейся и всем осточертевшей войны вспыхивали на заводах, в частях столичного гарнизона или просто на перекрестках улиц и площадях. Ораторы бросали в гудящие толпы яростные крики: «Хлеба!», «Долой войну!», «Пусть сам Керенский идет на фронт!», «Долой Временное правительство!»

Меньшевики и эсеры начали поговаривать, не пора ли ликвидировать Советы как власть, создать что-то вроде парламента.

Временное правительство, не внемля протестующему голосу революционных масс, отдало главному командованию приказ, и русская армия начала наступление на фронте.

Весть о новом наступлении и, стало быть, о новых массовых жертвах подняла на ноги солдат и рабочих. Большевики 18 июня возглавили мирную демонстрацию питерского пролетариата. «Вся власть Советам!» — под этим лозунгом шло подавляющее большинство колонн.

Утром 3 июля в Народном доме собрался огромный митинг 1-го пулеметного полка. Солдаты пригласили представителей от рабочих петроградских заводов. Сюда же, узнав о митинге, поспешила группа большевиков — Петровский, Луначарский, Лашевич и другие. Имя Петровского было известно многим собравшимся, и его избрали председателем митинга. Ораторы от солдат и рабочих говорили гневно, со злостью и возмущением ругая Временное правительство, предпринявшее наступление, окончившееся, как этого и следовало ожидать, полным провалом.

В зале раздавались возгласы: «Долой Временное правительство!», «Пора кончать войну!»

На митинге выступили Луначарский и Лашевич. Они призвали потребовать от правительства прекращения войны, а власть передать Петроградскому Совету рабочих и солдатских депутатов.

Солдаты-пулеметчики решили немедленно выступить с оружием против Временного правительства и взять власть силой. Их настроение разделяли солдаты других полков, моряки Кронштадта, рабочие многих заводов. В городе стихийно началась демонстрация.

Центральный Комитет большевиков постановил — сделать все, чтобы сдержать стихийный напор возмущенного народа, разъясняя, что революционный момент для выступления против правительства еще не созрел, армия и провинция пока не готовы поддержать питерских рабочих и солдат. Поэтому нужно накапливать силы и соблюдать революционный порядок, но порыв разгневанных масс остановить каким-либо решением или резолюцией уже было нельзя. Поэтому к вечеру, обсудив положение, ЦК отменил свое прежнее решение и постановил: всем питерским большевикам принять участие в мирной демонстрации 4 июля. Эта демонстрация должна была показать волю народа, который требует передачи всей государственной и военной власти в руки Советов.

Утром 4 июля демонстранты двинулись по улицам города. В колоннах рабочих, солдат и матросов шагали большевики. Петровский и Орджоникидзе шли рядом в одной из групп рабочих.

Опасаясь восстания, правительство бросило против демонстрантов войска — казачьи и юнкерские части. Загрохотали винтовочные залпы. Люди стали разбегаться по переулкам, прячась во дворах и парадных.

Петровский и Орджоникидзе укрылись в вестибюле Таврического дворца, где помещался ВЦИК Советов, — их колонна как раз проходила недалеко от дворца. Спустя некоторое время, когда пальба прекратилась и они вышли на Литейный проспект, то увидели на мостовой много убитых и раненых, которых подбирали рабочие и солдаты.

В тот же день Временное правительство отдало приказ об аресте всех руководителей-большевиков, как якобы подстрекающих народ на восстание. Ко дворцу Кшесинской была послана рота солдат, чтобы изгнать из него большевиков. Был выписан также ордер на арест Ленина.

А в это время во дворце Кшесинской собрался актив питерских большевиков.

В ожидании Ленина активисты группами стояли и прохаживались по вестибюлю, обсуждая гнусное побоище, устроенное Керенским. Петровский, разговаривая с товарищами возле входной двери, сразу увидел Владимира Ильича. Он вошел быстрой походкой, чуть бочком, и стал обходить группу за группой, здороваясь за руку со знакомыми. Лицо его было очень усталое и строгое, но глаза, как всегда, глядели пронизательно; в них виделись клокочущая энергия и решимость.

Ленин быстро подошел к группе, где стоял Петровский, и спросил, обращаясь ко всем сразу:

— Что вы думаете о последнем приказе Временного правительства? — И тут же сам себе ответил: — Временное правительство роет нам яму, но оно скоро само в ней окажется!.

В эту минуту к Ленину торопливо подошел рабочий в кожаной куртке и сказал с заметным волнением:

— Владимир Ильич, надо уходить. Ко дворцу подходят войска. Вас могут арестовать.

Тотчас же несколько товарищей окружили Ленина и пошли вместе с ним к выходу. Петровский знал, что каждый из них имеет оружие и, если понадобится, не пожалеет жизни, чтобы защитить Владимира Ильича. Это были опытные партийные боевики, прошедшие подполье и баррикады 1905 года.

Партийный актив не состоялся. Большевики небольшими группами быстро покинули дворец Кшесинской.

А по городу уже гулял пущенный агентурой Временного правительства гнусный слушок, будто Владимир Ильич Ленин — шпион

немецкого генерального штаба. Кадетская печать немедленно подхватила клевету и понесла ее на страницах своих газет по всей России.

Нужно было непременно опровергнуть эту провокацию Керенского, так как многие рабочие, еще верившие правительству и сбитые с толку эсерами и меньшевиками, попали на удочку этой лжи. Большевики пошли на заводы, чтобы разоблачить перед рабочими грязную сплетню о Ленине.

Петровскому ЦК партии поручил выступить на собрании рабочих Балтийского завода, где эсеры и меньшевики имели большую популярность, нежели большевики. На этом заводе ораторов-большевиков не раз прогоняли с трибуны и даже били.

С группой товарищей Григорий Иванович протиснулся сквозь толчею к президиуму собрания и, обращаясь к рабочим, сказал, что он бывший депутат Государственной думы от рабочей курии и только что вернулся из якутской ссылки. Зал покрыл эти слова громким рукоплесканием — так в то время встречали всех, кто пострадал за свои политические убеждения при царизме.

Но потом, когда Петровский стал доказывать, что нужно закрепить революционные завоевания народа и что лучший путь к этому — передача всей власти в руки Советов рабочих и солдатских депутатов, аплодисменты раздались жидкие, кое-где в зале. А как только он заявил, что большевики горячо преданы рабочему делу, что Ленин самый неподкупный, наичестнейший человек, поднялся ужасный шум, крики «Долой!». Говорить дальше Петровскому не дали: свист и улюлюканье глушили слова.

На трибуну выскочил какой-то человек и с побелевшим от бешенства лицом стал доказывать, что Ленин, конечно, не кто иной, как германский шпион, и его надо арестовать и судить революционным судом.

А к Петровскому уже вплотную подступали разъяренные люди, хватили его за плечи. Товарищи, пришедшие с ним вместе, пытались оттеснить, уговорить безрассудных, но те напирали. Дело могло обернуться кровавым самосудом. Тогда Петровский, отстранив тянувшиеся к нему руки, крикнул гневно:

— Хватит! Я натерпелся в думе от правых и не останусь тут, раз вы меня так встречаете!

Это несколько охладило горячие головы, толпа раздалась, и Петровский с товарищами быстро прошел к выходу.

Когда Григорий Иванович, хмурясь, скупно рассказал в ЦК о случившемся, товарищи, зная настроения на Балтийском заводе, подивились, как ему, Петровскому, удалось в такой острой схватке унести

ноги. «Ты, видно, в рубашке родился, а то бы пришлось нам вылавливать тебя из Невы», — мрачно пошутил кто-то.

Контрреволюция уже действовала открыто, привлекая несознательные группы рабочих на свою сторону, а демагогические речи меньшевиков служили ей вполне надежно.

Двоевластие кончилось. Партия большевиков перешла на полулегальное положение. Революция вступила в новую фазу развития.

Перед большевиками и пролетариатом России встал вопрос о подготовке вооруженного восстания, о свержении антинародного Временного правительства и передаче власти Советам силой оружия. Иного выбора не было.

На заводах начали создаваться первые отряды Красной гвардии. Кроме рабочих, в них записывали солдат и матросов, верных революции. В один из таких отрядов вместе со своими сверстниками вступили и сыновья Петровского. Они попросили включить их в бригаду, охраняющую Владимира Ильича Ленина. Просьбу юных Петровских удовлетворили, и они ходили такие шальные от счастья, что отец с матерью дома даже подшучивали над ними.

Обстоятельства складывались чрезвычайно серьезные, опасные для жизни вождя пролетарской партии. Было очевидно, что правительство Керенского решило физически уничтожить Ильича. Вопреки настояниям членов ЦК Владимир Ильич упорно не соглашался скрыться, уехать из столицы. Он считал малодушием покинуть Питер в такой неопределенно-сложный для революции момент.

Но ЦК партии был непреклонен, и Ленину пришлось подчиниться коллективному решению. Предусмотрительность и настойчивость ЦК партии, особенно Свердлова, который не хотел и слушать доводы Ленина за то, чтобы остаться в Питере, несомненно, спасли вождя партии.

В это время Григорий Иванович Петровский уже был на Украине, куда Центральный Комитет послал его в конце июля. Эта поездка была одобрена Лениным еще до июльской демонстрации. Однажды Петровский, зайдя в редакцию газеты «Правда», встретился там с Владимиром Ильичем. Ленин тогда спросил Петровского: «Что вы думаете делать?» Григорий Иванович ответил, что считает целесообразным поехать в Екатеринослав и Донбасс — в родные места, где он был избран депутатом в думу и хорошо знает людей и обстановку.

Ленин дал согласие, и ЦК послал Петровского бороться за власть Советов на Украине.

II. На Украине

Политическая обстановка на Украине в 1917 году была сложная, революционно неустойчивая. Здесь фактически царило троевластие. Власть делили между собой комиссар Временного правительства, Советы рабочих и солдатских депутатов и националистическая буржуазно-кулацкая Центральная рада.

В Советах преобладали эсеры и меньшевики. Они прекрасно уживались с Центральной радой, которая сумела найти с ними общий политический язык.

Летом 1917 года контрреволюционные репрессии правительства Керенского распространились и на Украину. В июле было арестовано несколько членов Киевского и Винницкого комитетов большевиков. Наиболее активных, революционно настроенных рабочих и солдат по приказу комиссара Временного правительства посылали на фронт. Такие «оздоровительные» меры удавалось осуществить без особых осложнений с эсеро-меньшевистскими Советами.

Все это в сочетании с борьбой против националистических мелкобуржуазных организаций создавало величайшие трудности в работе украинских большевиков.

Ленин и ЦК партии придавали огромное значение победе революции на Украине. Украина была тогда главной хлебной, угольной и металлургической базой России, и без нее контрреволюция могла бы задушить восставший пролетариат центральных областей России жесткой экономической петлей. Поэтому ЦК партии послал туда надежных, опытных товарищей, хорошо знающих Украину, — Петровского, Ворошилова, Артема (Сергеева).

Им предстояла трудная агитационная работа, требовавшая большой выдержки и терпения, — необходимо было подорвать в рабочей массе доверие к меньшевикам и эсерам, обнажить их подлинное лицо пособников контрреволюции.

Из Петрограда Григорий Иванович поехал сначала в Екатеринослав, где в это время рабочие боролись против локаутов, объявленных хозяевами заводов в ответ на самостоятельное введение профсоюзами восьмичасового рабочего дня. Но и там, в Екатеринославе, спевшиеся с Центральной радой эсеры и меньшевики сбивали с толку рабочих и их профсоюзы. Им нужно было помочь.

Петровский по приезде сразу же вступил в бурные митинговые диспуты. Как депутат бывшей IV Государственной думы, боровшийся с царизмом, он имел то преимущество перед другими большевистскими ораторами, что его беспрепятственно пропускали на все собрания и митинги, независимо от того, кто их устраивал: эсеры, меньшевики или украинские националисты. Имя Петровского в родном Екатеринославе было очень популярно, и принимали его на митингах с воодушевлением. Ведь многие пожилые рабочие помнили его как вожака екатеринославского пролетариата в дни 1905 года и рассказывали о нем молодежи.

Петровский начал работать в Екатеринославе в эти летние дни 1917 года рука об руку с товарищами из городского комитета большевиков. Среди них были такие страстные ораторы, как С. И. Гопнер — она занималась революционной агитацией среди солдат и рабочих города. Большую популярность в пролетарской массе имел большевик В. К. Аверин.

28 июля, выступая на многолюдном собрании в екатеринославской театре Петровский рассказал, как очевидец, о расстреле Временным правительством демонстрации солдат и рабочих 4 июля в Питере. Зал слушал молча. А потом поднялся такой громовой шум и топот ног, что пришлось долго утихомиривать людей, чтобы продолжить рассказ о дальнейших событиях в столице. Собрание приняло резкую антиправительственную резолюцию.

Выступал Петровский и перед рабочими на своем родном Брянском заводе. Рабочие Брянского завода единодушно проголосовали за предложенную Петровским резолюцию, в которой говорилось, что единственная возможность для России выйти из войны и тяжелого экономического положения — это передача всей власти в стране Советам рабочих и солдатских депутатов.

Энергичную агитацию вели екатеринославские большевики в воинских частях и в деревне. Нужно было перетянуть на свою сторону солдат, растолковать им смысл и значение происходящих событий, разъяснить опасность поднимающейся в стране контрреволюционной волны — одним словом, подготовить солдатские массы к вооруженному восстанию против Временного правительства, на которое взял курс ЦК большевистской партии после июльских событий в столице. Этим и занимались Петровский, Гопнер, Аверин и другие партийные активисты.

На собраниях крестьян в Верхне-Днепровском, Ново-Московском и других уездах Екатеринославской губернии, где побывал Петровский, он рассказывал об аграрной программе партии большевиков, призывал

крестьян отбирать землю у помещиков и распределять между бедняками и середняками через крестьянские комитеты, не ожидая Учредительного собрания.

Спустя недели две Григорий Иванович поехал дальше — в Донбасс.

В Донбассе он пробыл немногим более месяца, ездил по заводам и шахтам, встречался с рабочими, выступал вместе с донецкими большевиками на митингах.

Промышленность Донбасса была в упадке. Хозяева шахт и заводов делали попытки задушить революцию в России саботажем, локаутами. Почти сто тысяч рабочих из-за этого потеряли кусок хлеба, их семьи голодали. Добыча угля с каждым днем уменьшалась, работающие промышленные предприятия и железнодорожный транспорт сидели на скудном топливном пайке.

Разруха в Донбассе ставила под угрозу остановки заводы и фабрики Петрограда и всех промышленных губерний. Нужны были какие-то решительные меры, чтобы резко поднять добычу угля и наладить перевозку его в центр России. Эту жизненную для революции проблему обсуждал Петровский и в Харькове при встрече с большевиками Артемом (Сергеевым) и Рухимовичем.

И все же, несмотря на тяжелое экономическое положение (а может быть, благодаря этому), на Украине, как и по всей стране, революционные настроения в народе нарастали, массы стали все больше и больше поворачиваться к революции.

Временное правительство видело, предчувствовало, что взрыв назревает; оно страшилось народной стихии и шло на различные маневры, заигрывая с массами. Оно объявило о созыве общероссийского демократического совещания, которое по замыслу правительства Керенского должно было противостоять Советам, подорвать их популярность.

Демократическое совещание назначено было на 14 сентября в Петрограде. Григорий Иванович, избранный делегатом от рабочих Донбасса и Екатеринослава, выехал в столицу за несколько дней до открытия совещания.

Как известно, ЦК большевистской партии сначала принял решение об участии делегатов-большевиков в этом совещании; цель была — разоблачить во всеуслышание перед народом измену Временного правительства делу революции. Однако спустя несколько дней после открытия совещания Ленин, учитывая складывающуюся обстановку в стране, предложил большевистской фракции, куда входил и Петровский,

покинуть совещание. Это был очень своевременный тактический шаг, поскольку в условиях быстрого подъема революционных настроений сотрудничество большевиков на демократическом совещании с Временным правительством могло создать у масс иллюзию мирного развития событий и, таким образом, отвлечь массы от подготовки к вооруженному восстанию.

«...мы должны, — писал в эти дни В. И. Ленин, — всю нашу фракцию двинуть на заводы и в казармы: там ее место, там нерв жизни, там источник спасения революции...»

Следуя указанию Владимира Ильича, большевистская фракция отказалась участвовать в дальнейших заседаниях. Перед уходом фракция объявила свою декларацию, в которой Временное правительство открыто было названо «правительством народной измены». Так была сорвана попытка контрреволюции под вывеской демократического совещания потихоньку удушить восставший народ: в это время правительство подтягивало к Петрограду казачьи полки.

В середине октября Петровский с новым заданием ЦК партии выехал из Петрограда в Донбасс. Ему было поручено помочь местным организациям сплотить революционные силы для вооруженной борьбы за переход власти в руки Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов.

Донецкие рабочие в некоторых местах уже самостоятельно взяли власть. Так было в Горловском и Щербиновском районах, где имелись сильные большевистские организации. 30 августа на станции Никитовка состоялся съезд Советов этих двух районов. Съезд образовал Временный революционный штаб и объявил его «властью диктатуры пролетариата и беднейшего крестьянства Горловско-Щербиновского района».

В октябре власть в руках большевистских Советов была и в Краматорской и в городе Мариуполе. В других местах рабочие на митингах тоже принимали резолюции за советскую власть.

III. Народный комиссар Петровский

Петровский находился в Никитовке, когда телеграфная лента отстучала известие о вооруженном перевороте в столице. Временное правительство было низложено. Пролетарская социалистическая революция, к которой партия настойчиво вела рабочий класс России, свершилась.

Вслед за этим сообщением в Никитовку, как и в другие города страны, полетели из Питера первые декреты великой революции — о земле и мире. По всей стране шумели митинги; трудовой люд — рабочие, крестьяне, солдаты — громогласно заявлял о поддержке нового, советского строя.

В Никитовке, как уже говорилось, большевистские Советы взяли власть еще раньше, до Октябрьских событий в Питере. На срочно созванной партийной конференции выступил Петровский. Поздравив делегатов с долгожданной пролетарской революцией, он разъяснил затем, что и как должны делать на местах, в частности в Донбассе, органы советской власти; говорил о том, как провести раздел земли между крестьянами; особо подчеркнул огромное значение декрета Ленина о прекращении войны и заключении мира. Партийная конференция поддержала предложение Петровского — собрать и отправить в Петроград голодающим рабочим несколько вагонов хлеба.

Вскоре после этого Петровский срочно выехал в Петроград, чтобы по поручению рабочих доложить Совету Народных Комиссаров и Ленину о тяжелом положении в Донбассе, о том, что владельцы нарочно разрушают шахты, устраивают саботаж и, если советская власть не хочет остаться без угля и металла, нужно немедленно национализировать промышленность Донбасса.

Петровский задержался проездом в Харькове: большевики Артем (Сергеев) и Рухимович попросили его выступить на съезде горнозаводчиков, которые отказывались подчиняться декретам пролетарского правительства. Тогда уже был опубликован в газетах декрет о введении восьмичасового рабочего дня. Но хозяева предприятий не желали и слышать о нем, заявляя, что, дескать, Совнарком — это не правительство, а его законы не законы.

Петровскому пришлось круто поговорить с этими господами, возомнившими, будто после народной революции они могут эксплуатировать рабочих так же, как при царе. Петровский заявил от имени

советской власти, что с революцией не шутят, и если хозяева посмеют не выполнять декреты пролетарского правительства, то они все будут расстреляны. Эти слова насмерть перепугали капиталистов, а меньшевики послали в большевистский комитет Харькова протест, обвиняя Петровского в бестактности и грубости.

Перед отъездом из Харькова Григорий Иванович провел вместе с Артемом и Рухимовичем совещание в городском Совете, обсуждая, как спасти промышленность Украины от разрушения, до которого доводит ее саботаж капиталистов. Харьковские большевики велели Григорию Ивановичу передать Ленину, что Харьков очень нуждается в опытных организаторах-партийцах и они просят ЦК партии прислать в подкрепление группу товарищей.

Петровский по приглашению Артема (Сергеева) и Рухимовича принял участие и в работе Харьковской общегородской конференции (10–11 ноября 1917 года). Этой конференции придавали большое значение, так как в общей цепи событий на пути к победе пролетарской революции на Украине харьковская организация большевиков играла немалую роль. Важно было поддержать на конференции правильную ленинскую линию, которую отстаивал в своем докладе товарищ Артем, — борьба украинских большевиков против нытиков и маловеров, считавших, что для победы пролетарской революции на Украине еще не созрели условия, и против националистических и других уклонов от генеральной линии партии. Страстная речь Петровского была горячо принята участниками конференции. Он рассказал о положении в Донбассе, привел много примеров самоотверженной борьбы шахтеров с капиталистами, разъяснил ленинскую национальную политику партии и призвал конференцию отбросить все сомнения и колебания и энергично взяться за подготовку к съезду Советов, чтобы на нем провозгласить советскую власть на Украине.

Сразу после конференции Петровский отправился в Петроград. С вокзала он поспешил в Смольный, к Ленину. Петровский рассказал Владимиру Ильичу о положении в Донбассе и Харькове, передал просьбы товарищей прислать опытных организаторов. Ленин сказал, что все это ЦК непременно учтет.

В ноябре, спустя несколько дней после II съезда Советов, Петровский был назначен народным комиссаром. О том, как это произошло, рассказал сам Григорий Иванович.

«...Каменев, Зиновьев, Рыков, Ногин и Милютин, — вспоминал Петровский, — подали заявление о своем выходе из ЦК в знак несогласия с политикой ЦК партии в вопросе создания правительства...

Вскоре после этого в приемной Совнаркома я встретился с Владимиром Ильичей. Взявши меня за плечи, он сказал:

— Как раз вовремя! Сейчас мы вас назначим наркомом внутренних дел. У нас Рыков сбежал с этого поста.

Я попросил:

— Владимир Ильич! Назначьте другого товарища, а я буду его помощником.

Но Ленин заметил:

— Во время революции от назначений не отказываются, — и шутя, весело усмехнувшись, добавил: — Дать Петровскому двух выборгских рабочих с винтовками, они отведут его в помещение Министерства внутренних дел, пускай тогда попробует отказаться!

Разумеется, после такого разговора я уже не решался отказываться. 30 ноября был издан декрет о назначении меня наркомом внутренних дел, и я взялся за работу...

Все рубежи приходилось брать с боем... Много чего мы тогда не знали. Нам казалось, что достаточно сломать старый аппарат и вместо него создать новую систему организации власти. Однако мы не знали, как это сделать, а жизнь настойчиво требовала ответов на многие вопросы.... Вспоминаю, — это было уже после переезда правительства в Москву, — как я очень просто «решил» судьбу таких учреждений, как сенат, синод и некоторые другие — дворянские: повесили на дверях замки... и все.

Ленин рассмеялся, когда услышал о таком «решении», и сказал мне, что перед тем, как закрыть эти учреждения, надо было изучить их деятельность, лучше ознакомиться с людьми, которые там работали, а честных, тех, которые желают работать, привлечь к работе...»

На первых порах многое ставило Петровского в тупик, и тогда он обращался за советом и помощью к Ленину или Свердлову.

Перестройка государственного учрежденческого аппарата проходила мучительно трудно. Старые чиновники саботировали советскую власть, их приходилось нередко приводить на службу под конвоем. А своих надежных рабочих кадров, которые могли бы разобраться в огромных архивах, составить нужную бумагу, отпечатать ее и т. д., — таких людей у Совнаркома было наперечет. Интеллигенция, за небольшим исключением, тоже не желала служить «революционному зверю», наводившему на нее панический ужас.

В таких тяжелых условиях практическая помощь Ленина была для Петровского особенно дорога. ЦК партии направил в помощь Петровскому опытных большевиков-подпольщиков: Муранова, Уншлихта,

Дзержинского, Лациса, Урицкого, Лазимира, Правдина, Антонова-Саратовского, которые вошли в созданную Петровским коллегию наркомата.

А работы у НКВД в те дни было поистине невпроворот. Нужно было бороться с контрреволюцией, налаживать продовольственное снабжение столицы и других больших городов, которым грозил голод, создавать рабоче-крестьянскую милицию, разрабатывать структуру органов советской власти снизу доверху и т. д. Трудно даже перечислить все, чем занимался Наркомат внутренних дел. В его состав, например, входили медицинское управление, которое стало потом Наркомздравом, ветеринарное управление, иностранный отдел, ведавший всеми делами иностранцев в стране; контрольно-ревизионная комиссия наркомата была зародышем Рабоче-крестьянской инспекции.

И этой уймой сложнейших дел и забот Петровскому и его помощникам пришлось заниматься без нужных знаний и опыта и почти без кадров. Нетрудно представить, каких отчаянных усилий требовала эта работа от Петровского и всех сотрудников наркомата.

Особенно остро обстояло в эти дни положение с продовольствием. Запасов хлеба в Петрограде и Москве оставалось всего на несколько дней. Каждый день на заседаниях Совнаркома обсуждался вопрос о борьбе с голодом; думали, спорили, решали, в каких губерниях и как взять хлеб, как лучше перевезти его к городам.

«...Борьба за хлеб, — вспоминал Петровский, — становилась одной из важнейших проблем дня. Мы, наркомы, как и все, получали восьмушку хлеба, к тому же очень плохого, и, согласно декрету Совнаркома от 6 декабря 1917 года, зарплату — максимум 500 рублей в месяц, плюс 100 рублей на каждого нетрудоспособного члена семьи.

Я был свидетелем того, как Ленин принимал сибирских крестьян, привезших несколько эшелонов хлеба в Питер... В. И. Ленин тепло встретил крестьян, рассказал им о положении в стране, о трудностях советской власти, о том, какую помощь могут оказать крестьяне, если будут обеспечивать рабочих хлебом.

Помню, что Владимир Ильич был очень доволен беседой, он глубоко верил, что крестьяне осознают, что только советская власть может дать им счастье, и пойдут за ней...»

Большие трудности со снабжением вызвали в Петрограде вспышки анархического разгула толпы. В эти декабрьские дни город почти не освещался — не хватало топлива. Рабочая милиция не в состоянии была контролировать порядок на всех темных улицах. Этим воспользовались

уголовники и анархистствующие личности. В Питере начались массовые грабежи, вооруженные налеты, разгромы винных и гастрономических магазинов, причем в разгромах участвовали солдаты и матросы, которых подбили на это анархисты. Дело дошло до разгрома винных складов Зимнего дворца.

Беспорядки в городе были на руку контрреволюционным элементам, затаившимся в подполье в ожидании своего счастливого часа. По-видимому, они-то и обстреляли на полутемной улице машину Ленина и ранили ехавшего вместе с Владимиром Ильичей швейцарского социал-демократа Платтена. Спустя несколько дней вооруженные бандиты остановили машину, в которой ехали Петровский и еще несколько товарищей. Налетчики обыскали всех, нашли пистолет у члена коллегии НКВД Правдина и хотели расстрелять его. Едва отбились — помог появившийся в эту минуту рабочий патруль.

Нужно было срочно принимать беспощадные меры против бандитизма, который мог при определенных обстоятельствах перерасти в контрреволюционный террор.

19 декабря в Питере было введено военное положение. По поручению Совнаркома Петровский создал специальные отряды из рабочих и солдат, и в несколько дней этим отрядам удалось прекратить погромы и грабежи в городе.

Для борьбы с контрреволюцией, бандитизмом и саботажем Совет Народных Комиссаров решил организовать Всероссийскую Чрезвычайную Комиссию (ВЧК). 20 декабря Ленин составил проект декрета. «Надо поставить во главе ВЧК хорошего «якобинца», — сказал Владимир Ильич. Председателем ВЧК был назначен Феликс Эдмундович Дзержинский — «железный Феликс», как звали его товарищи.

В стране специальным декретом вводилась всеобщая трудовая повинность.

Наряду с другими спешными и важными делами, которыми ежедневно занимались ЦК партии и Совнарком, была одна особая забота — сохранить воинские части, возвращающиеся с фронта, не допустить их разложения под воздействием агитации анархистов, эсеров и меньшевиков, вдохнуть в уставших от боев солдат веру в себя и в силы пролетарской революции.

Совнарком предложил Центральной украинской раде беспрепятственно пропускать армейские эшелоны в глубь страны. Но вскоре стало известно, что Центральная рада разрешает свободный проезд по Украине только тем частям, которые идут на Дон, к контрреволюционному генералу Каледину, а полки и дивизии,

поддерживающие пролетарский Питер, разоружает и распускает по домам.

Совнарком немедленно потребовал, чтобы рада прекратила самочинство, так как это могло привести к пагубным последствиям. За переговоры взялся сам Владимир Ильич.

«Я присутствовал при разговоре В. И. Ленина с Центральной радой по телефону, — вспоминал Григорий Иванович Петровский. — Ленин горячо настаивал на том, чтобы Центральная рада выполнила свои обязательства перед Советским правительством, иначе, — предупреждал Владимир Ильич, — придется объявить Центральной раде войну... После того как Владимир Ильич поставил Центральной раде ультиматум о пропуске войск без всяких препятствий, состоялось заседание Совнаркома, на котором присутствовали и представители левых эсеров. Они резко выступали против ультиматума, заявив, что в Центральной раде собрались их товарищи, с которыми следует договориться по-хорошему.

Ленин терпеливо убеждал левых эсеров в необходимости в такой суровый момент действовать быстро и решительно. Он говорил, что если бы не послали ультиматум, Центральная рада разоружила бы все воинские части, а так некоторые части, узнав о распоряжении Совнаркома, сами окажут сопротивление попыткам Центральной рады разоружить их. Владимир Ильич повторял слова Дантона: «Смелость, смелость и еще раз смелость», — иначе, говорил он, в период революции действовать нельзя, надо учиться у великих французских революционеров... После такого заявления Ленина левые эсеры не решались больше говорить о неконституционности действий Совнаркома...»

Но эсеры не сложили оружия. Они всеми правдами и неправдами стремились запутать массы крикливыми лозунгами и повернуть ход русской революции на свой лад.

Достоверные свидетельства об этих днях сохранились в воспоминаниях Петровского.

«В Петроград съехались члены Учредительного собрания, — писал Григорий Иванович. — Эсеры решили в день открытия Учредительного собрания организовать демонстрацию в столице. Чтобы предупредить возможные эксцессы, большевики организовали штаб, в который вошли Свердлов, Подвойский, Бонч-Бруевич, Урицкий и другие. Для охраны порядка в Таврическом дворце, где должно было состояться собрание, и вокруг него расположились моряки с крейсера «Аврора» и броненосца «Республика».

Эсерам не удалось продемонстрировать свое «могущество». Их обывательскую демонстрацию, которая вышла под лозунгом «Вся власть

Учредительному собранию», оттеснила рабочая демонстрация, показавшая свою горячую преданность советской власти.

5 января 1918 года делегаты Учредительного собрания сошлись в Таврическом дворце. Большевистская фракция расположилась в левом секторе.

Открытие затягивалось.

Ко мне подошел левый эсер Лесновский и заявил, что если мы не откроем собрания, то его откроют учредилловцы. И в самом деле, через несколько минут вышел старейший по летам член Учредительного собрания эсер Швецов.

Я побежал сказать В. И. Ленину о том, что происходит в зале. Послали за Я. М. Свердловым, а я вернулся в зал и принял участие в обструкции, устроенной большевиками самозванному председателю-эсеру.

Вскоре пришел Свердлов, стал рядом со Швецовым и, легко покрывая своим басом шум в зале, сказал, что ЦИК Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов поручил ему открыть Учредительное собрание. Потом Яков Михайлович от имени ВЦИК зачитал «Декларацию прав трудящегося и эксплуатируемого народа», написанную Лениным. Декларация объявляла: «Россия провозглашается республикой Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов».

Учредительному собранию предлагалось утвердить декреты Совнаркома. Правые эсеры и меньшевики были разочарованы и сбиты с толку. Они надеялись, что Учредительному собранию удастся взять власть в свои руки. Большинство в Учредительном собрании принадлежало правым эсерам, поэтому, когда Свердлов предложил избрать председателя, была проведена кандидатура эсера Чернова.

Вся процедура выборов сопровождалась криками и шумом. Когда в конце концов стало тише, объявили порядок дня. Тут же началось постатейное чтение Закона о земле. Занятие это было долгим и нудным.

Да и вся обстановка на собрании была для нас чужой, даже внешний вид делегатов эсеров и меньшевиков. В последнее время мы привыкли к шинелям, косовороткам, а на Чернове был элегантный сюртук, накрахмаленный воротник подпирал его подбородок, белоснежная сорочка слепила глаза. Чернова же эсеры и меньшевики называли «вождем крестьянства».

Весь этот парад раздражал простых людей, казалось, что здесь собрались выходцы с того света.

Владимир Ильич был на первом заседании. Он подошел ко мне и сказал:

— А и на самом деле нудно — будто что-то старое витает здесь!

Ленин еще немного постоял возле нас, поговорил с товарищами и ушел, иронически посмеиваясь. Больше Ильич на заседания не приходил...»

6 января 1918 года ВЦИК постановил распустить Учредительное собрание. Никакого авторитета в пролетарских массах собрание не имело, и поэтому его закрытие было встречено всеми с одобрением, кроме, разумеется, эсеров и меньшевиков, которые затаили злобу на Ленина и ЦК большевиков и спустя немного начали подло мстить.

10 января собрался III Всероссийский съезд Советов. На нем была единодушно утверждена «Декларация прав трудящегося и эксплуатируемого народа». Ленин на съезде докладывал о деятельности Совета Народных Комиссаров за время, минувшее со дня созыва II съезда Советов. Делегаты бурной овацией подхватили слова, сказанные Лениным: «Теперь мы, на расчищенном от исторического хлама пути, будем строить мощное, светлое здание социалистического общества, создается новый, невиданный в истории, тип государственной власти, волей революции призванной очистить землю от всякой эксплуатации, насилия и рабства».

Съезд утвердил все декреты Советского правительства, изданные после II съезда Советов.

Как нарком внутренних дел, Григорий Иванович Петровский внес на рассмотрение съезда проект организационной структуры органов власти на местах, с тем чтобы делегаты обсудили потом его у себя в губерниях, внесли свои поправки и предложения. После съезда присланные с мест замечания были внесены в проект, и в таком дополненном виде проект был утвержден на заседании ВЦИК. Так, на основе широкой демократии, чутко лоя настроения и мысли, какими жил народ, первое Советское правительство во главе с Лениным приступило к строительству нового, революционного государства.

Тяжелое экономическое положение в стране, хозяйственная разруха, голод были следствием затянувшейся войны с Германией и Австрией, которую начал царь и которую после его свержения продолжало вести вопреки здравому смыслу Временное правительство. Взяв власть, большевики сразу же предложили правительствам воюющих государств прекратить человеческую бойню. Это было жизненно необходимо и для революционной России и для трудящихся капиталистических стран.

Но добиться заключения мира было делом чрезвычайно сложным.

Вот что писал об этих драматических для революции днях Григорий Иванович Петровский в скупых, но достоверных строках своих

воспоминаний:

«Я был на заседании в Смольном, когда Владимир Ильич горячо доказывал всем, как действительно необходим Советской стране немедленный мир. Ленин говорил, что отказаться от мира — значит стать перед катастрофой, потому что солдаты утомлены войной, армия не боеспособна, а новой, Красной Армии еще нет.

Многие не соглашались с ним. Им казалось позорным идти на уступки империалистам. Тяжелое это было время для нашей родины, для партии, для Ильича...

Сначала немцы заявили о своем согласии заключить мир без аннексий и контрибуций, если на это пойдут правительства Англии и Франции.

Однако с января 1918 года характер переговоров изменился. В Германии верх взяла клика империалистов, и теперь уже немецкая делегация начала ставить ультиматумы. Она требовала оккупированных ими русских земель и контрибуции под видом уплаты за содержание русских военнопленных.

В этих условиях, когда дороги были каждый день и час, Троцкий, возглавлявший нашу делегацию в Бресте, стал, как говорил Ленин, в «шляхетскую» позу: ни унижительного мира, ни продолжения войны. Это был авантюристический лозунг, развязывавший немцам руки.

Ленин настаивал на мире, не переставал говорить горькую правду о тяжелом положении молодой, еще не окрепшей Советской республики. Но за ним пошло большинство только тогда, когда сама жизнь убедила всех, насколько он был прав...

При мне передавалось по радио сообщение, что мы принимаем тяжелые условия Брестского мира. Через некоторое время наша мирная делегация, в состав которой был введен и я, выехала в Брест...

Мы чувствовали себя страшно: ведь подписан грабительский, страшный мир. Однако никто из нас не выдал своего тяжелого состояния. Каждый из нас снова и снова вспоминал слова Владимира Ильича: «Даже когда нас отодвинут и за Урал, мы и там создадим свое Советское государство и, в конце концов, победим!..»

Тогда же в Брест-Литовске находилась и делегация Центральной рады из Киева, которая где-то в другом помещении договаривалась и подписывала с австро-немецким командованием мир.

Наша делегация требовала прекращения военных действий и вывода немецких войск из России. Делегация же Центральной рады, наоборот, просила прислать немецкие войска на Украину для защиты... от большевиков».

Ленинская точка зрения о заключении немедленного мира все-таки взяла верх и завоевала поддержку большинства членов партии. На экстренном VII съезде РКП (б) в марте 1918 года почти все делегаты проголосовали за резолюцию, одобряющую Брестский договор с Германией. По решению съезда Советское правительство во главе с Лениным переехало в Москву, которая и стала с тех пор столицей нового, социалистического государства.

На этом же съезде Григорий Иванович Петровский, который мужественно подписал вместе с другими членами советской правительственной делегации тяжкие условия Брестского договора, был избран, как верный ленинец, кандидатом в члены Центрального Комитета партии.

Работа с Лениным в Совнаркоме и ЦК партии была для Петровского, по его собственным словам, величайшей школой управления государством.

Заседания Совнаркома устраивались один или два раза в неделю.

«...На каждом заседании Совнаркома, которым руководил Ленин, — вспоминал Петровский, — происходила величайшая творческая работа. Особенно много внимания уделял Владимир Ильич деятельности ВСНХ. Порядок дня заседания всегда включал в первую очередь вопросы восстановления промышленности, роста угледобычи, развития черной металлургии, добычи нефти. По каждому из этих вопросов разрабатывалась определенная система мероприятий. Много внимания уделялось строительству советской власти на местах, несколько заседаний было посвящено специально земельному закону. В. И. Ленин очень просил наркомов как можно глубже ознакомиться с земельным законом и внести свои предложения к нему. Ведь речь шла о взаимоотношениях с крестьянством, а оно тогда составляло 75 процентов населения страны.

...В связи с гражданской войной значительное место занимали военные вопросы, изучению которых В. И. Ленин уделял много внимания. Зорко присматривался Владимир Ильич к окружавшим его людям, умел отбирать наиболее энергичных, способных, творчески мыслящих.

Заседания Совнаркома под председательством В. И. Ленина проходили всегда с большим подъемом. Наркомы вносили много предложений. Обстановка была деловая, рабочая, все знали, что Ленин не терпел пустой говорильни. Каждый стремился внести ценное предложение и целесообразно использовать те три минуты, которые Владимир Ильич скупно отмерял на выступления.

На заседаниях все говорили обдуманно, стремясь изложить самую суть вопроса. Каждый чувствовал себя ответственным не только за свой участок

работы, но и за общее дело, чувствовал себя творцом нового.

Исключительно товарищеская обстановка господствовала на этих заседаниях, ее умел создавать и поддерживать Владимир Ильич. Хотя В. И. Ленин был для нас наивысшим авторитетом, однако все считали своей обязанностью отстаивать свою точку зрения, спорить, когда было необходимо, и каждый знал, что Ленин всегда внимательно выслушает товарища, всегда признает его правоту, если тот даст обоснование своей точке зрения вескими аргументами.

Ленин всегда поощрял инициативу каждого наркома, каждого работника».

В 1918 году на революцию надвинулась новая угроза. На фронтах рабочие, матросы, крестьяне отбивали атаки белогвардейских армий, а в тылу классовый враг пытался схватить революцию за горло рукой голода. Кулаки в деревне и спекулянты в городе прятали хлеб от советских властей. Борьба за хлеб стала одной из самых насущных забот Совета Народных Комиссаров.

В июне был обнародован декрет о создании комитетов деревенской бедноты, об организации продовольственных отрядов. Лучшие сыны рабочего класса и коммунисты отправились в поход за хлебом по всей России, чтобы накормить и рабочих и сражающуюся Красную Армию.

Еще в мае нарком внутренних дел Петровский обратился через журнал «Вестник НКВД» с воззванием к Советам рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. Он призывал их оказывать на местах всемерную помощь продовольственным отрядам в изъятии излишков хлеба у кулачества. Петровский постоянно проверял, как выполняют Советы на местах чрезвычайное постановление Совнаркома о хлебе, ибо речь шла о жизни и смерти самой революции.

Много сил отдавал в это время Петровский кропотливой работе по укреплению органов советской власти в губерниях. Он организовал созыв съезда председателей губернских Советов и заведующих отделами управления исполкомов, что было горячо поддержано Лениным и председателем ВЦИК Свердловым.

В работе съезда принял участие Ленин. Делал доклад Петровский. Он рассказал о работе Наркомата внутренних дел с октября 1917 года, подчеркнул необходимость повышения революционной бдительности, особое внимание делегатов обратил на проявление местничества, когда Советы, заботясь о нуждах своей губернии, забывают о стране в целом. Поэтому крайне важно, сказал Петровский, создать единую систему

управления Россией на основе демократического централизма — организационной идеи, выдвинутой Лениным.

Ленин в своей речи на съезде говорил о том, что главный недостаток в советском строительстве — робость, неумение некоторых работников в Советах взять все дело в крепкие руки. Для укрепления местных органов власти Владимир Ильич предлагал привлечь к работе в Советах как можно больше рабочих и крестьян, отдать под контроль масс всю деятельность губернских властей. Ленин призвал делегатов съезда поднять все силы на местах на борьбу за хлеб, непрерывно работать над формированием и укреплением Красной Армии, которая защищает молодую республику от международного империализма.

Кроме большевиков, в состав Совета Народных Комиссаров входили левые эсеры. ЦК партии с доверием относился к ним, хотел втянуть в живую организаторскую работу на пользу революции, надеясь, что со временем они изменят свои ошибочные политические взгляды. По предложению Ленина несколько левых эсеров получило ответственные правительственные должности. Но они не умели да и по воззрениям своим не могли работать в Совнаркоме так, как требовали чрезвычайная обстановка в стране и интересы пролетарской революции.

В деятельность Совнаркома, которая нуждалась в особой оперативности, четкости, дисциплине, глубоком знании жизни народа, эсеры вносили дезорганизованность, дух мелкобуржуазного парламентского соперничества.

Ленин терпеливо приглядывался к работе эсеров в правительстве, ожидая, что они, наконец, поймут, чего ждет от них народ, русская революция, и перестанут тянуть большевиков к соглашательству и сотрудничеству с предательскими мелкобуржуазными партиями. И на одном из заседаний Совнаркома Ленин, не выдержав, резко выступил против эсеров.

— Для нас, — жестко говорил Владимир Ильич, обращаясь к наркомам-эсерам, — могут быть примером якобинцы. Комиссары периода якобинской диктатуры действовали смело и решительно. Так должны действовать и мы. Отставание от революции опасно, им может воспользоваться классовый враг и уничтожить все завоевания революции.

После этого заседания наркомы-эсеры стали один за другим уходить из Совнаркома.

В июле 1918 года в Москве собрался V Всероссийский съезд Советов. Заседания проходили в Большом театре. Среди делегатов, съехавшихся из всех губерний России, были и члены партии левых эсеров. Их лидеры

также выступали на съезде с речами. Доклад делал Ленин. Это был отчет перед делегатами о деятельности Советского правительства за время, истекшее после IV съезда Советов.

«На V съезде Советов, — вспоминал Г. И. Петровский, — левые эсеры решили дать бой большевикам — закончился период их лояльной работы в Советах и Совнаркоме. Они устроили обструкцию Ленину во время отчетного доклада, начали вызывающе обвинять большевиков в том, что они, дескать, продали немецким империалистам интересы родины, заключив мирный договор в Бресте.

Лидеры левых эсеров выступали истерично. Камков открыто заявил, что эсеры призвуют народ к восстанию.

Мне никогда не забыть величайшей взволнованности Ленина, когда он в до крайности напряженной атмосфере съезда начал свою речь. Сначала он еще пытался навести на ум левых эсеров, но, убедившись, что они явно ведут дело к восстанию, твердо заявил:

— Не хотите с нами работать — скатертью дорога!

В это время поступило сообщение, что один из левых эсеров, командовавший отрядом ВЧК, поднял восстание и уже захватил несколько учреждений.

Было принято решение арестовать всех левых эсеров, присутствующих на съезде. Сгоряча Дзержинский с кем-то помчался в казармы, где размещались эсеровские повстанцы, но там его самого задержали бунтовщики.

Арестованным на съезде эсерам объявили, что они являются заложниками и будут расстреляны, если кто-нибудь из задержанных эсерами коммунистов погибнет.

...Я пошел проверять посты. Зашел в ВЧК. Оттуда с группой чекистов двинулся на ликвидацию бунта. Отдельными отрядами, состоящими из коммунистов и беспартийных рабочих, мы окружили левоэсеровские очаги восстания и ликвидировали их».

Вскоре поступили сведения о левоэсеровских восстаниях в ряде мест. Требовалось немало мужества, решительности, оперативности, чтобы ликвидировать эти бунты.

Борьба с левыми эсерами, меньшевиками, правыми эсерами была долгой и очень тяжелой. Провокационное убийство левым эсером Блюмкиным немецкого посла Мирбаха вызвало большое международное осложнение. Под видом охраны посольства немецкие империалисты хотели ввести в Москву свою воинскую часть.

Бессильные повернуть историю вспять, эсеры перешли к организации

террористических актов...»

Особенно крупный, со множеством жертв, вооруженный мятеж был поднят левыми эсерами в Ярославле. Он длился с 6 по 21 июля 1918 года. Сотни большевиков и беспартийных людей, поддерживающих революцию, были расстреляны или утоплены в Волге. Контрреволюционное восстание было подавлено военными частями и отрядами ВЧК.

Несмотря на полный разгром в открытой вооруженной схватке, левые эсеры продолжали свое гнусное дело против революции. Они начали террор против вождей пролетариата и партии. Из-за угла были убиты товарищи Володарский и Урицкий.

30 августа 1918 года после митинга на заводе Михельсона эсерка Каплан тяжело ранила Владимира Ильича Ленина.

В первые же дни после ранения Ленина по поручению Свердлова, который тогда выполнял обязанности и секретаря ЦК партии и председателя ВЦИК, Петровский вместе со своим заместителем Тихомирновым и наркомом юстиции Курским допрашивали эсерку Каплан, стрелявшую во Владимира Ильича.

По словам Петровского, «...Каплан заявила, что считает Ленина врагом революции, который будто губит революцию. Это была обычная фраза эсеров и меньшевиков, которой они прикрывали свое стремление задушить революцию. Я подписал приговор Каплан...»

Вспоминая эти трудные дни, Петровский писал: «Во время болезни Владимира Ильича Совнарком собирался на короткие заседания, которыми руководил Я. М. Свердлов. Но все наши важнейшие вопросы откладывались до выздоровления Ленина. С величайшей радостью приветствовали мы Ильича, когда он вернулся к работе. Он пришел с подвязанной рукой. Все присутствующие встали. У всех лица сияли радостью, всех охватило волнение. Владимир Ильич с обычной своей аккуратностью посмотрел на нас и... объявил заседание открытым. Порядок дня был заранее составлен так, чтобы не утомлять Ильича».

В стране создавалась серьезная угроза внутренней контрреволюции. В Финляндии и на Украине расстреливали коммунистов, восстал против Советов чехословацкий корпус — из тех чехов, которые были захвачены в плен в годы войны с Германией. В Москве и Петрограде чекисты Дзержинского раскрывали один за другим тайные заговоры против Советской республики. У заговорщиков находили целые склады оружия и боеприпасов.

В эти опасные для революции дни, когда молодая неокрепшая республика была опоясана огненным кольцом фронтов, а в тылу Советов

готовились новые и новые мятежи, заговоры, убийства, Советское правительство во главе с Лениным проявило спасительную решимость и твердость в борьбе с врагами.

Народный комиссар внутренних дел Петровский писал в «Вестнике НКВД»: «Расхлябанности и миндальничанью должен быть положен конец. Все известные местным Советам правые эсеры должны быть немедленно арестованы. Из буржуазии и офицерства должны быть взяты заложники...»

Нужно было как можно скорее, немедля раздавить змеиную голову контрреволюции, обезопасить тыл от возможных новых мятежей. Совнарком 5 сентября 1918 года принял решение: ответить на белый террор беспощадным красным террором против врагов революции. 10 сентября 1918 года в газете «Известия» было обнародовано правительственное постановление. Вот его полный текст:

«Постановление Совета Народных Комиссаров

О красном терроре

Совет Народных Комиссаров, заслушав доклад председателя Всероссийской Чрезвычайной Комиссии по борьбе с контрреволюцией, спекуляцией и преступлением по должности о деятельности этой комиссии, находит, что при данной ситуации обеспечение тыла путем террора является прямой необходимостью; что для усиления деятельности Всероссийской Чрезвычайной Комиссии по борьбе с контрреволюцией, спекуляцией и преступлением по должности и внесения в нее большей планомерности необходимо направить туда возможно большее число ответственных партийных товарищей; что необходимо обеспечить Советскую Республику от классовых врагов путем изолирования их в концентрационных лагерях; что подлежат расстрелу все лица, прикосновенные к белогвардейским организациям, заговорам и мятежам; что необходимо опубликовать имена всех расстрелянных, а также основания применения к ним этой меры. Подписали:

Народный Комиссар юстиции *Д. Курский*,

Народный Комиссар по внутренним делам *Г. Петровский* и

Управляющий Делами Совета Народных Комиссаров *Вл. Бонч-Бруевич*. 5 сентября 1918 года».

Петровский, не колеблясь ни минуты, поставил свою подпись под этим документом, ибо сознавал, что такие жесткие меры вызваны чрезвычайными обстоятельствами — борьбой не на жизнь, а на смерть, которую навязали русской революции черные силы старого мира. Более мягкими действиями, как показывал опыт истории, спасти революцию было невозможно.

И вместе с тем при решении других вопросов Григорий Иванович требовал от работников местных Советов осмотрительности, тактичности. Это касалось таких мероприятий, как сбор чрезвычайного налога прежде всего с крестьян-середняков, конфискация имущества, отделение церкви от государства и т. д.

На трудном посту наркома внутренних дел РСФСР Григорий Иванович Петровский работал до апреля 1919 года.

IV. Снова на Украине

В марте 1919 года в Харькове проходил III Всеукраинский съезд Советов. В работе его по поручению ЦК партии принимал участие Председатель ВЦИК Яков Михайлович Свердлов. Он рекомендовал избрать Григория Ивановича Петровского Председателем Всеукраинского Центрального Исполнительного Комитета Советов — имя и дела его были известны на Украине.

И съезд единодушно принял это предложение.

В апреле Григорий Иванович выехал из Москвы в Киев. Это был уже не тот Петровский, что вел подпольную работу на Екатеринославщине, в Донбассе и в других районах Украины в годы, предшествующие его депутатству, и даже не тот Петровский, который громил гневным словом с трибуны думы прислужников царизма и самодержавные порядки в России. Это был Петровский, прокаленный на высоком огне пролетарской революции, впитавший в свой ум и сердце чаяния восставшего народа и прошедший короткую, но богатую ленинскую школу государственного руководства в Совнаркоме.

Впрочем, предоставим слово самому Григорию Ивановичу.

— Могу с гордостью заявить, — рассказывал однажды Петровский близким своим друзьям и товарищам, — что этот период (1917–1919 годы) моей работы рядом с Владимиром Ильичем, под его непосредственным зорким наблюдением, при его чуткости, простоте и помощи, был такой для меня школой, где я дополнительно приобрел столько знаний и опыта, каких не мог бы получить за всю свою жизнь ни в каких университетах и академиях, не в обиду будь им сказано. И, уезжая на Украину, я чувствовал себя более зрелым и более способным ленинской верой и правдой служить нашей родной ленинской партии, делу рабочего класса...

1919 год был для Украины годом тяжелейших испытаний. Едва успели ЦК партии и Советское правительство Украины сделать первые шаги в восстановлении советской власти на местах, как начала наступать белогвардейская армия Деникина, оснащенная оружием Антанты. Острие удара было направлено через Украину и Тулу в сердце революционной республики — Москву.

Красная Армия, еще молодая, необученная, плохо вооруженная, отступала под натиском деникинских сил на север, оставляя после ожесточенных боев украинские и русские города и села. Следом за

белогвардейцами возвращались помещики и фабриканты. Они опять отбирали у крестьян землю, у рабочих — заводы и шахты. Белогвардейцы учинили свирепую расправу. «Хозяева» вымещали на народе свою злобу и обиду за отнятые в дни революции имущество и власть.

Советская Украина бросила все силы на организацию отпора врагу. В мае ВУЦИК принял решение о мобилизации рабочих на военную службу, а в июне Вооруженные Силы всех советских республик были объединены под общим командованием.

Члены ЦК КП(б)У, ВУЦИК и украинского правительства покинули Киев вместе с частями Красной Армии, переехав сначала в Чернигов, а затем по предложению ЦК партии и ВЦИК — в Москву. Большинство их вступило в ряды Красной Армии, а Петровский вместе с Калининым на созданном по совету Ленина агитпоезде «Октябрьская революция» совершили поездку в прифронтовую полосу.

К концу 1919 года обстановка на южном фронте изменилась. Под ударами окрепшей Красной Армии деникинские войска, уже подошедшие к тому времени к Туле, начали отступать на юг, к Черному морю. Красная Армия разгромила и очистила, Украину и от банд Петлюры, а сам он бежал в Польшу, под защиту панов. К наступающим красным частям по пути присоединялись, многочисленные повстанческие отряды рабочих и крестьян. Иностранцы свертывали свои военные десанты и убегали потихоньку за море, восвояси.

В декабре 1919 года был образован Всеукраинский ревком во главе с Петровским. Ревком обосновался в освобожденном от деникинцев Харькове. Приехав в Харьков, Григорий Иванович застал там своего старого товарища по якутской ссылке Серго Орджоникидзе, который был в это время членом реввоенсовета 14-й Красной Армии, изгнавшей из города деникинцев.

Серго познакомил Петровского, Мануильского и других товарищей из Украинского ревкома с обстановкой в Харькове, рассказал о настроениях рабочих и крестьян в освобожденных районах, посоветовал, куда прежде всего следовало послать агитаторов и организаторов для работы среди населения.

Возвращение с Деникиным помещиков, разбой и бессмысленные убийства, которые сеяли на своем пути банды Петлюры, — все это помогло подавляющему большинству украинского крестьянства глубже понять смысл и цели русской революции, стать под ее знамя в борьбе с классовым врагом.

Украина быстро очищалась от белогвардейских полчищ генерала

Деникина.

По мере освобождения территории южных губерний Украинский ревком создавал органы советской власти на местах. Взяв за основу законы РСФСР и несколько изменив их в соответствии с украинскими особенностями, ревком ввел их в действие как законы революционной власти. Был принят и Закон о земле. Готовя этот важнейший декрет, Петровский с другими членами ревкома дважды ездил в Москву советоваться с Лениным. После этого земельный закон для Украины был утвержден.

Несмотря на триумфальные победы Красной Армии, внутреннее положение на Украине оставалось тяжелым. Белобандитские атаманы и батьки вроде Махно, Каменюка, Ангела, Зеленого и прочих продолжали свое подлое дело — грабили, убивали людей, опустошали и жгли села, уничтожали советских и партийных работников, сеяли на своем разбойничьем пути страх, горе и слезы. За этими бандами гонялись по степям красные конники, насмерть рубили «контру», сшибаясь в кавалерийских атаках. Но нередко банды, отлично зная местность, при поддержке кулаков и националистов ускользали из кольца облавы и снова устраивали резню и поджоги уже совсем в другом месте. Борьба с бандитизмом оказалась затяжной, потребовала больших усилий и времени для полной ликвидации.

Бандитизм был не самой главной бедой украинского населения. Имелись более страшные враги. У рабочих и бедняков-крестьян отнимал силы голод; тиф косил людей тысячами, больницы были переполнены, медикаментов не хватало. Но главным несчастьем была экономическая разруха. Сельское хозяйство пришло в упадок. Железнодорожный транспорт работал на дровах, с большими перебоями. Шахты Донбасса частью были затоплены, частью разрушены. Из-за этого стояло большинство заводов и фабрик промышленного юга.

В таких тяжелейших условиях требовались почти сверхчеловеческие силы, негибкая воля и пламя революционной веры, чтобы не растеряться, не опустить в отчаянии руки. И вновь, как уже бывало не раз, большевики, питомцы Ленина, показали свою незаурядную силу, сумев поднять трудящиеся массы на преодоление разрухи, на строительство нового Советского государства.

В это трудное время Украине протянула руку братской помощи пролетарская Россия, хотя сама жила еще в холоде и впроголодь. Вот когда сказалась истинно гуманная солидарность пролетариата!

По просьбе Григория Ивановича Петровского и при личной поддержке

Ленина ЦК партии и Совнарком послали в помощь украинским товарищам большую группу опытных и закаленных в борьбе партийцев. Они помогали в ликвидации кулацких банд на Украине, восстанавливали и пускали в ход фабрики, заводы, шахты, укрепляли советскую власть на селе и в городах. Восстановлением промышленности занималась группа прибывших из Москвы в Харьков крупных хозяйственников-большевиков, образовавших так называемое «Промбюро ВСНХ».

Этой группой руководил В. Я. Чубарь, впоследствии председатель Совнаркома Украины.

Россия из скудных своих запасов слала Украине эшелоны с продовольствием и одеждой, оборудованием и машинами для шахт, заводов и железных дорог. Эта бескорыстная помощь России не на словах, а на деле укрепляла классовый союз русского пролетариата и крестьянства с пролетариатом и крестьянством Украины. Народ увидел в советской власти настоящего друга. В эти месяцы русские и украинские большевики воочию убедились в правоте ленинских слов: «При едином действии пролетариев великорусских и украинских свободная Украина возможна, без такого единства о ней не может быть и речи».

Во второй половине февраля 1920 года возобновилась деятельность ВУЦИК и Совнаркома Украины. 2 марта 1920 года ВУЦИК опубликовал обращение к рабочим и крестьянам всего мира с призывом принудить правительства своих стран прекратить войну с советскими рабоче-крестьянскими республиками, в том числе и с Украиной. «...Перед нами громадная созидательная работа по восстановлению разрушенной страны. Спасти население от мучений и гибели, воссоздать жизнь на началах труда, равенства и братства трудящихся — насущная задача рабоче-крестьянского правительства Украины. Трудящиеся Европы, Америки и всего мира своей поддержкой должны помочь нам выполнить эту задачу...»

Обращение к трудящимся мира имело большое политическое значение не только для российской революции в целом, но и для упрочения внутреннего положения на Украине. Оно помогло многим, кто был сбит с толку националистической и контрреволюционной лживой пропагандой, ясно понять, чего хочет, к чему стремится советская власть и большевики. А цели эти полностью совпадали с чаяниями и надеждами украинского трудового народа.

Получив в борьбе с интервентами и белобандитами передышку, Украинский ревком занялся решением первостепенных задач — укреплением советской власти на местах, преодолением хозяйственной разрухи.

Однако мирная передышка оказалась непродолжительной. Началась новая интервенция с запада. В апреле 1920 года польские войска пана Пилсудского неожиданно перешли границу, вторглись на Украину и, быстро наступая и тесня малочисленные отряды Красной Армии, вскоре, захватили Киев. На оккупированную территорию хлынула жадная орава панов-помещиков. Вместе с войском белополяков опять появились петлюровские банды.

Схватка с белополяками и петлюровцами была недолгой, но жестокой, кровопролитной. Дивизии Красной Армии нанесли один за другим несколько сокрушительных ударов по захватчикам, и белополяки покатались на запад. Украина быстро очищалась от войск Пилсудского и банд Петлюры. Буденновцы, громя панов, уже рвались к самой Варшаве. Страшась вторжения революционной армии в Польшу и распространения среди рабочих и крестьян русского «мятежного духа», правительство Пилсудского запросило мира. Советское правительство сразу дало согласие, не желая зря проливать кровь ни бойцов Красной Армии, ни одетых в солдатские шинели польских крестьян и рабочих.

В подготовке мирного договора с Польшей принимал участие Григорий Иванович Петровский.

Еще будучи депутатом IV Государственной думы, Петровский по совету Ленина выступал против решения думы об отторжении у Польши ее исконных земель на Холмщине. Теперь же, в 1920 году, обстоятельства совпали так, что ратифицировать гуманный договор с Польшей, определяющий для нее более справедливые границы, за что и боролся в царской думе Григорий Иванович, пришлось опять же Петровскому, но уже как «президенту» Украинской советской республики.

В мае 1920 года для обсуждения задач мирного строительства собрался IV Всеукраинский съезд Советов. Среди делегатов было много людей, еще не успевших снять с себя оружие и гимнастерки. Эти люди, пропахшие потом и порохом, со свежими рубцами ран, с беспощадными глазами, давно уже не бывали на таком огромном собрании, где решались не вопросы наступления или обороны, а мирные, хозяйственные дела. Их мотало по фронтам из конца в конец страны, и они, казалось, позабыли, что может быть какая-то другая жизнь, кроме боевой, походной. Но вот теперь эти воины, командиры, комиссары, красноармейцы встали вместе с другими делегатами и в едином порыве шумно аплодировали главе Украинской республики Петровскому, открывшему этот мирный съезд.

Многие делегаты знали председателя ВУЦИК лично или были наслышаны о его революционной деятельности. А те, кто не был знаком с

Петровским, зорко вглядывались в лицо этого человека на трибуне, придирчиво оценивая, каков он. И с каждой минутой они все больше и больше проникались симпатией к председателю ВУЦИК, говорившему на всем понятном языке, прямо, без прикрас о тяжелом хозяйственном положении на Украине и о тех нелегких задачах, которые теперь предстоит решить советской власти. Подкупали в Петровском серьезность и простота — ни одного актерского жеста, — искренность и какое-то удивительное сочетание жесткой прямоты с мягкостью, задушевностью. И когда председатель ВУЦИК уступил место на трибуне другим товарищам, а сам сел за стол президиума, люди, впервые его увидавшие сегодня, уже верили ему, верили как своему другу, с которым будто прошли не одну тысячу верст по дорогам гражданской войны.

На съезде были приняты важные решения о земельном устройстве, о восстановлении хозяйства и укреплении на местах органов советской власти.

Но едва лишь народ Украины вздохнул свободно, изгнав белополяков и петлюровцев, взял в руки плуг и стал к станку, как на Черноморье, в Крыму опять — уже в который раз! — стали скапливаться черные силы контрреволюции. Поддержанный империалистами Антанты, барон Врангель, сколотив из разбитых белых частей армию, выполз из Крыма и двинулся через Украину на север. Войска Врангеля были вооружены первоклассным английским и французским оружием, даже танками, имели в своем составе отборные офицерские батальоны.

IV Всеукраинский съезд Советов обратился к населению с призывом подняться на борьбу с Врангелем. Народ снова взял в руки оружие.

С контрреволюцией на юге страны нужно было покончить как можно скорей и отбить навсегда охоту у заморских империалистов вторгаться на землю молодой республики. Владимир Ильич специально вызвал в Москву командующего фронтом Михаила Васильевича Фрунзе, обсудил с ним положение. Возвратившись в Харьков, где в то время находилось украинское правительство и ЦК КП(б)У, Фрунзе передал им указание Ленина — направить на фронт в качестве комиссаров красноармейских частей двести-триста коммунистов. Добровольцев оказалось больше, чем требовалось, и Фрунзе с Петровским в течение двух дней завершили отбор кандидатов. Эти комиссары стали отличными воспитателями бойцов в армии Фрунзе, они показали образцы стойкости и личного героизма в тяжелейших боях на Сиваше и под Перекопом. Память о них сохранилась в книгах, легендах и боевых песнях.

Пока шли бои с Врангелем, украинская парторганизация развернула

большую массово-политическую работу среди крестьян и рабочих.

Председатель ВУЦИК Петровский организовал агитационно-инструкторский поезд имени Ленина, подобрал при помощи ЦК КП(б)У крепких партийных работников. В поезде оборудовали библиотеку, кинематограф, типографию, в которой печатали листовки и газету «Рабочий и крестьянин».

В течение сентября — декабря 1920 года Петровский объехал с этим поездом ряд губерний Украины. На остановках агитаторы раздавали населению листовки, воззвания, брошюры. Петровский и другие товарищи выступали перед рабочими на заводах, на сельских сходах, знакомились с деятельностью местных Советов, помогая практически решить тот или иной вопрос. Встречи с народом обогащали и самих агитаторов знанием конкретных условий, настроения людей. Крестьяне удивлялись простоте и отзывчивости представителей новой власти — большевиков. Ведь совсем недавно было по-другому. Люди нынешней власти, одетые в грубые сапоги и косоворотки, заходили запросто в хату, садились за стол, ничего не отбирали, а, сняв шапки, по-простому, тихо заводили очень понятные каждому разговоры о земле, урожае, скотине. Крестьяне и рабочие чуяли, что это свои люди, из народа.

В городе Нежине по предложению Петровского коллектив агитпоезда выпустил и распространил листовку, обращенную к крестьянству. «Незаможник! На кулацкого коня — против Врангеля!» — так начиналось это страстное воззвание украинского правительства к беднякам и батракам. Момент был тяжелый. На фронте Врангель, развивая наступление на Каховку, сильно потеснил наши войска, и Советская республика объявила дополнительную мобилизацию в Красную Армию. 2 октября 1920 года с воззванием к незаможным крестьянам Украины обратился Владимир Ильич Ленин.

«Теперь по Украине, — говорилось в воззвании, — незаможные селяне взялись за устройство своих комитетов, чтобы окончательно победить сопротивление немногих богачей, окончательно обеспечить власть трудящихся. Помещичий генерал Врангель усиливает натиск, чтобы сломать эти организации трудящихся.

Товарищи! Пусть же все и каждый встанет грудью на защиту против Врангеля! Пусть все комитеты незаможных селян напрягут как только можно свои силы, помогут Красной Армии добить Врангеля...»

И украинская беднота откликнулась на ленинский призыв. Комитеты незаможных крестьян быстро создали боевые отряды, которые отличились на врангелевском фронте.

Организованная в комитеты незаможных селян украинская беднота оказала большую помощь красноармейцам, когда пришлось очищать села и города от многочисленных, самых разных мастей контрреволюционных кулацких банд.

Решение о создании на Украине комитетов незаможных селян (беднейших крестьян) было принято ВУЦИК 9 мая 1920 года. Предложение о создании комитетов внес Петровский после того, как обсудил с Владимиром Ильичем положение, сложившееся к этому времени на Украине. Ленинскую идею подхватили бедняки и даже маломощные середняки. Это значило, что форма классовой организации крестьянской бедноты отвечала велениям самой жизни, тяге бедняцкой массы к крепкому единению, которое могло бы защитить их от кулаков и кровавого террора бандитских атаманов.

Коммунисты помогали бедноте создавать свои комнезамы (комитеты незаможных селян) в условиях тяжелой схватки с белогвардейщиной, петлюровцами и махновцами.

Борьба в деревне шла не на жизнь, а на смерть. Беднота не желала отдавать мироедам полученной от революции земли, а разъяренные кулаки жестоко мстили «голытьбе» за отнятое у них добро. Убийства из-за угла происходили очень часто. Только с мая по ноябрь 1920 года на Украине от рук кулаков погибло более ста пятидесяти представителей комитетов незаможных селян, не считая тех, кто погиб в боях против банд. А в 1921 году в одной только Полтавской губернии от рук классовых врагов погибло около трехсот крестьян-бедняков, активных защитников советской власти в деревне.

Кровавый террор белобандитов и кулаков не напугал бедняцкие массы, не смог принудить их откаться от власти Советов, которая отдала крестьянам землю безвозмездно, в вечное пользование. Комитеты незаможных селян сыграли большую роль не только в борьбе против кулачества и бандитизма, в укреплении на селе советской власти; они много поработали над привлечением на сторону советской власти крестьян-середняков. Комитеты на селе помогли партии и Советскому правительству справиться с голодом, снабдить рабочих продовольствием и тем самым укрепить революционный союз двух классов.

Неутомимым организатором всей этой великой работы в деревне, приобщения забитых масс крестьянства к сознательному строительству новой жизни был Григорий Иванович Петровский. Занимаясь множеством самых различных дел в ВУЦИК, он одновременно являлся и председателем ЦК комитетов незаможных селян.

По предложению Петровского 18 октября 1920 года был созван первый съезд комитетов незаможных селян (КНС). На съезде беднота впервые подвела итоги своей работы, определила дальнейшие пути укрепления влияния комитетов на крестьянские массы.

Со вступительным словом на съезде выступил Петровский. И когда он говорил о тех больших жертвах, которые беднота деревни принесла на алтарь революции, о необходимости еще сильнее укреплять союз крестьянства с рабочим классом, в зале раздавались дружные возгласы: «Хай живе дружній и непорушній союз рабiтників и селян!»

Хотя военные фронты против контрреволюции к этому времени на Украине были уже полностью ликвидированы, но жестокая вооруженная борьба на селе не утихала. Украина была наводнена бесчисленными бандами, голод и разруха по-прежнему душили промышленные города, и комитетам незаможных селян еще предстояло свершить большое дело в ликвидации бандитизма и всех тяжелых последствий войны.

V. Всеукраинский староста

Деятельность Григория Ивановича Петровского как председателя Всеукраинского Центрального Исполнительного Комитета (ВУЦИК) охватывает почти двадцатилетний период — с 1919 по 1939 год.

Об этом периоде жизни Петровского можно написать отдельную книгу — книгу, которая рассказала бы о большой кропотливой, напряженной работе верного ученика и соратника Ленина; книгу о коммунисте, который всегда был в народе и понимал душу рабочих людей, который в труде и в беде был рядом с людьми, разделяя с ними все тяготы и горести; книгу о крупном деятеле Коммунистической партии и Советского государства, вожаке масс, который никогда не ставил себя над народом, был прост, добр и человечен и не помышлял даже о том, что он исключительная, необыкновенная личность, которой все другие должны оказывать особое почтение.

Это был коммунист-ленинец, воспринявший многое от своего учителя. Тяжелое время подполья и чистый огонь революции закалили его характер.

Что характерно для Петровского как государственного и партийного деятеля в годы социалистического строительства на Украине? Прежде всего постоянное, будничное общение с народом, с людьми труда — рабочими, крестьянами, интеллигентами. Чиновничьи, бюрократические замашки были глубоко противны натуре Петровского. Он не любил «руководить» только с помощью бумаг и телефонных аппаратов. Он по природе своей был массовик, агитатор, пропагандист. Ему, как хлеб и вода, необходимы были встречи с людьми. Он любил смотреть им в глаза, ощущать крепкое пожатие рук, слушать и спорить, убеждать и доказывать. Так он лучше, уверенней разбирался в сути сложных дел и вопросов. Этому учил его Ленин.

Аудитория у Петровского была на редкость обширная. Это была действительно народная аудитория. Председатель ВУЦИК ездил по всей Украине. Он выступал на заводах и в селах, на съездах и конференциях, на собраниях и праздничных вечерах. Массовая работа — этот центральный пункт всей работы партии — была его стихией. Он делал доклады перед тысячной толпой и вел тихую, душевную беседу в окружении трех-четырех человек. Он председательствовал на заседаниях Политбюро ЦККП(б)У и ЦИК СССР, где решались вопросы государственной важности, и запросто толковал где-нибудь в цехе с рабочим о житье-бытье. И на все

эти сотни малых и больших дел Петровский находил время, силы, конечно, нередко за счет сна и отдыха. Петровский не желал работать иначе, вполсилы.

Имя Петровского знали стар и мал, от крестьянина-бородача до юного пионера. Все, кому доводилось встречаться, беседовать или работать с Петровским, рассказывают о нем с любовью, с большой симпатией.

От всего его облика так и веяло на людей теплотой. Его наружность, улыбка располагали к доверию, к желанию открыться, поговорить начистоту. Он был прост и естествен, как вода. Правдив во всем. Искренен со всеми.

Все эти качества Петровского, несомненно, и притягивали к нему людей самых различных профессии и склада характера. «Наш Петровский», «наш Григорий Иванович», «наш всеукраинский староста» — так называли его в те годы на Украине.

Сейчас мало осталось в живых соратников Петровского. Но тем дороже их свидетельства о жизни и работе Григория Ивановича.

Ныне здравствующая старая большевичка С. И. Гопнер, член партии с 1903 года, Герой Социалистического Труда, познакомилась с Григорием Ивановичем Петровским еще в 1905 году. Она работала с Петровским на Украине и при советской власти.

В статье, посвященной памяти Петровского, С. И. Гопнер писала: «...В своей работе он был совершенно свободен от кабинетных методов руководства. О нем мало сказать, что он был тесно связан с массами: он жил с ними одной жизнью, остро чувствовал их нужды, переживал их горести и радости.

Тот, кто лично знал Григория Ивановича, не мог не видеть огромного влияния на него В. И. Ленина. Григорий Иванович понимал марксизм не по-книжному, а глубоко вникал во внутреннее его содержание. Он живо реагировал на каждое событие не только умом, но и сердцем...»

1921 год оказался очень тяжелым для Украины. Восстановление хозяйства шло медленно. Борьба с бандитизмом была особенно напряженной.

В подполье, в лесах оставалось еще немало врагов советской власти. Они продолжали свою бессмысленную, обреченную борьбу. Кулаки прятали, зарывали в ямы излишки хлеба, гноили его, лишь бы он не достался государству, голодающему рабочему классу. Из-за сильной засухи в южных степных районах весь урожай сторел на корню, удалось собрать ничтожное количество зерна.

И снова на помощь Украине пришла братская Россия, хотя и ее не

пощадил голод. Григорий Иванович Петровский поехал в Москву к Ленину и нашел у него поддержку.

Все силы советская власть бросила на борьбу с голодом. Были созданы специальные комиссии помощи голодающим. Центральную комиссию на Украине возглавлял Петровский. Комиссии собирали ценности, реквизировали хлеб у кулаков и распределяли его среди нуждающихся. Много активистов и партийцев поплатились жизнью в схватке с кулаками.

В ту пору Харьков был столицей Украины.

Положение в самой столице сложилось не менее тяжелое, чем в других городах Украины. Рабочие и трудовое население жило впроголодь. Все больницы и многие школы были переполнены больными тифом и ранеными красноармейцами. Коек не хватало, люди зачастую лежали на соломенных подстилках, прямо на полу. Не хватало простыней и медикаментов, больным выдавался очень скудный рацион пищи.

А между тем владельцы частных предприятий, крупные торговцы, не успевшие удрать из Харькова вместе с деникинцами на юг, жили на широкую ногу в собственных домах, ни в чем себе не отказывая. Спекулянты на рынках заламывали такие цены за продукты, что простому трудовому люду и подступиться к ним невозможно было.

Тяжелое продовольственное положение, с одной стороны, и пресыщенная жизнь кучки паразитов общества — с другой, вызывали среди харьковских рабочих недовольство, которое пытались использовать контрреволюционные организации, оставившие в городе свои подпольные гнезда.

Нужны были срочные и решительные меры. По предложению Петровского в театре «Миссури» было созвано совещание представителей от заводов Харькова. На нем решили изъять у торговцев и спекулянтов излишки одежды, обуви, продовольствия, мебели и распределить все это между нуждающимися рабочими, семьями красноармейцев и теми семьями, отцы и дети которых стали жертвами контрреволюционного террора при Деникине. Избранная на совещании комиссия разослала во все концы города вооруженные группы рабочих. Они обследовали магазины, склады и квартиры частных торговцев и предпринимателей. Все реквизированные ценности и продовольствие были переданы комиссии, которая занялась распределением этого добра среди голодающих семей трудящихся. А переполненные городские больницы получили много постельного белья и дефицитных медикаментов.

Этот поход против харьковских богатеев и дармоедов, организованный Григорием Ивановичем Петровским, сразу же поднял в глазах рабочих и

всего трудового населения авторитет новой, советской власти.

Однако положение в стране было по-прежнему тяжелым.

Голод и тиф уносили миллионы жизней. Множество детей, потеряв отцов и матерей, остались без крова и пищи. Тысячи беспризорных бродили по городам и селам. Ребята попадали в руки матерых уголовников. Они приучали молодежь к воровству, пьянству, разврату, наркомании.

Нужно было, не теряя времени, спасти юное поколение — будущее страны. Специальный декрет Совнаркома за подписью Ленина возложил на председателя ВЧК Феликса Эдмундовича Дзержинского руководство ликвидацией детской беспризорности.

Хотя загружен государственными делами Петровский был, что называется, выше головы, он сам вызвался возглавить Центральную комиссию помощи детям на Украине. В короткий срок были организованы десятки трудовых колоний и детских домов, где ребята, собранные с улиц, выловленные из трущоб и воровских шаек, получили постель и питание, возможность учиться, приобщаться к общественно полезному труду. Во главе таких колоний и детских домов партия поставила лучших учителей, бывших комиссаров Красной Армии.

Петровский находил время, чтобы побывать в детских колониях и домах, потолковать по душам с воспитанниками. Позднее он рассказывал друзьям, что в беседах с глазу на глаз с каким-нибудь хлопчиком, запутавшимся в воровстве, ему удавалось так разбередить, всколыхнуть его душу, что под конец тот сам признавал, что красть у рабочих и крестьян — дело позорное. Ведь беспризорники были в подавляющей массе детьми тех же крестьян и рабочих. Петровский, который малолетним ребенком лишился отца, быстро находил нужный тон в беседах с подростками, завладевал их умом и сердцем.

В 1922 году детская беспризорность была почти полностью ликвидирована. Благоприятствовало этому и то обстоятельство, что 1922 год выдался урожайным.

Хозяйственная жизнь Украины начала понемногу налаживаться, крепнуть. Замена продразверстки в деревнях продналогом, проведенная по предложению Ленина, дала первые результаты: ведь крестьянин мог свободно распоряжаться излишками хлеба, мог продавать его, он был заинтересован в расширении хозяйства. И продовольственное положение в городах улучшилось — в государственной торговой сети, магазинах кооперации появились продукты и даже промышленные товары, которые стали поступать с некоторых восстановленных заводов и фабрик. Так постепенно возобновлялся обмен продукцией между городом и деревней и,

стало быть, укреплялась экономическая смычка рабочего класса с крестьянством.

Хотя некоторое улучшение жизни и произошло, но в целом народное хозяйство Украины, особенно промышленность, находилось еще в упадке. Молодая Республика Советов в то время еще не имела ни денег, ни материальных ресурсов, ни кадров специалистов в нужном количестве, чтобы пустить в действие все фабрики, заводы и шахты. Люди жаждали работы хотя бы один день в неделю, но даже это малое требование правительство не могло удовлетворить.

Враги пытались использовать эти трудности, играя на чувствах измученных безработицей людей.

Руководящие работники Украины разъезжали по городам и селам, объясняя народу причины трудного экономического положения, рассказывая о том, как советская власть борется и будет далее бороться с разрухой и безработицей.

Много раз выступал на собраниях перед безработными и Григорий Иванович Петровский. Он честно и прямо говорил, что правительство не может сейчас устроить всех желающих на работу не потому, что оно этого не хочет, а потому что первая империалистическая и гражданская войны настолько подорвали экономическую базу страны, что понадобится несколько напряженных лет, чтобы возродить промышленный потенциал страны.

Всюду, куда бы ни приезжал Петровский, его слушали с огромным вниманием. Он, бывший токарь, был популярен среди рабочих, каждому его слову верили. И попытки анархистствующих элементов раскалить на собраниях безработных страсти, посеять недовольство властью разбивались о спокойные и мужественные ответы Григорий Ивановича.

Восстановление народного хозяйства было одной из труднейших задач, с которой партия под руководством Ленина успешно справлялась. Дальнейшее развитие страны и необходимость укреплять ее оборонную мощь требовали более крепкого объединения всех народов России. Ни одна из советских республик не смогла бы самостоятельно, в одиночку, справиться с огромными задачами в строительстве социализма.

Сама жизнь требовала образования сильного союза республик.

Центральный Комитет партии создал в Москве специальную комиссию, которая разработала основные принципы будущего Союза ССР. В работе комиссии от Украины участвовали Петровский и Фрунзе.

В начале декабря 1922 года VII Всеукраинский съезд Советов под

председательством Григория Ивановича Петровского принял декларацию, обращенную к трудящимся России, Украины, Белоруссии, Грузии, Армении и Азербайджана, с призывом приступить к созданию Союза Советских Социалистических Республик.

А уже 30 декабря 1922 года собравшийся в Москве I Всесоюзный съезд Советов провозгласил образование на территории бывшей царской России добровольного союза равноправных Советских Социалистических Республик — СССР.

На сессии избранного съездом ЦИК СССР был образован его Президиум и избрано четыре Председателя Президиума — Калинин, Петровский, Червяков и Цхакая.

Каждый месяц и год приносили новые успехи на трудовом фронте. Но все то хорошее в жизни, что радовало людей, поднимало в них революционный энтузиазм, чаще и чаще омрачалось печальными сообщениями о болезни Ленина.

До поры до времени о болезни Ленина знали только родные, близкие и несколько товарищей из ЦК партии. В газетах публиковались статьи, декреты, постановления за подписью Владимира Ильича. Ленин был на своем трудном посту, народ это знал. Он и в самом деле работал с прежней неутомимостью по десять-двенадцать часов в сутки, как только болезнь отступала и к нему возвращались силы.

Многие города и села желали видеть вождя революции, слали Ильичу приветствия и приглашения посетить их, приехать хоть на денек, чтобы потолковать по душам. И Ленин ездил, выступал на митингах, беседовал с крестьянскими ходаками, советовал, убеждал, учил. Но побывать всюду он не мог. Не хватало ни времени, ни сил.

ВУЦИК, готовя созыв очередного V Всеукраинского съезда Советов, также послал Ленину телеграмму с горячей просьбой быть дорогим гостем съезда.

«Мы питали надежду увидеть Владимира Ильича на нашем V Всеукраинском съезде Советов, но болезнь мешала ему приехать, — вспоминал впоследствии Петровский. — Съезд открылся в феврале 1921 года. Ленин прислал нам приветственную телеграмму:

«Товарищи! От всей души шлю приветствие V Всеукраинскому съезду Советов. Выражаю глубокую уверенность, что союз незаможных селян и украинских рабочих укрепит Советскую Украину и упрочит Украинскую республику, вопреки всем препятствиям и козням врагов.

Прошу тов. Петровского передать мое сожаление, что никак не могу принять предложение съезда и приехать лично. Надеюсь все же, что в

недалеком будущем мне удастся посетить Советскую Украину. Желаю съезду успеха в укреплении власти рабочих и селян и восстановлении хозяйства.

Ваш Ленин».

Так и не довелось Владимиру Ильичу побывать на Украине. Мы потом узнали, что после некоторого улучшения здоровья, позволившего ему вернуться к работе, он снова тяжело заболел».

Григорий Иванович Петровский писал об этих тревожных, горестных для партии и народа днях:

«...Много товарищей, членов ЦК (Украины. — Ред.) и рядовых работников просили меня при встрече с Лениным спросить, что он думает о своей болезни.

В один из своих приездов в Москву я выполнил эту просьбу. Помню ответ Владимира Ильича.

— Болезнь у меня такая, — сказал Ленин, — что я либо стану инвалидом, либо меня не станет. Но только смотрите, чтобы руководители ЦК были избраны такие, которые не допустят раскола в партии, обеспечат ее единство. Наше дело верное. К социализму пойдут и другие страны, но если будет раскол в нашей партии, то может стать беда. Так и скажите своим товарищам...

Ленин болел чаще и чаще, а мы все надеялись на чудо, хотя чудес и не бывает.

В январе 1924 года Фрунзе и я ехали на II съезд Советов. В Курске нам передали телеграмму о смерти Владимира Ильича...»

Столица встретила делегатов от Украины свирепым морозом. Притихшая, печальная Москва вся закаменела, как будто сама смерть склонилась над городом и дышала ему в лицо, опаляя лютой своей стужей.

Подготовка к открытию II Всесоюзного съезда Советов и XIII Всесоюзной партийной конференции не прекращалась. В помещениях ВЦИК и Центрального Комитета партии продолжалась будничная работа, но люди, которых Григорий Иванович встречал в кабинетах и коридорах, ходили молчаливые, с Плотно сжатыми губами, с припухшими от бессонницы и слез веками.

Петровский уходил из ВЦИК обычно за полночь и направлялся к зданию Московской консерватории, где было устроено временное общежитие для делегатов съезда. Прихода Григория Ивановича каждую ночь с нетерпением ждали украинские делегаты. Едва он появлялся в холодном, чуть натопленном фойе концертного зала, заставленном койками, как тотчас же его окружали товарищи и тихо, без лишних

расспросов, слушали, что скажет он.

Печальный, весь как-то почерневший с лица, Григорий Иванович стоял в их тесном молчаливом кружке и негромко рассказывал о своих встречах с Ильичей.

Потом, на вторую или третью ночь, они задали ему один вопрос, мучивший всех, — как же теперь жить без Ленина, что станет с партией и революцией? Петровский ждал этого вопроса. Он и сам не раз задавал его себе, об этом же, терзаясь сомнениями, разговаривал с близкими друзьями в ЦК, ЦИК и Совнаркоме.

Он не пытался скрыть своих тревог, он просто рассказывал делегатам о положении в партии, в стране, о своей непоколебимой вере в ленинское дело. Он говорил, что в партии нет такого человека, который мог бы заменить Владимира Ильича, что только Центральный Комитет коллективно может осуществить ленинские планы. Он говорил, что первый долг всех коммунистов сейчас — беречь как зеницу ока единство в рядах партии и бороться за ленинскую программу строительства социализма, которую завещал Ильич в своих последних речах, статьях и письмах Центральному Комитету партии.

А однажды, придя в общежитие раньше обычного, Петровский принес ободряющее известие. Оживленно оглядывая яркими карими глазами лица сгрудившихся вокруг товарищей, он торопливо рассказывал о том, что на заводах началось небывало широкое движение рабочих — сотни людей вступают в ряды партии. Это была подлинно народная помощь партии в минуту тяжелейшего испытания.

По свидетельству С. И. Гопнер, Петровский «пользовался большим уважением, любовью и абсолютным доверием В. И. Ленина, твердо стоял на ленинских позициях, много сил отдал борьбе за единство партии, против всяких антипартийных группировок...»

После смерти Ленина разного рода оппозиционеры в партии усилили свою подрывную фракционную деятельность. Они навязывали партии одну дискуссию за другой, они клеветали на старые партийные кадры, на Центральный Комитет партии, они пытались доказать невозможность построения социализма в нашей стране.

Троцкисты, «новая оппозиция», «правые» — перипетии этой сложной и напряжённой борьбы известны каждому, изучавшему историю нашей партии. Поэтому нет нужды рассказывать о ней в этой книге. На Украине, где работал Петровский, внутрипартийные дискуссии проходили так же остро, как и в других местах.

Здесь, опуская известные всем подробности о борьбе с партийными фракционерными, хочется добавить к портрету Петровского несколько штрихов. Оппозиционеры зачастую пытались делать ставку на «зеленую» молодежь, вовлекая ее в демагогические споры.

Петровский пристально следил за идейным, политическим развитием молодежи. Много интересного об этой стороне деятельности Григория Ивановича рассказал один из первых организаторов украинского комсомола, Иван Афанасьевич Жолдак.

В начале 1920 года харьковская организация комсомола считалась самой многочисленной среди других городских организаций Украины. Она росла быстро, но главным образом за счет непролетарской молодежи, из-за чего в ней нередко бывали болезненные явления.

В это время в комсомольской организации возник уклон, который выразился в своеобразном «юношеском синдикализме». Часть комсомольцев выступала за обособление, комсомола от партии, за превращение его в отдельную политическую партию, защищающую только интересы молодежи. Сторонники этого уклона ратовали за то, чтобы создать отдельно от Советов рабочих и крестьянских депутатов Советы рабочей молодежи.

Другая группа «уклонистов» выступала за то, чтобы комсомол вообще ликвидировать, а работу среди молодежи вести непосредственно партийным организациям, как и среди женщин, для чего создать в парткомах отделы по работе среди молодежи.

В разгар споров между этими группировками молодежь Ивановского района Харькова попросила Петровского разъяснить им, какой точки зрения придерживаться. Григорий Иванович внимательно выслушал представителей разных групп и показал ошибочность взглядов и тех и других уклонистов. Не следует упускать из виду, что это происходило до III съезда комсомола, на котором В. И. Ленин произнес свою знаменитую речь, ставшую программой деятельности комсомола.

Петровский говорил, что комсомол должен оставаться самостоятельной организацией, в которой пролетарская и близкая к ней иная молодежь должна воспитываться в коммунистическом духе, а главный способ этого воспитания — участие в строительстве социализма. Руководство комсомолом должно осуществляться партийными организациями, но без мелочной опеки. Комсомол составляет часть общего коммунистического движения, и только под руководством партии он сможет воспитать настоящих, крепких революционеров. Петровский интересно рассказывал об историческом прошлом партии, о ее героической борьбе при царизме и в

годы революции. И. А. Жолдаку запомнились его слова о том, что борьба за коммунизм — дело трудное, требующее участия в ней многомиллионных масс, и передовая молодежь должна быть в рядах борцов.

Эта беседа сильно подействовала на всех, кто ее слушал.

В Донбассе, а затем в Екатеринославе и Харькове появились две группировки, которые вели споры о том, кого следует и кого не следует принимать в комсомол. Одни доказывали, что комсомол должен создавать беспартийные группы рабочей молодежи, из которых черпать себе новых членов, а в селах организовать беспартийные союзы крестьянской молодежи и, таким образом, обеспечить «выдержанный состав» членов комсомола из «сознательной» и только трудовой молодежи.

Другие предлагали принимать в комсомол не только сознательных, но и тех, которые хотят стать сознательными коммунистами.

Первых почему-то называли «классовиками», а вторых — «массовиками».

В это время внутри партии сложилась анархо-синдикалистская группа — так называемая «рабочая оппозиция», к которой и скатывались комсомольские «классовики». Поэтому в ходе дискуссии, перед X съездом партии, одновременно обсуждался не только вопрос о роли профсоюзов, но и дела в комсомоле, по крайней мере так было на Украине и, в частности, в Харькове. Эти споры в комсомольской организации проходили без должного партийного влияния. Если кто иногда и бывал на комсомольских собраниях, так это прежде всего Г. И. Петровский.

Запомнилось Жолдаку собрание комсомольцев Петинско-Журавлевского района Харькова, где были основные силы «классовиков». На собрании присутствовал почти весь актив харьковской организации комсомола. Приехал Григорий Иванович Петровский. Значительная часть его речи была посвящена общепартийным делам в связи с дискуссией о профсоюзах. В свете этой дискуссии он рассматривал и положение в комсомоле. Такой подход к делу сразу же обнаружил узость позиций как «классовиков», так и «массовиков» по вопросам развития комсомола.

Петровский говорил, что цель Коммунистической партии и комсомола — построение коммунистического общества для всего народа, а не только для рабочих, и что в этом строительстве должны принимать участие и крестьяне и интеллигенция, которых надо воспитывать в духе коммунизма, и если пролетариат откажется от такой работы, то буржуазия найдет способы, чтобы подчинить своему влиянию крестьянство, ремесленников и интеллигенцию. Поэтому необходимо как можно шире вовлекать в комсомол всю молодежь, а не отгораживаться от нее под видом приема

только «сознательных», «воспитанных», «выдержанных», как это делают «классовики». Но в то же время надо хорошо разбираться, кого принимать в комсомол, так как в деревне могут пробраться к власти через комсомол кулацкие элементы. Петровский напомнил, что в селах немало молодежи, которая во время деникинщины и в борьбе с бандитизмом на деле доказала свою преданность советской власти. Ее надо вовлекать в комсомол в первую очередь. Иное дело, когда речь идет о городской мелкой буржуазии и выходцах из буржуазии. Нельзя, конечно, полностью закрывать двери комсомола перед этой молодежью, но надо тщательно отбирать ее, отбирать тех, кто доказал на фронтах свою преданность советской власти и партии, кто искренне переходит на сторону рабочего класса. Григорий Иванович подчеркивал, что надо решительно вести борьбу с теми, кто под видом «массовости» комсомола раскрывает широкий доступ в комсомол мелкобуржуазной молодежи, но еще более решительно надо бороться с «махаевским», антиинтеллигентским течением, которое вредит делу строительства социализма и коммунизма.

Большую часть своей речи Григорий Иванович посвятил вопросу — почему ни в партии, ни в комсомоле недопустимы фракции и группировки. Они, эти фракции и группировки, говорил Петровский, становятся зародышем контрреволюционных организаций, ведут к расколу, к ослаблению партии и комсомола. Григорий Иванович подкреплял свои слова убедительными примерами из жизни.

Речь и аргументы Петровского подействовали на молодежь, большинство сторонников той и другой комсомольских группировок заняло правильные партийные позиции.

Еще один случай хорошо запомнил И. А. Жолдак. Во время дискуссии в 1922–1923 годах, когда троцкисты пытались натравить молодежь на старую большевистскую гвардию и противопоставить партии молодежь, особенно студенчество.

Вопрос о взаимоотношениях партийных поколений — старых и молодых коммунистов — тогда был одним из наиболее острых, особенно в учебных заведениях. Личное общение комсомольцев и молодых членов партии с такими старыми большевиками, как Петровский, Фрунзе, Владимирский, Чубарь, Мануильский, Квиринг, жившими тогда в Харькове, подрывало влияние троцкистской антипартийной группы на молодежь.

Убедившись, что большинство молодежи выступает за ленинскую линию, главари троцкистской оппозиции стали нашептывать молодежи, что ей надо оставаться нейтральной, не выступать за определенную

политическую линию. Такая агитация особенно усиленно велась в вузовских организациях. Григорий Иванович и тут вступил в борьбу. Благодаря его участию в вузовских собраниях многие студенты правильно разобрались в антипартийных демагогических заявлениях троцкистов.

И еще одна страничка из воспоминаний Жолдака, связанная с так называемой «новой оппозицией» в партии, которая хотела организовать себе массовую поддержку прежде всего в Ленинграде: «На Украине оппозиционеры тоже стремились завоевать позиции в партийной и комсомольской организациях. Пользуясь тем, что в ЦК РЛКСМ имелась довольно большая группа сторонников этой антипартийной фракции, оппозиционеры пытались производить изменения в составе ЦК ЛКСМУ и ряде губернских комитетов. Из Ленинграда и Москвы группами прибывали на руководящую работу в комсомол люди, которые, как выяснилось в дальнейшем, были сторонниками «новой оппозиции».

Это вызвало ответные мероприятия со стороны харьковской партийной организации, возглавлявшейся К. О. Киркижем, и комсомольской организации, которой руководил Семен Высочиненко, один из первых организаторов харьковской организации молодежи. Была произведена перегруппировка кадров в комсомольской организации.

О том, какие отношения были у комсомольцев с Григорием Ивановичем Петровским в то время, говорит такой факт. Харьковский губком комсомола получил из Ленинграда телеграмму с приглашением на конференцию ленинградской организации комсомола, якобы посвященной юбилейной дате этой организации. Мы колебались — ехать или не ехать — и пошли посоветоваться с Петровским. Его изумительное умение выслушивать нас, беспокойных, с горячими головами ребят, создавало особую близость в беседах.

Как всегда, он ставил нам наводящие вопросы, которые заставляли шире, глубже посмотреть на дело. Меня, например, поразил его вопрос: «А нет ли здесь какой-либо политической ловушки?»

Наш разговор закончился тем, что Петровский порекомендовал нам подумать и сообщить ему наше мнение. Наше решение не ехать в Ленинград и ограничиться приветственной телеграммой он нашел правильным. Так мы и поступили.

Лишь перед самым XIV съездом партии мы узнали, что руководители «новой оппозиции» пытались через голову ЦК партии и ЦК РЛКСМ созвать в Ленинграде своего рода всесоюзный съезд комсомола под видом участия делегаций крупнейших организаций комсомола в юбилейной конференции. Главная цель этой затеи — охватить влиянием оппозиции все

комсомольские организации страны. Словом, нам действительно подготовлялась политическая ловушка, как проницательно угадал Григорий Иванович.

После XIV партийного съезда в Ленинград была направлена группа членов ЦК партии для разъяснения решений съезда. В ней был и Г. И. Петровский.

Так как в Ленинграде произошел невиданный в истории комсомола случай, когда ленинградский губком комсомола не признал решений XIV съезда партии, а затем стал вести разлагающую работу среди комсомольцев, то ЦК счел необходимым направить в Ленинград группу членов ЦК комсомола для разъяснения молодежи решений XIV съезда партии. В эту группу попал и я. Мне приходилось бывать и там, где выступал Г. И. Петровский.

Одно из таких собраний было на фабрике имени Ногина. Там антипартийными элементами была сколочена довольно активная группа, эта группа подбила молодых рабочих сорвать собрание, на котором против «новой оппозиции» выступали члены ЦК партии. Два раза собрание срывалось из-за демагогических и просто хулиганских выходок оппозиционеров.

Среди членов ЦК партии, которые выступали на собрании, был Г. И. Петровский. Он сделал основной доклад и ответил на вопросы.

Старые рабочие, хорошо знавшие Григория Ивановича еще по его работе в IV Государственной думе, так энергично поддержали Петровского, что кучка оппозиционных демагогов к концу затянувшегося собрания потеряла значительную часть молодежи, которая до этого была на их стороне. Чувствуя свой явный провал, оппозиционеры стали выкрикивать провокационные и клеветнические фразы, стараясь помешать Петровскому закончить речь. Тут-то я и увидел исключительное самообладание Петровского, его умную тактичность. Дело обернулось так, что наиболее нахальных демагогов рабочие либо принудили молчать, либо выгнали с собрания.

По докладу Петровского была принята резолюция, приветствовавшая решения XIV съезда партии и осуждавшая «новую оппозицию».

В декабре 1925 года состоялся XIV съезд, партии. Он дал установку претворить в жизнь ленинский курс на индустриализацию страны.

Проводить этот курс было тогда нелегко. Не хватало денег для финансирования строящихся предприятий, не хватало кадров, техники. И все-таки путь оставался один — строить. Строить заводы, фабрики, шахты,

экономя каждую государственную копейку, призвав на помощь честных людей из среды старой, дореволюционной интеллигенции и даже заключив деловые соглашения с некоторыми иностранными фирмами и специалистами. Все, что можно было привести в движение, бросить на фронт индустриального строительства, — все было двинуто.

Рост промышленности шел бурно. В строй друг за другом вступали новые заводы, фабрики, рудники.

Весной 1927 года на берегах Днепра началось строительство крупнейшей по тем временам гидростанции. На объединенном заседании ВУЦИК и Совнаркома Украины был создан специальный комитет содействия Днепрострою, в состав которого вошли видные инженеры, ученые, а также партийные работники, в том числе Григорий Иванович Петровский и Влас Яковлевич Чубарь. Комитет содействия оказал большую практическую помощь коллективу Днепростроя. Днепрогэс был детищем всего советского народа, плодом его напряженного труда.

Обращаясь через газету «Вісти» с письмом к рабочим и руководителям Днепростроя, Петровский писал:

«...Днепрострой должен стать величайшим примером эксплуатации не человека, а природы и освобождения труда путем использования дешевой электроэнергии... На Днепрострой смотрит весь пролетарский мир. Вот почему строители его должны подняться к мировой ответственности и выполнить свою обязанность перед трудящимися всего мира с честью... Днепрострой — это гордость усилий, духовного и физического напряжения рабочего государства. Оглядываясь назад, в минувшие столетия с их сооружениями пирамид, римских коллизеев, готических соборов, воздвигнутых на рабстве и для рабства, мы говорим, что наш Днепрострой станет символом пятиконечной красной звезды, выражающей славу преодолевших рабство трудящихся, и подымет угнетенных на борьбу за равенство и братство трудящихся всего мира...»

И вот наступило 8 ноября 1927 года. В этот день возле села Кичкас в фундамент плотины Днепровской гидроэлектростанции укладывался первый кубометр бетона. Строители пригласили на торжество Григория Ивановича Петровского и других руководителей Украины.

Когда начался торжественный митинг и начальник стройки объявил в микрофон, что приветствовать днепростроевцев от имени ЦИК СССР и ЦИК Украины приехал Григорий Иванович Петровский, поднялся такой шум и ликование, что Петровский вынужден был переждать несколько минут, прежде чем начать речь.

— Согласно с заветами Ильича, — говорил Петровский, — волей

рабочих и крестьян, мы закладываем строительство гидростанции на великой реке Днепр... Наши враги думали, что мы не сумеем восстановить хозяйство. Но десятая годовщина Октября доказала высокую революционную организованность и трудовую дисциплинированность трудящихся. Днепрострой станет во главе реконструкции нашей промышленности...

Эти слова были встречены овацией. После митинга состоялась закладка фундамента гидростанции.

А 6 ноября 1930 года коллектив Днепростроя прислал Петровскому такую телеграмму:

«Среднюю протоку забетонировали. Мосты старый, новый Днепр закончили досрочно. Встречный план 500 000 кубометров выполняется в сроки. Просим прибыть на празднование Октября...»

Петровский был частым и желанным гостем у строителей. Возбужденный, дотошный, он лазал вместе с инженерами и прорабами по кучам земли и камня, пробирался между грудями строительных материалов.

Он наблюдал, как насосы изо всех сил откачивают скапливающуюся на дне котлована грунтовую воду, как плотники рубят из бревен клетки ряжей и укладывают их поверх земляных перемычек, слоями наращивая ее в высоту. Он с удовольствием ходил по этим толстым стенам, далеко вторгшимся в русло реки, глядел на беспокойный плеск днепровских волн по ту сторону перемычек и с восхищением думал о том, как силен человек и как много он может, сделать в борьбе с природой.

Потом в тесной конторке начальника участка он слушал рассказ, как продвигается фронт строительных работ, чего не хватает и в чем главная загвоздка на сегодняшний день. Ему показывали схемы, чертежи, и Петровский внимательно следил за толстым, с твердым ногтем пальцем прораба, медленно ползущим по паутинкам чертежных линий.

А в просторном строгом кабинете начальника Днепростроя, где висела большая разноцветная схема гидростанции, он рассматривал могучий изгиб плотины, наглухо перекрывающей дорогу древнему Днепру, и мечтал о дне, когда это, наконец, свершится. Он внимательно следил за ходом великой стройки ГОЭЛРО и помогал ее коллективу.

Поэтому, не преувеличивая; можно сказать, что Днепрострой — частица биографии Петровского, ибо он отдал этому большому делу силы ума и сердца. Он прекрасно сознавал, что такое ДнепрогЭС для Украины, для всей Страны Советов. Люди, знавшие Петровского в эту пору его жизни, рассказывают, что он в беседах с днепростроевцами любил

повторять знаменитые ленинские слова, что «Коммунизм — это есть Советская власть плюс электрификация всей страны».

В первую пятилетку на Украине, кроме Днепровской гидроэлектростанции, началось строительство также тепловых электростанций — Харьковской, Киевской, Криворожской, Штеровской.

Крепла экономика Советской Украины. Только за три первых года первой пятилетки вступило в строй более пятисот промышленных предприятий. Шахтеры Донбасса выдавали на-гора угля почти столько, сколько в довоенные годы. Было пущено 26 доменных печей.

К 1 октября 1931 года в рекордно короткий срок — за пятнадцать месяцев — было успешно завершено строительство Харьковского тракторного гиганта. Строительство Харьковского тракторного — одна из ярких страниц в летописи борьбы партии и народа за создание отечественной тракторной промышленности.

От царской России нам осталось в наследство не более двухсот тракторов различных иностранных марок, в 1925 году заводы Советской России выпустили всего около пятисот машин, а к концу 1931 года вслед за Тракторным на Волге вырос еще один завод — в Харькове, способный выпускать до пятидесяти тысяч тракторов в год.

И, конечно же, на торжественный пуск завода приехали партийные и советские руководители — Г. И. Петровский, С. В. Косиор, Р. Я. Терехов — секретарь Харьковского комитета КП(б)У, чтобы разделить со строителями их радость.

Во дворе завода, там, где всего лишь пятнадцать месяцев назад был огромный пустырь, состоялся митинг. После рапорта начальника строительства и директора завода П. И. Свистуна на трибуну поднялся Петровский.

Взволнованный, улыбающийся, поблескивая живыми глазами за стеклышками очков, он говорил:

— Мы создали большую социалистическую крепость, выдержав острую борьбу со всяким оппортунизмом, и этим еще раз подтвердилась правильность генеральной линии партии... Это строительство — результат наших великих усилий. Пролетариат и крестьяне, советские служащие и руководители строительства — все принимали участие в создании гиганта — ХТЗ, но главное — пролетарии — строители ХТЗ, которые налаживали производство тракторов социалистическим соревнованием и ударничеством, на опыте Сталинградского тракторного завода, тракторного цеха «Красного путиловца» сделали великое дело... Мы должны теперь, — сказал Петровский, — направить всю работу на выполнение промфинплана

завода, то есть на выпуск для социалистического хозяйства ста сорока — ста пятидесяти тракторов в сутки.

Митинг окончен, и собравшиеся направились к механосборочному цеху, в воротах которого была протянута ленточка. Григорий Иванович перерезал ее, и с конвейера медленно сполз первый трактор «ХТЗ», его вела лучшая ударница завода Мария Бугаева. Петровский взобрался на него, встал рядом с водителем и так, стоя на тракторе, приветствуя аплодирующую толпу, под гром оркестра выехал на площадь перед заводом. Спустя десять минут с конвейера поплыл второй трактор, затем — третий. Один за другим выкатились из ворот десять новых машин с маркой «ХТЗ», которые потом завоевали на полях страны славу и всеобщее признание.

Индустриальная мощь СССР крепла с каждым годом. Она стала тем архимедовым рычагом, с помощью которого партия подняла и взломала весь патриархально-собственнический, веками застывший уклад деревенской жизни.

Идея коллективного ведения сельского хозяйства получила у крестьян Украины довольно быстрое признание и поддержку. К осени 1929 года здесь насчитывалось уже около шестнадцати тысяч колхозов. Именно на Украине, в Одесской области, в 1928 году была создана первая в Советском Союзе машинно-тракторная станция имени Шевченко.

Так началось на Украине великое движение крестьян за общественный, социалистический труд.

Конечно, движение это шло не стихийно, оно направлялось и организовывалось партией, его проводниками были коммунисты, комсомольцы, активисты сел и городов. И Григорий Иванович Петровский часто выезжал в села, разъяснял крестьянам сущность колхозов. Он любил потолковать по душам с мужиками. Знание крестьянской психологии и обстановки на местах хорошо помогало ему и при обсуждении сельскохозяйственных проблем на заседаниях ВУЦИК.

Петровский обладал ценнейшей для коммуниста-организатора способностью увязывать любое дело или событие с конкретными задачами социалистического строительства. Он умел извлечь, казалось бы, даже из весьма далекого от современности факта воспитательный, практический смысл.

В селе Кирилловке 11 марта 1929 года состоялось торжественное собрание, посвященное памяти великого украинского писателя Тараса Шевченко в связи с 68-летием со дня его смерти. На торжество приехал

Григорий Иванович и выступил перед крестьянами. Его речь, простая и страстная, полная любви к гениальному поэту, насыщенная раздумьями и заботами о судьбе украинского крестьянства, так сильно подействовала на собравшихся крестьян, что они приняли резолюцию, поражающую своей политической глубиной, актуальностью для тех дней. В резолюцию были внесены, в частности, такие пункты:

«1) в течение года коллективизировать все село (Кирилловку) и обобществить обработку земли,

2) просить правительство открыть в с. Моринцы, где родился Т. Г. Шевченко, школу селянской молодежи, построить сельский дом, кино и библиотеку и назвать их именем Шевченко,

3) для увековечения памяти Шевченко в селах Моринцы и Зеленой Дубраве перейти к коллективизации и обобществлению земли».

Как-то выступая в 1930 году на большом митинге в селе Апостолово, разъясняя крестьянам смысл и цель коллективизации, Петровский сказал: «... Теперешнее время сплошной коллективизации сельского хозяйства является таким большим событием, которое можно сравнить с Великой Октябрьской революцией...» В этих простых словах, понятных каждому крестьянину, Петровский сумел кратко выразить глубинный смысл того великого процесса, в котором участвовали сами же крестьяне.

В канун нового, 1931 года в Харькове состоялся Первый Всеукраинский слет коммунистов-двадцатипятидесятитысячников, посланных партией на село для организации колхозов. Со всех концов Украины на слет съехалось почти пятьсот делегатов.

Слет открыл Петровский.

Приветствуя двадцатипятидесятитысячников от имени партии и правительства как лучших представителей рабочего класса, Петровский отметил, что на коммунистов-двадцатипятидесятитысячников возложена историческая задача: они первые должны практически осуществить великую ленинскую идею коллективизации сельского хозяйства, принести на село пролетарскую культуру.

Пожелтевшие страницы газет 20-х и 30-х годов с документальной точностью запечатлели героические дела народа, осуществлявшего знаменитые планы первых пятилеток. За строчками лаконичных информации, корреспонденций стоят огонь души и великий подвиг тех, кто десятки лет назад начал строить в России социалистическое государство.

Память печатного слова возвращает из давно ушедших годов то, что мало известно сейчас или вовсе забыто в суете будней. Пухлые старые подшивки газеты «Вісти» хранят множество фактов, свидетельствующих о

необычайно разнообразных интересах, заботах и деятельности председателя ВУЦИК. А дел у Петровского бывало столько, что порой с трудом осваиваешься с мыслью, чтобы все это мог успеть совершить один человек.

Достаточно сказать, что на Украине в это время строились такие гиганты, как Харьковский тракторный, турбогенераторный, Новокраматорский завод тяжелого машиностроения, заводы «Азовсталь», «Запорожсталь» и многие другие предприятия. При этом не надо забывать, что одновременно шла реконструкция старых заводов по всей Украине, а деревня под руководством партии вела борьбу за новую жизнь, за колхозы. И во всех этих делах самое деятельное участие принимал Григорий Иванович, как председатель ВУЦИК и член ЦК КП(б)У, как один из председателей ЦИК СССР и кандидат в члены Политбюро ЦК ВКП(б). Даже из этого сухого перечня можно понять объем работы всеукраинского старосты.

Свой рабочий день он делил буквально с точностью до минут. И все же, несмотря на громаду дел и забот, он находил время для приема множества посетителей. Однажды газета «Вісти» рассказала о том, как председатель ВУЦИК проводит прием и что такого-то числа у Петровского за день побывало 60 человек, в большинстве приезжие крестьяне.

Шестьдесят человек с самыми различными делами и просьбами. И для каждого у Григория Ивановича нашлось несколько минут негромкого, по душам разговора с глазу на глаз в тишине рабочего кабинета.

Как один из председателей ЦИК СССР — по Конституции СССР, принятой в 1924 году, председатели ЦИК союзных республик были одновременно и председателями ЦИК СССР — Петровский постоянно участвовал в обсуждении государственных дел всей страны. Главы ЦИК союзных республик поочередно председательствовали на заседаниях ЦИК СССР.

Как председатель ВУЦИК и один из председателей ЦИК СССР Петровский принимал лучших людей Советской страны, прославивших себя трудовыми рекордами, вручал им ордена.

Петровский радовался успехам колхозной звеньевой Марии Демченко, трактористки Паши Ангелиной, шахтеров Никиты Изотова и Алексея Стаханова, композитора Дунаевского и поэта Лебедева-Кумача, радовался успехам многих десятков других советских тружеников. И не только радовался и прославлял их в речах и статьях, но и помогал практически в каждом их новаторском поиске.

Читая статьи и речи Петровского, удивляешься, насколько точно еще в

20-е годы он умел нащупать корешки тех великих революционных процессов, которые в более поздние годы развились в народной жизни с колоссальной силой.

Открывая в феврале 1925 года IV сессию ВУЦИК, Петровский посвятил вступительное слово памяти Владимира Ильича. Григорий Иванович, в частности, сказал:

— При жизни Ленина мы всегда ожидали его слов и очень мало уделяли внимания изучению ленинизма. Ныне же, когда Ленина нет с нами, мы должны всю свою работу строить на его трудах, на изучении их, ибо они дают нам основу для нашей работы и для воспитания нашей молодежи; жизнь и труды Ленина — основа для выработки мировоззрения всех нас, от юных пионеров до старших рабочих и крестьян. Со знаменем ленинизма мы идем к победе мирового пролетариата, к победе коммунизма.

В том же номере газеты «Вісти», где опубликовано это выступление, напечатан репортаж о торжественном открытии в Харькове рабочего клуба имени Калинина. Перед собравшимися рабочими выступил Петровский.

Отметив, что клуб красиво и удобно построен и что в нем богатая библиотека, Григорий Иванович упрекнул организаторов библиотеки за то, что много замечательных и полезных книг тонет в обилии «красивой» литературы. Необходимо бороться за то, чтобы пролетариат читал больше естественнонаучных и историко-революционных книг, с тем чтобы найти в них опору для своего развития и творчества. Петровский напомнил, что во многих селах крестьяне еще не могут построить для себя таких клубов и создать городскую культуру, которой уже пользуются рабочие, и рабочие должны всеми путями и способами содействовать просвещению многомиллионной крестьянской массы. Социализм — это равенство и братство, заметил Петровский, и поэтому здесь, в клубе, рабочие должны в часы отдыха развлекать не только себя самих, но и подумать о лучшем устройстве Советского государства и о том, как втянуть в культурную работу отсталые массы народа.

С поразительной актуальностью и для наших дней звучат слова Петровского, сказанные в беседе с корреспондентами в связи с седьмой годовщиной Красной Армии: «Наша сила — в мирном хозяйственном строительстве. Нашими хозяйственными успехами мы привлекаем к себе большие симпатии трудящихся Запада и Востока. Однако вместе с тем мы должны максимум внимания отдать нашей Красной Армии... Только тогда мы сможем спокойно заниматься нашим хозяйственным строительством».

У Петровского был дар убеждать людей. Он выработал в себе эту

способность за долгие годы агитационной деятельности в период подполья, во время своего депутатства в IV Государственной думе и сотрудничества в газете «Правда». Сам Ильич был редактором его статей и речей. Ленин учил Петровского простому, честному большевистскому слову, учил дорожить и правильно пользоваться этим революционным словом, которое всегда — устно или печатно — адресовалось трудящимся. В беседах с молодыми газетчиками Петровский не раз подчеркивал исключительную правдивость ленинского печатного слова.

Выступая с речью на I Всеукраинском совещании рабселькоров, Петровский говорил о том, что газеты и журналы — великая общественная трибуна, и надо, чтобы с этой трибуны был социалистический подход к работе, чтобы слово рабкора было обязательно правдивым, верным, ленинским.

— Я знал Ленина, — говорил Григорий Иванович. — Он очень внимательно относился к работе в газетах, особенно к своим статьям, следил, чтобы они отвечали правде, и только правде... Поэтому будьте внимательны к всенародному слову в печати и к ленинской правде.

Проводите критику и самокритику по-ленински, тогда вы, сами выискивая пути для своего воспитания, будете воспитателями общественной мысли, по-ленински правдивой, и строителями социализма в нашей стране...

Совещание единодушно избрало Григория Ивановича почетным рабселькором Украинской республики.

Как воспитать в человеке подлинно марксистское, революционное мировоззрение — это было для Петровского-пропагандиста главной заботой, вопросом вопросов. Он постоянно размышлял над этим, еще и еще раз возвращался к этой теме в своих многочисленных речах и статьях. В зависимости от аудитории — возраста людей, профессии, грамотности и т. д. — избиралась Петровским форма изложения мыслей. Изменялась только форма, суть же оставалась неизменной — ленинской, коммунистической.

В этом отношении показательно письмо Петровского к советским писателям Украины. Поддерживая идею газеты «Известия» о конкурсе на лучшее произведение, раскрывающее тему «Советский актив, знатные люди нашей страны», Григорий Иванович высказал свои мысли о значении и задачах советской литературы:

«...Писатель, как говорили на съезде (Первый съезд писателей СССР. — Ред.), — «инженер человеческой души», или, как раньше говорили, «властелин дум», много может сделать для социалистического строительства, если он будет идти в своем творчестве по пути, указанному

Коммунистической партией.

Критика и самокритика на съездах писателей, руководство и указания т. Максима Горького помогут многим, особенно молодым советским писателям, стать наследниками лучшего, что было в прошлой мировой литературе, и выйти на широкую дорогу творчества, полезного для страны строящегося социализма.

Широкая дорога в литературном творчестве — это значит перейти от стихийного, случайного движения к сознательному, организованному, в котором каждый писатель будет отображать правду борьбы за построение бесклассового социалистического общества.

Буржуазная, меньшевистская, националистическая «критика» бросает грязь на большую, творческую, искреннюю и ценную для всех трудящихся работу советских писателей, «противопоставляя» им буржуазных писателей, которые якобы являются свободными. А между тем всем хорошо известно, что в капиталистических странах писатели всегда покупались буржуазией и много талантливых писателей из народа совсем гибли...

Несмотря на то, — пишет далее в этой статье Петровский, — что наша творческая жизнь породила много уже героев — рабочих-ударников и передовых колхозников, что у нас есть целая армия знатных людей, что на трудовом фронте идет величайшая самоотверженная работа, — в художественной литературе еще очень мало отражено этих подвигов... Творчество мастера художественного слова должно быть направлено на отображение этого великого процесса».

Петровский умел зорко видеть классовую сущность литературы и искусства. Беспартийных по своему духу писателей, художников, артистов, равнодушных к жизни народа, он не признавал «властителями дум», учителями человечества. Но к тем писателям, деятелям искусства, которые отдавали силу своего таланта народу, революции, делу коммунистического строительства, Григорий Иванович относился с редкостной любовью и глубочайшим уважением.

Обаятельным, чистым, большим человеком предстает Григорий Иванович в своих отношениях с писателем Николаем Островским.

Первая встреча Петровского с этим мужественным человеком произошла, когда знаменитая книга Островского еще была в черновиках, когда ее автор был не известен как писатель. С той поры Петровский внимательно следил за безмерно тяжелой вследствие физического недуга работой молодого писателя. Он переписывался с Островским, не раз навещал его, настоял на том, чтобы ему построили небольшой домик в

Сочи и сам приехал посмотреть, как идет строительство. Григорий Иванович хотел, чтобы славному бойцу революции, молодому, но прикованному к постели человеку были созданы благоприятные условия для работы. Он хотел, чтобы Островский не пал духом перед лицом ужасной своей болезни, чтобы он оставался по-прежнему стойким солдатом в рядах атакующих фронт капитализма.

Когда Советское правительство наградило Островского орденом Ленина, Петровский послал в Сочи, где жил, лечился и работал писатель, такую телеграмму:

«Горячо приветствую Вас, Николай Алексеевич, с высокой наградой правительства и партии — орденом Ленина, решение о которой с большой радостью встретят комсомол, пролетарские писатели и вся советская общественность.

Эта награда за Ваши подвиги, за Ваш большой труд еще больше вольтет Вам физических и духовных сил для дальнейшего творчества.

Буду следить за Вашей творческой работой и всегда готов помочь.

Ваш Г. Петровский».

Николай Островский ответил тоже телеграммой.

«Дорогой Г. И. Глубоко взволнован высокой наградой. Обещаю со всем большевистским запалом еще энергичнее помогать родной партии... воспитывать закаленных, как сталь, молодых советских людей.

Крепко обнимаю, целую, как родного отца. Ваш Николай Островский.»

Преждевременная смерть молодого писателя потрясла Петровского. Всю боль души и вместе с тем гордость за этого удивительного человека Петровский выразил в своей статье «Любимый сын украинского народа».

«Умер самоотверженный боец за дело пролетарской революции, — с горечью писал Петровский, — талантливый писатель, один из лучших сынов славного комсомольского племени, орденосец Николай Алексеевич Островский.

Партия и комсомол, все трудящиеся Страны Советов понесли большую утрату, утрату беспокойной большевистской души, утрату закаленного, как сталь, большевика, высокоморального человека.

Несмотря на свою тяжелую прогрессирующую болезнь, которая иссушила его организм, слепой, он неутомимо творил, далеко и глубоко видел новую, кипучую, радостную жизнь страны триумфально идущего социализма.

Какой великий был у Островского огонь большевистской души, какая великая была в нем сила творческой энергии, какая великая была у него

любовь к партии, к комсомолу и какая великая у него была ненависть ко всем врагам рабочих и крестьян!

Сколько жизненных сил, действительного оптимизма, что поражает всех, было у этого чудесного человека — Николая Алексеевича Островского...

Его яркая, чудесная жизнь будет зажигать молодежь на героическую борьбу против классовых врагов, за торжество коммунизма. Славная память о нем не погаснет в сердцах трудящихся масс».

По предложению Петровского дом, в котором жил и работал писатель, был превращен в Музей Островского.

Петровскому же принадлежит инициатива постановки фильма «Как закалялась сталь».

В эту пору, в 1936 году, Григорию Ивановичу Петровскому не было еще и шестидесяти лет, он был бодр, деятелен, полон сил.

В феврале 1938 года Петровскому исполнилось шестьдесят лет. В день рождения он получил сотни поздравлений от друзей, знакомых, старых большевиков, учреждений, заводов, колхозников, а также приветствия от ЦК ВКП(б), ЦИК СССР, ЦК партии и ЦИК Украины. На телеграфных бланках, в письмах, открытках юбиляру были высказаны самые душевные, чистые, идущие от сердца слова.

В телеграмме, присланной Михаилом Ивановичем Калининым, было сказано: «Сердечно поздравляю Вас с прибытием в стан большевиков, которым перевалило за шесть десятков лет жизни (Калинину было уже шестьдесят два. — Ред.). Но я думаю, Вы с чувством удовлетворения можете сказать себе, что эти годы не прошли бесследно, что вся Ваша жизнь и практическая деятельность были направлены на борьбу за интересы рабочего класса, на борьбу за коммунизм...»

Поздравляли Петровского и старые рабочие, которых он знал задолго до революции. Ветераны Мариупольского завода писали:

«...Мы работали вместе с тобой на заводе в период 1908–1912 гг., в годы черной реакции, когда ты создал на нашем заводе крепкую большевистскую организацию, внес в рабочую массу ленинские идеи, беспощадно боролся с меньшевиками, эсерами и другими врагами трудящихся.

Мы знали тебя, Григорий Иванович, как одного из лучших сынов большевистской партии, как одного из выдающихся борцов за счастье трудящихся...

Мы знаем тебя, Григорий Иванович, как беспощадного,

непримиримого борца против всех врагов рабочего класса, против трижды проклятой троцкистско-бухаринской банды, как кристально чистого ленинца...»

Когда Петровского чествовали в связи с 60-летним юбилеем на заседании Президиума ЦИК Украинской ССР, Григорий Иванович в ответном слове взволнованно сказал:

— ...Я очень счастлив, что ЦК нашей партии, Президиум Верховного Совета и СНК СССР, ЦК КП(б)У и Совнарком Украины и другие отметили те мои качества, о которых вы сегодня много мне напоминали.

Многие из вас, товарищи, естественно, переоценивали мою работу. Моя работа намного скромнее, а вы мне такую нагрузку дали, что я и не знаю, как мне теперь с нею быть. Я считаю себя рядовым работником и всегда так считал. Только стараюсь быть в первых рядах, не отставать от передовиков и в меру своих сил и в дальнейшем так работать.

В этих словах сказалась присущая Петровскому скромность. И в этом Григорий Иванович старался походить на своего учителя. Когда однажды старые друзья Петровского, в том числе и один из авторов этой книги, пришли к нему домой, чтобы поздравить с днем рождения, он, опасаясь услышать неумеренные похвалы в свой адрес, напомнил товарищам эпизод с чествованием Владимира Ильича на IX съезде партии. Делегаты съезда решили посвятить одно из заседаний Ленину в связи с тем, что приближалось его пятидесятилетие. После второго выступления Владимир Ильич предложил перейти к очередным вопросам повестки дня, а когда делегаты не согласились, он покинул зал заседаний. Петровский рассказал, как через некоторое время его, председательствовавшего на этом заседании, вызвал к телефону Ленин и спросил, что происходит на съезде. Услышав в ответ: продолжают выступления о пятидесятилетии Владимира Ильича Ленина, он предложил Григорию Ивановичу как председателю немедленно прекратить их.

И хотя Петровский считал себя лишь рядовым партии, ему принадлежит выдающаяся роль в проведении ленинской политики партии, благодаря чему были достигнуты большие успехи в социалистическом строительстве.

А успехи в развитии хозяйства Украины были поистине грандиозны.

Вот несколько фактов и цифр из статистики первых пятилеток.

Промышленность Украины производила десятки тысяч тракторов, комбайнов, станков, много паровозов, врубовых машин для шахт, оборудование для доменных и мартеновских печей.

По добыче угля Украина вышла на четвертое, а по выплавке чугуна на

третье место в мире. Сооружались и вступали один за другим в строй новые металлургические гиганты — такие, как Азовсталь, Запорожсталь, Криворожский металлургический комбинат. Объем промышленной продукции вырос в 7,6 раза по сравнению с 1913 годом.

В селах кулачество было ликвидировано как класс. Уже в 1934 году колхозы объединили около восьмидесяти процентов крестьянских хозяйств Украины. Было создано восемьсот МТС, которые имели сорок тысяч тракторов, три тысячи комбайнов, семь тысяч грузовых автомашин, около тридцати тысяч сложных молотилок.

В конце второй пятилетки социализм победил на Украине во всех областях экономики. Третья пятилетка, которая была прервана нападением на нашу страну гитлеровской Германии, приносила все новые и новые хозяйственные победы, поднимала культуру и образование украинского народа.

На Украине родилось знаменитое стахановское движение, захватившее потом всю страну. Кроме родоначальника этого движения Алексея Стаханова, среди украинцев появились такие талантливые новаторы, как сталевар Мариупольского завода Макар Мазай, установивший в 1936 году мировой рекорд выплавки стали, как машинист Славянского депо Петр Кривонос, предложивший новые прогрессивные формы труда. На Украине выросли прекрасные хлеборобы-передовики Анна Кошечая, Мария Демченко, Мария Гнатенко, трактористка Паша Ангелина и многие другие.

Всех этих людей лично знал и поддерживал в каждом их новом начинании Григорий Иванович Петровский. Он переписывался с ними, вручал награды от имени народа и правительства. И они, эти прославленные сыны и дочери трудового народа, на всю жизнь запомнили веселый блеск глаз из-под очков и теплоту широкой рабочей руки своего всеукраинского старосты.

Никто, конечно, не знал и не мог даже подумать о том, что Григорий Иванович вскоре вынужден будет покинуть родную свою Украину, оклеветанный карьеристами, оговоренный теми, кто из личной корысти курил фимиам Сталину.

VI. Последние годы

В январе — феврале 1934 года проходил XVII съезд партии. Г. И. Петровский был одним из тех старых большевиков — делегатов съезда, которых тревожили ненормальные явления в партии, возникшие в связи с чрезмерным возвеличением и восхвалением личности Сталина. Они считали, что пора переместить его с поста генерального секретаря ЦК партии на другую должность.

Горячо выступая против всяких уклонистов и оппозиционеров, они считали, что борьба за ленинскую линию партии должна быть борьбой идейной. Административные гонения, а тем более кровавые расправы не метод воспитания партийных кадров.

Между тем репрессии усиливались. Были арестованы такие испытанные большевики-ленинцы, как В. Я. Чубарь, Э. И. Квириг, С. В. Косиор, К. В. Сухомлин.

Григорий Иванович был потрясен ничем не объяснимым арестом товарищей. Он совершенно не в состоянии был представить себе, чтобы эти большевики, отдавшие столько сил революции, могли заниматься какой-либо преступной деятельностью против партии и Советского государства.

Петровский был еще во власти смутных дум и тягостных переживаний, связанных с арестом друзей, а уже новую беду несла ему почта. Пришло известие из Ленинграда об аресте его старшего сына Петра — в ту пору он работал редактором газеты «Ленинградская правда».

Это известие было ужасным ударом для Григория Ивановича. Чувства отца и разум коммуниста начисто отрицали причастность сына Петра к какой-либо антигосударственной или антипартийной деятельности. Прослышав о случившейся беде, слегла в постель с сердечным приступом Доминика Федотовна. Петровский, как мог, успокаивал жену, убеждал ее, что это какое-то глупое недоразумение, что через несколько дней все прояснится и сына освободят. Но тяжелые предчувствия не покидали Доминику Федотовну.

Григорий Иванович пытался разузнать о судьбе сына — где он, что с ним, в чем обвиняется. Но перед ним стояла глухая стена молчания. Сталин его не принял. Свидания с сыном в НКВД ему не разрешили. Предложили ждать окончания следствия — вместе с Петром по политическим обвинениям было арестовано много других ленинградцев.

Друзья Петровского — крупнейшие деятели партии и государства — после нескольких попыток узнать о судьбе Петра в бессилии развели руками: Берия навесил на доверенный ему наркомат слишком тяжелые замки, чтобы можно было выведать, что творится за его стенами на Лубянке.

В конце 1938 года Петровский был вызван в Москву для разговора со Сталиным. Разговор, по словам Петровского, был короткий, но тяжелый, в резких тонах.

Спустя некоторое время после этого разговора Петровский был отозван из Киева в Москву и освобожден от обязанностей председателя Верховного Совета Украины и члена Политбюро ЦК КП(б)У.

Но это было лишь начало. За спиной Петровского подручные Берия уже стряпали на него гнусное «политическое дело», «расследование» которого началось в марте 1939 года.

Во время работы XVIII съезда ВКП(б) Петровский был обвинен в том, что он дружил с К. В. Сухомлиным, который, по данным НКВД, считался японским шпионом. Петровского обвинили и в том, что он будто бы знал о «связях» С. В. Косиора с иностранной контрреволюционной организацией и умолчал об этом. Предъявили Григорию Ивановичу и такое обвинение: он-де был против Кагановича как первого секретаря ЦК КП(б)У.

Конечно, после таких тяжелых обвинений Петровский не был избран на XVIII съезде, как всегда прежде, в состав ЦК ВКП (б).

Человек, который работал долгие годы вместе с Лениным, был его верным учеником и помощником, человек, который прошел тяжелые дороги подполья и гражданской войны, который так много сделал для победы социализма, — этот преданнейший партии человек, истинный интернационалист и гуманист оказался оклеветанным, лишенным доверия. Более года Сталин не разрешал давать Петровскому какой-либо работы.

Григорий Иванович в эти беспросветно тяжелые, трагические для него дни заболел, перенес инфаркт сердца.

Находясь более года не у дел, не получая никакой зарплаты или пенсии, Петровский оказался в очень затруднительном материальном положении. Младший сын Леонид, командовавший Московской Пролетарской дивизией, тоже попал в немилость и был отстранен от должности, а дочь Антонина зарабатывала немного, так что дети мало чем могли помочь отцу и матери. Помогал кое-кто из старых друзей, не побоявшихся приходить к опальному Петровскому. Григорий Иванович был благодарен им, но жизнь впустую, без дела была для его живой природы безрадостна.

Позднее Петровский признавался друзьям, что в ту пору всерьез подумывал, не пойти ли ему на завод, опять стать к токарному станку, как в молодые годы. Его не смущало ни то, что он уже потерял часть профессиональных навыков, ни даже то, что он стар для такой работы — ему как-никак перевалило за шестьдесят.

Неизвестно, когда бы прекратилась вынужденная «безработица» Петровского и что бы он сам предпринял, если бы его близкие товарищи не посодействовали ему получить работу в Музее Революции СССР.

Итак, после вынужденной бездеятельности Петровский получил возможность работать заместителем директора Музея Революции СССР. Он, всю жизнь проживший среди тревог, волнений, в атмосфере острых политических схваток и многочисленных государственных забот, рука об руку с энергичными напористыми людьми — людьми революционного действия, — он, естественно, не сразу привык к своей новой работе. Но никто из его сослуживцев не слышал, чтобы он жаловался на судьбу.

Начавшаяся война с гитлеровской Германией и бомбардировка Москвы с воздуха вынудили Советское правительство принять решение об эвакуации в глубь страны некоторых государственных и культурных ценностей.

В конце лета 1941 года все архивы и экспонаты Музея Революции, Музея народов СССР, Исторического музея, Государственной научной библиотеки и библиотеки Московского университета были упакованы и погружены в специальный эшелон. Комиссаром этого эшелона был назначен Петровский. С ним вместе из Москвы выехала и Доминика Федотовна.

Дочь Антонина и жена сына Леонида с внучкой остались пока в Москве, а сам Леонид с первых дней войны ушел на фронт. О Петре же, арестованном еще в 1937 году, ничего не было известно.

Отправленные из Москвы музейные ценности сначала были доставлены в город Хвалынский на Волге. Спустя некоторое время приехала в Хвалынский к родителям Антонина. Она привезла известие, что Леонид, пробиваясь из окружения с остатками своей дивизии, геройски погиб. Это сообщение так тяжело подействовало на Доминику Федотовну, что она слегла в постель и вскоре умерла. Так осенью 1941 года Григорий Иванович сразу потерял двух дорогих ему людей — жену и младшего сына.

Обстановка на фронте была тяжелейшая. В эту пору пришло указание — предлагалось немедленно погрузить имущество музеев в эшелон и отправиться дальше, в город Кустанай.

Жизнь в эвакуации для овдовевшего, полубольного Петровского была

тягостна. Его мучила тоска по скоропостижно скончавшейся жене и погибшему на фронте сыну, терзали думы о судьбе старшего сына. Отвлекался Григорий Иванович от этих ненастных дум только на работе, в общении с сослуживцами и еще когда они все вместе ездили из Кустаная в почти обезлюдившие колхозы помогать сеять или убирать хлеб. В такие дни Петровский преображался, молодежь удивлялась, откуда у него, перенесшего и личное горе и тяжелую болезнь, столько бодрости, жизнелюбия.

В Москву Петровский и другие сотрудники Музея Революции вернулись летом 1943 года.

Работа в Музее Революции СССР доставляла Григорию Ивановичу известное моральное удовлетворение. Познакомиться с историей русской революции приезжали люди из разных стран и в одиночку и целыми делегациями. И Петровский часто, отложив будничные дела и административные заботы, подолгу беседовал с приезжими, показывал экспонаты, вспоминал прожитое.

Очень много времени отбирали у Петровского письма: большая часть корреспонденций, получаемых музеем, присылалась на его имя. Каждое утро, придя на работу, Григорий Иванович садился писать ответы. Однажды он получил письмо, которое особенно растрогало его и живо напомнило трудные годы туруханской ссылки. Писал директор музея города Енисейска Красноярского края:

«...Старожилы енисейцы Вас не забыли. Ваша хозяйка Анна Гавриловна Бабыкина еще жива и в том же доме живет, она хорошо помнит, как Вы пришли к ней на квартиру, был сильный мороз, а на Вас было легкое пальто, и когда она Вам сказала: «Вы, наверно, замерзли», Вы ответили хозяйке: «Мое пальто теплое, оно на политической подкладке, терпением крытое...»

Такие письма приносили Григорию Ивановичу большую радость. Радовали его и многочисленные записи посетителей музея в книге отзывов.

Петровский любил время от времени просматривать эти записи, переведенные с разных языков.

«Мы с величайшим интересом осмотрели Музей Революции, в котором показаны документы героической борьбы русских рабочих за освобождение от их угнетателей.

1946 г.

Энрико — руководитель итальянской юношеской делегации».

«Без революции не было бы России. Без России не было бы свободы

во всем мире.

Греческая делегация ЭАМ (13 подписей)».

«Я здесь увидел историю русской революции в картинах и документах. Этот рассказ все всегда будут слушать с глубочайшим интересом, потому что эта революция оказала влияние на все человечество. Увидеть все собранное в этом музее является для меня источником огромного вдохновения.

Сеид Саджат Захар, индийский писатель
5/VIII 1957 года».

«Когда мы вернемся в Испанию, мы расскажем обо всем, что видели в этом прекрасном Музее.

Испанские дети, детдом № 3 (в Тарасовке), ученики 6 кл. (15 подписей). 1946 г.».

«Мы считаем привилегией, что имеем возможность посетить Музей Революции в 40-ю годовщину Революции 1905 года и познакомиться с великой и героической историей советского народа. Выставка представляет живое изображение Революции и установление Советского Союза. Мы имели честь познакомиться с г-ном Г. Петровским, который был членом Первого Советского Правительства...

Американская делегация молодежи: Дорис Сеак, Елизавета С. Гроу, Молли, Джозеф, Ходсон, Лорри Дэй и другие».

В последние годы жизни Григорий Иванович уже не был одиноким вдовцом. Его женой стала Александра Михайловна Першина, сотрудница научной библиотеки имени Горького. Муж ее ушел в сорок первом добровольцем на фронт и героически погиб спустя год. На руках Александры Михайловны остались двое малолетних сыновей — Евгений и Владимир. Григорий Иванович вновь обрел дружную семью.

В Музее Революции Петровский работал до самых последних дней жизни. Он не хотел уходить только на пенсию, понимая, что не усидит дома без дела.

Но главное было даже не в личном его характере и не в житейской привычке ходить на работу. Главное заключалось в тех глубочайших переменах, которые происходили в партии и стране после смерти Сталина.

Петровский участвовал в качестве гостя в работе исторического XX съезда партии. Он всем сердцем и умом большевика-ленинца разделял исторические решения съезда, разоблачившего культ личности Сталина, сурово осудившего связанные с культом грубые нарушения революционной законности. Он был рад и горд за свою партию, которая смело и

решительно отбросила прочь укоренившиеся в период сталинского произвола антипартийные методы в руководстве государством, нанесшем народу, партии, стране столь тяжелые раны.

В дни работы XX съезда партии семидесятипятилетний Петровский словно помолодел, сбросил с плеч лет двадцать — тех самых тяжелых и горьких лет культа личности, которые пережил народ и лично он сам. Приходя по вечерам домой после очередных заседаний съезда, Григорий Иванович рассказывал близким товарищам коммунистам о фактах ужасного произвола и незаконных репрессиях, вскрытых в докладе Первого секретаря ЦК партии Никиты Сергеевича Хрущева. Он рассказывал об этом медленно, с горечью и гневом. Вспоминал погибших близких людей — старых большевиков, сына Петра. Очень жалел, что Доминика Федотовна не дожила до нынешних дней, восстановивших справедливость и честное имя их сына.

Тепло говорил Петровский о Никите Сергеевиче Хрущеве, бывшем рабочем Донбасса, который рос как партийный и государственный деятель на глазах у Григория Ивановича в то же время, когда он работал на Украине. Сам в прошлом пролетарий, Петровский с гордостью утверждал, что именно рабочая пролетарская закалка помогла Хрущеву найти в себе силы мужественно и непреклонно повести борьбу против культа «вождя», за возрождение ленинских заветов и принципов в партии и государственном управлении.

Когда по инициативе Н. С. Хрущева ЦК партии начал массовый пересмотр фальшивых, сфабрикованных Ежовым, Берия и их подручными политических дел и реабилитацию невинно осужденных людей, Петровский помог восстановить доброе имя многих напрасно пострадавших.

С. И. Гопнер, давнишний товарищ Петровского, рассказывала, что в эту пору она, Гопнер, снова увидела Петровского прежним, каким знала в былые годы, — темпераментным, страстным, деятельным. Он, по словам Гопнер, не только брал под защиту всех, кого считал невиновным, но ободрял и морально поддерживал членов их семей.

Сотрудники Музея Революции вспоминают, как однажды в музей пришла плохо одетая, изможденная старушка и спросила Петровского. Когда посетительницу привели к нему, Григорий Иванович не сразу узнал ее. А когда взгляделся в ее лицо, обнял и расцеловал женщину. Это была старая большевичка Дальняя, прозванная в партийном подполье «Соня-табачница», — она работала в молодости на махорочной фабрике в Кременчуге. В те давние дореволюционные годы Дальняя была огненным

большевистским агитатором. Когда проходили выборы в IV думу, она ездила по поручению партии по всему Донбассу и агитировала за избрание депутатом от рабочей курии Григория Ивановича Петровского.

Оказалось, что она вместе с сыном недавно вышла из заключения, куда попала в тридцать седьмом году.

Петровский был очень взволнован ее рассказом и тут же взялся помочь Дальней. Он позвонил министру социального обеспечения и объяснил суть дела. Спустя некоторое время старая заслуженная коммунистка получила пожизненную персональную пенсию и была восстановлена в партии.

Ленинский дух XX съезда партии окрылил Петровского. Помощь в реабилитации товарищей по партии — это была только часть его ежедневных забот. Одновременно он вел напряженную пропагандистскую работу. Он выступал на заводах и в научных учреждениях, перед слушателями Высшей партийной школы и перед офицерами Советской Армии, писал статьи для газет и журналов. Ездил в составе делегации старых большевиков за границу.

И всюду — на митингах и собраниях — Петровский, вновь получив возможность открыто выступать перед народом, рассказывал о революции, о трудных прожитых годах, делился воспоминаниями о Ленине, призывал хранить и претворять в делах его мудрые заветы. Он считал себя пропагандистом XX съезда партии и неустанно разъяснял великий смысл его решений. И в своих устных выступлениях и в статьях он призывал коммунистов и беспартийных помнить о тяжелых годах культа Сталина и его последствиях, быть начеку, чтобы не допустить повторения прошлых ошибок, приведших к извращению подлинно революционного социалистического демократизма, к большим моральным и физическим потерям.

Григорий Иванович Петровский умер от паралича сердца 9 января 1958 года, не дожив меньше месяца до своего восьмидесятилетия. Врачи обнаружили шестнадцать мелких разрывов на его сердце.

Похороны Петровского состоялись на Красной площади при большом стечении народа. Делегации трудящихся прибыли из многих городов страны, в том числе с его родной Украины. После траурного митинга урна с прахом Григория Ивановича Петровского была перенесена к кремлевской стене и под грохот артиллерийского салюта замурована в ее древние камни.

Он и после смерти как бы встал в строй многих погребенных здесь солдат старой гвардии революции, чуть-чуть позади Мавзолея, где покоится бессмертный Ленин.

Основные даты жизни и деятельности Г. И. Петровского

1878, 22 января (4 февраля) — В селе Печенеги Харьковской губернии родился Григорий Иванович Петровский.

1886–1889 — Петровский учится в начальной школе при Харьковской духовной семинарии.

1890–1892 — Петровский — ученик слесаря в кузнечной мастерской железной дороги.

1893–1899 — Петровский живет в Екатеринославе, участвует в работе подпольного социал-демократического кружка и затем Екатеринославского комитета РСДРП.

1900 — Петровский арестован в городе Николаеве за руководство забастовкой на Николаевском судостроительном заводе. Возвращение в Екатеринослав. Арест и заключение в екатеринославской и полтавской тюрьмах.

1902–1903, май — Революционная работа в Донбассе.

Август — Арест и заключение сначала в бахмутской, а потом в луганской тюрьмах.

1904–1906 — Петровский активно работает в екатеринославской организации РСДРП. В октябре 1905 года он — один из руководителей забастовки, секретарь Совета рабочих депутатов, член боевого стачечного комитета.

1906 — Эмиграция в Германию и возвращение в Россию.

1906–1912 — Петровский в Мариуполе ведет партийную подпольную работу.

1912, осень — Петровский избран депутатом IV Государственной думы от рабочей курии Екатеринославской губернии. Отъезд в Петербург.

1913, 8—14 января — Петровский участвует в Краковском совещании ЦК РСДРП, встречается с В. И. Лениным. Петровский кооптируется в состав ЦК и вводится в редакцию газеты «Правда».

1913, январь — Первая поездка Петровского как депутата Государственной думы на Украину.

Июль — сентябрь — Петровский вновь на Украине проводит большую работу по укреплению местных подпольных партийных организаций.

Сентябрь — октябрь — Петровский участвует в Поронинском

совещании ЦК РСДРП под руководством В. И. Ленина и вновь объезжает районы Украины.

1914, май — Петровский по предложению Ленина избран председателем думской фракции депутатов-большевиков.

Июль — Петровский едет за границу к Ленину.

В ночь на 6 ноября — Петровский арестован и заключен в тюрьму.

1915, февраль — процесс над большевистской фракцией IV Государственной думы.

Июнь — Петровский в числе осужденных депутатов-большевиков отправлен в Туруханский край.

1916, июль — август — Петровского переправляют в Енисейск. За подпольную антивоенную работу его заключают в тюрьму и отправляют этапом из Енисейска в Средне-Колымск, через Якутск.

1916, сентябрь — 1917, май — Петровский живет в Якутске, ведет подпольную революционную работу.

1917, июнь — Петровский приезжает в Петроград.

Июль — Петровский участвует в июльской демонстрации рабочих, солдат и матросов.

Июль — сентябрь — Петровский по заданию ЦК партии ведет массово-агитационную работу в Екатеринославе и Донбассе.

Сентябрь — Петровский — делегат рабочих Донбасса на демократическом совещании в Петербурге, вместе с Шаумяном и Ворошиловым разоблачает контрреволюционный характер совещания и Временного правительства.

Октябрь — Петровский вновь в Донбассе ведет большую работу по подготовке местных парторганизаций и Советов к взятию власти.

30 ноября — Петровский назначен народным комиссаром внутренних дел РСФСР.

1918, февраль — Петровский назначен в состав делегации для переговоров и подписания мирного договора в Бресте.

Март — Петровский принимает участие в работе VII съезда РКП(б) и IV Всероссийского съезда Советов.

Июнь — Петровский принимает участие в работе V Всероссийского съезда Советов и ликвидации левоэсеровского мятежа.

Июль — Петровский возглавляет созданную Совнаркомом правительственную комиссию по ликвидации последствий контрреволюционного мятежа в Ярославле.

1919, март — Петровский принимает участие в работе VIII съезда РКП(б). III Всеукраинский съезд Советов избирает Петровского

председателем Всеукраинского Центрального Исполнительного Комитета Совета (ВУЦИК).

Июнь — июль — Петровский вместе с представителями местных Советов и работников наркоматов совершает поездку по Украине и проводит большую работу по наведению социалистического порядка на местах.

Осень — Вместе с М. И. Калининым Петровский объезжает на агитпоезде «Октябрьская революция» прифронтовую полосу.

Декабрь — Петровский назначен председателем Всеукраинского ревкома.

1920, март — апрель — Петровский принимает участие в работе IX съезда РКП (б). Его избирают в состав ЦК партии.

Октябрь — декабрь — Петровский осуществляет несколько длительных поездок по Украине в организованном им агитпоезде имени Ленина. Проводит в Харькове I Всеукраинский съезд комитетов незаможных селян.

1921, 8—16 марта — Петровский принимает участие в работе X съезда партии, избирается в состав членов ЦК РКП (б).

1922, март — апрель — Петровский принимает участие в работе XI съезда РКП (б), избирается в состав ЦК РКП (б).

Октябрь — Петровский участвует в работе комиссии ЦК РКП (б) по разработке проекта создания Союза ССР.

Декабрь — Петровский участвует в работе Всесоюзного съезда Советов, провозгласившего создание СССР. Первая сессия ЦИК СССР избирает Г. И. Петровского одним из председателей ЦИК СССР.

1923, апрель — Петровский участвует в работе XII съезда партии, избирается в состав ЦК РКП (б).

1924, январь — Петровский участвует в работе XIII съезда партии, избирается в состав ЦК РКП (б).

1925, апрель — Петровский участвует в работе XIV конференции РКП(б).

Декабрь — Петровский принимает участие в работе XIV съезда ВКП(б), избирается в состав ЦК ВКП(б).

1926, октябрь — ноябрь — Петровский участвует в работе XV конференции ВКП(б).

1927, ноябрь — Петровский участвует в закладке плотины Днепровской электростанции.

Декабрь — Петровский участвует в работе XV съезда ВКП(б), в комиссии съезда по расследованию антипартийной деятельности

троцкистско-зиновьевского оппозиционного блока. Съезд избирает Петровского в состав ЦК ВКП(б).

1928, февраль — Страна отмечает 50-летие Г. И. Петровского. Он награжден орденом Красного Знамени.

1929, апрель — Петровский принимает участие в работе XVI конференции ВКП(б).

1930, июнь — июль — Петровский принимает участие в работе XVI съезда ВКП(б), избирается в состав ЦК ВКП(б).

1932, январь — февраль — Петровский принимает участие в работе XVII конференции ВКП(б).

10 октября — Петровский вместе с Калининым и Орджоникидзе присутствует на открытии Днепровской гидроэлектростанции, выступает на митинге.

1934, январь — февраль — Петровский участвует в работе XVII съезда ВКП(б), избирается в состав ЦК ВКП(б).

Ноябрь — декабрь — Петровский принимает участие в работе Чрезвычайного VIII Всесоюзного съезда Советов, утвердившего новую Конституцию СССР.

1938, февраль — Г. И. Петровский награжден орденом Ленина.

Июнь — Петровский отзывается с Украины в Москву, работает на посту заместителя Председателя Президиума Верховного Совета СССР.

1939, март — Петровский участвует в работе XVIII съезда ВКП(б).

1940, июнь — Петровский начинает работать в Музее Революции СССР заместителем директора.

1941 — В начале войны Г. И. Петровский назначен комиссаром эшелона эвакуируемых из Москвы, музейных и других культурных ценностей.

1943 — Г. И. Петровский возвращается из эвакуации в Москву, продолжает работу в Музее Революции СССР.

1953 — В связи с семидесятипятилетием со дня рождения Петровский награжден орденом Трудового Красного Знамени.

1956 — Г. И. Петровский награжден орденом Ленина.

Петровский вместе с группой старых большевиков едет в Финляндию, выступает там с воспоминаниями о революционной деятельности, о Ленине.

1957, осень — Петровский с группой старых большевиков едет в Болгарию и Румынию.

1958, 9 января — Смерть Г. И. Петровского.

Краткая библиография

- Ленин В. И., Сочинения, 4-е издание, тт. 19, 21, 22, 23, 24, 25, 26, 32.
Ленин в первые месяцы советской власти. Сборник. М., 1933.
Ленин в Октябре. Сборник. М., 1957.
Ленин и «Правда» — 1912–1914. Сборник. М., 1962.
Биография В. И. Ленина, издание 2-е. М., 1963.
Петровский Г. И., Речи и статьи периода IV Государственной думы. 1912–1914 гг. Харьков, 1930.
Петровский Г. И., Статьи и речи. Партиздат ЦК КП(б)У. Харьков, 1934.
Петровский Г. И., Великие годы. Воспоминания. Киев, 1957 (на укр. языке).
Петровский Г. И., Из революционного прошлого. Сб. воспоминаний, отдельных статей и речей. Киев, 1958 (на укр. языке).

Отдельные статьи и заметки Г. И. Петровского

- Из поездки к избирателям. Газета «Северная правда», 23 марта 1913 года.
Депутаты на отдыхе. Газета «Северная правда», 24 марта 1913 года.
Из бесед с рабочими. Газета «Северная правда», 6 сентября 1913 года.
К шахтерам. Газета «Северная правда», 4 мая 1914 года.
О первых днях революции в Никитовке. Газета «Правда», 12 сентября 1917 года.
О политических настроениях в Донбассе. Газета «Пролетарская мысль», 18 сентября 1917 года.
Обращение к рабочим и крестьянам Украины. Газета «Правда», 1 февраля 1919 года.
Наш мудрый вождь. Сб. воспоминаний о В. И. Ленине, т. 1, стр. 540–544. М., 1956.
О газете «Искра». Журнал «Огонек» № 51, 1960.
Воспоминания о «Правде». Сб. «Страницы славной истории». М., 1962.
В. И. Ленин нас всегда учил быть с народом. Сб. воспоминаний о В. И. Ленине. М., 1963.
Октябрь в Донбассе. Сб. «Рассказы о великих днях», Сталинское изд-

во. Сталино, 1957.

Нет большего счастья в жизни, чем бороться за коммунизм. Газета «Комсомольская правда» № 261 за 1955 год.

Обращение к детям и молодежи в связи с 40-летием Октября и новым, 1958 годом. Газета «Комсомольская правда», 11 января 1958 года.

Очерки истории Коммунистической партии Украины. Киев, 1961.

История екатеринославской социал-демократической организации. 1889–1903 гг. Харьков, 1923.

Новоселов М., И. В. Бабушкин. М., 1957.

Большевистская фракция IV Государственной думы. Сборник материалов и документов. Л., 1938.

Бадаев А. Е., Большевики в IV Государственной думе. М., 1954.

Бадаев А. Е., Подлинный большевик. Газета «Известия». 4 февраля 1928 года.

Самойлов Ф. Н., Процесс большевистской фракции IV Государственной думы. Журнал «Пролетарская революция» № 3, 1926.

Самойлов Ф. Н., Один из лучших. Газета «Известия», 4 февраля 1928 г.

Шагов Н. Р., Воспоминания о прошедшем. Иваново, 1957.

Свердлова К. Т., Яков Михайлович Свердлов. М., 1957.

Петров Ф. Н., 65 лет в рядах ленинской партии. М., 1962.

У истоков партии. Сборник. М., 1963.

Всеукраинский староста Г. И. Петровский. Сборник. Харьков, 1925.

Ганжа И., Агитпоезд ВУЦИК имени В. И. Ленина на Украине в 1920–1921 гг. и участие в его работе Г. И. Петровского. Украинский исторический журнал № 1. Киев, 1958 (на укр. языке).

Стручкова Н. О., Революционная деятельность Г. И. Петровского. Киев, 1958 г.

Башарин П., Замечательный революционер и большой друг якутского народа. Якутск, 1963.

Григорий Иванович Петровский. Киев, 1961 (на укр. языке).

Журналы «Вестник НКВД», «Вестник отдела управления НКВД», «Власть Советов» за 1917, 1918 и 1919 гг.

Газета «Вісти» за 1920–1938 гг. (на укр. языке).

Иллюстрации

И. В. Бабушкин

Г. И. Петровский, 1905 год

ственного направлення и педеть къ
создацію въ Имперіи смуты. Въ то
время, какъ вся вѣрноподданная
часть населенія Россіи единодуш-
но готовилась къ празднованію
высоко торжественныхъ дней 300-лѣ-
тія Царствованія Дома Романовыхъ,
эта партія въ лицѣ вышеупомянута-
го Центрального Комитета совме-
стно съ Думскою фракціей была
занята выработкой директивъ по
о м р а ч е н і ю этихъ тор-
жествъ. Для достиженія сего эта
партія стремилась къ устройству
революціонныхъ выступленій въ фор-
мѣ демонстрацій политическаго ха-
рактера, забастовокъ рабочихъ и
студенческихъ беспорядковъ съ вы-
пускомъ листовъ и прокламаций
революціоннаго содержанія.

Васильевъ С. С. 1905 г.

Из донесения директора департамента полиции о причинах обыска у
депутата думы Петровского

Г. И. Петровский, 1912 год

Удаление из зала заседания IV Государственной думы депутата-большевика Петровского, 22 апреля 1914 года

Якутский этап. В группе ссыльных — Г. И. Петровский, 1916 год

Большевики-депутаты в ссылке, 1915 год. Слева направо: Г. И. Петровский, М. К. Муранов, Н. Р. Шагов, Ф. Н. Самойлов, А. Е. Бадаев

Письмо Г. И. Петровского Ф. Н. Самойлову, 1917 год

Петровский, 1917 год

М. И. Калинин и Г. И. Петровский

Г. И. Петровский на субботнике

Г. И. Петровский среди делегатов екатеринославской партийной организации, 1922 год

Семья Петровских, 1923 год. *Первый ряд слева направо: Григорий Иванович, Петр, Доминика Федотовна; второй ряд — Антонина и Леонид*

Г. И. Петровский, 1925 год

Г. И. Петровский, Харьков, 1928 год

Г. И. Петровский

ГОЛОВА
ВСЕУКРАЇНСЬКОГО ЦЕНТРАЛЬНОГО ВИКОНАВЧОГО КОМІТЕТУ
РАД РОБІТНИЧИХ, СЕЛЯНСЬКИХ І ЧЕРВОНОАРМІЙСЬКИХ ДЕПУТАТІВ

„ 2 “ ОКТЯБРЯ 1923 *Фр., м. Київ*

Сочи, Ореховская, 47

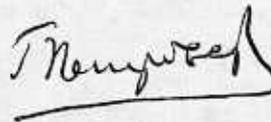
Тов .ОСТРОВСКОМУ Николаю Алексеевичу

Горячо приветствую Вас, Николай Алексеевич, с высокой наградой правительства и партии - орденом Ленина, решение о которой с большой радостью встретят комсомол, пролетарские писатели и вся советская общественность.

Эта награда за Ваши подвиги, за Ваш большой труд еще больше волюет Вам физических и духовных сил для дальнейшего творчества.

Буду следить за Вашей творческой работой и всегда готов помочь.

Ваш ПЕТРОВСКИЙ

Телеграмма Петровского Николаю Островскому, 2 октября 1923 года

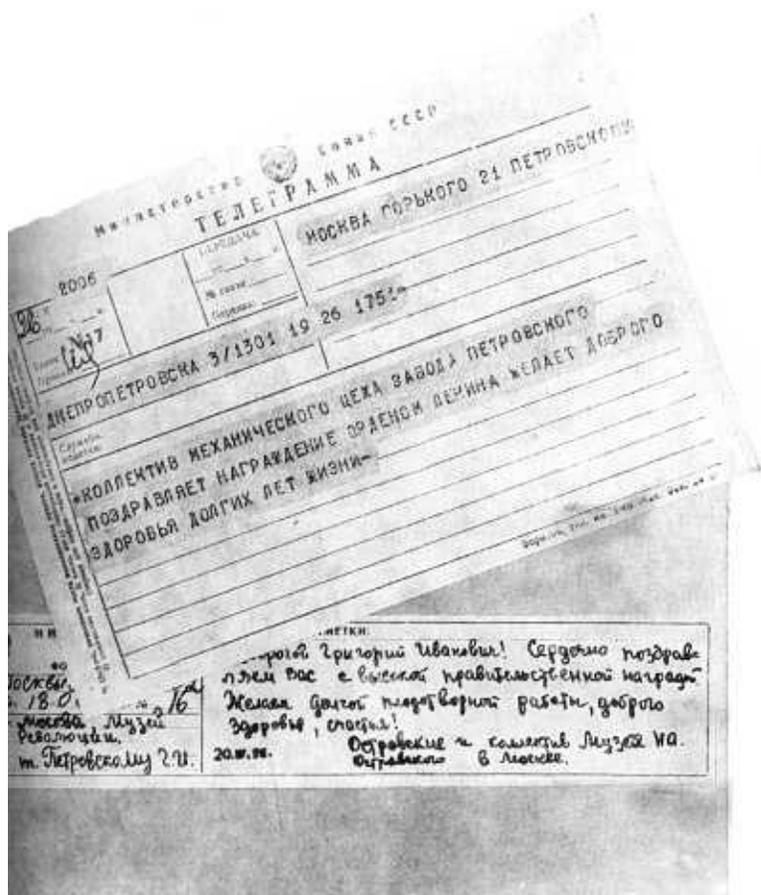
Г. И. Петровский вручает орден Ленина М. И. Калинину, 1935 год

И. Петровский вручает орден Ленина П. П. Постышеву, 1935 год

Г. И. Петровский выступает перед бойцами Московской пролетарской дивизии

Поздравительные телеграммы Г. И. Петровскому в связи с награждением его орденом Ленина

И. Петровский и внук К. Маркса Эдуард Лонге в Музее Революции,
1948 год

Г. И. Петровский среди делегатов XX съезда КПСС от якутской партийной организации, 1956 год

Г. И. Петровский среди старых большевиков Харькова и Донбасса, участников Октябрьской революции, 1957 год

Г. И. Петровский среди старых большевиков

Г. И. Петровский и его старый друг С. Н. Власенко.

notes

Примечания

1

Имеется в виду царский манифест 17 октября 1905 года.

Н. И. Иорданский в это время был меньшевиком-оборонцем, впоследствии он порвал с меньшевиками и вступил в большевистскую партию.